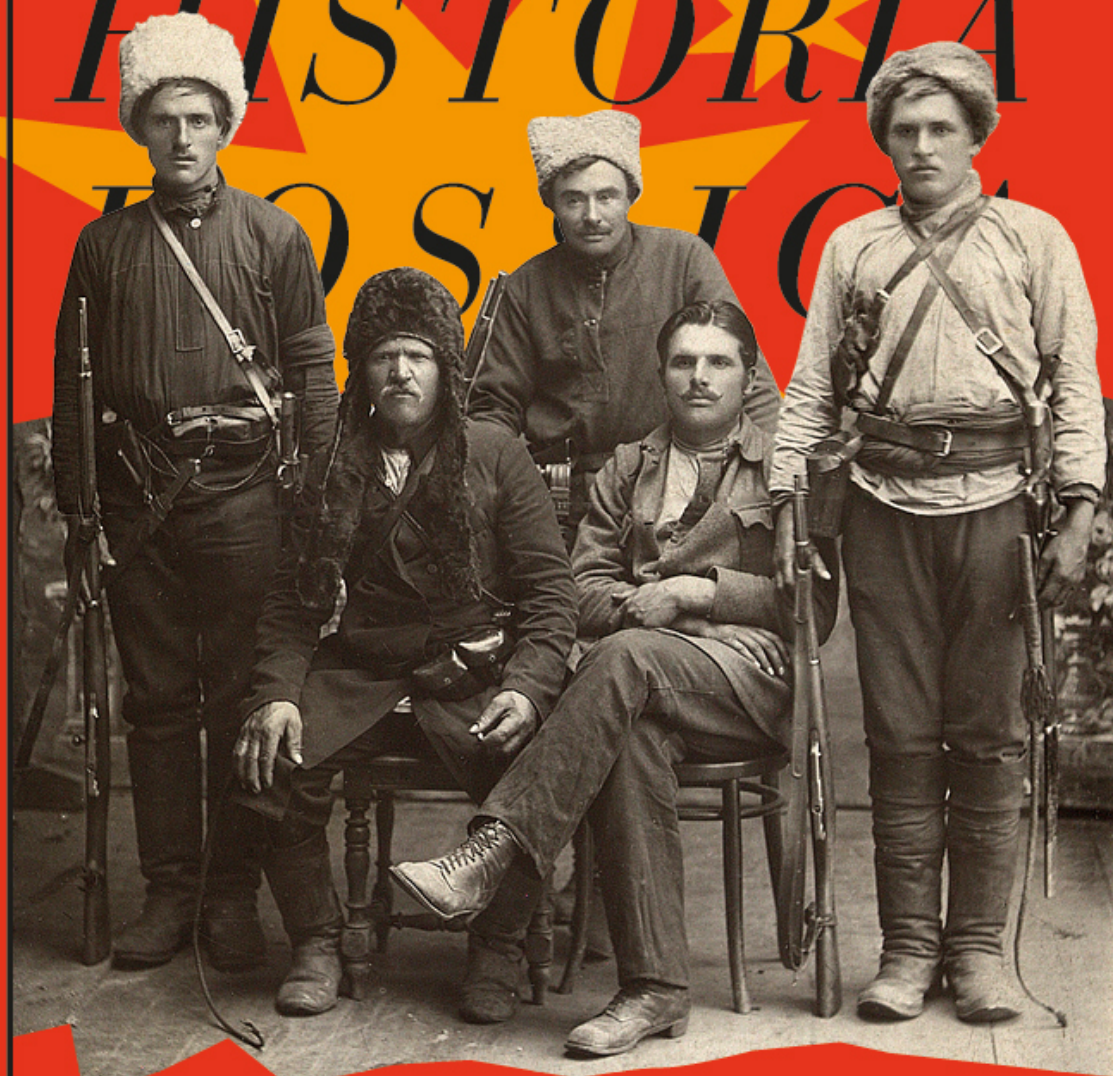

HISTORIA

Алексей Тепляков

КРАСНЫЕ
ПАРТИЗАНЫ
НА ВОСТОКЕ
РОССИИ.

1918 – 1922

ДЕВИАЦИИ, АНАРХИЯ И ТЕРРОР

18+

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Алексей Тепляков

**Красные партизаны на
востоке России 1918–1922.
Девииации, анархия и террор**

«НЛО»

2023

Тепляков А. Г.

Красные партизаны на востоке России 1918–1922. Девиации, анархия и террор / А. Г. Тепляков — «НЛО», 2023 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-482176-5

Красные партизаны – одни из самых мифологизированных участников Гражданской войны. Реальность, запечатленная в мемуарах, сводках белогвардейских штабов и газетной хронике, вступает в противоречие с героическим образом, который на протяжении долгого времени создавала советская пропаганда. А. Тепляков в своем исследовании показывает, как радикализм городских активистов соединился с маргинальной стихией расколотой социальными катаклизмами деревни и породил феномен партизанщины как погромного движения. Основываясь на многочисленных первоисточниках, автор книги раскрывает причастность партизан к классовым чисткам в селах и городах, приведшим к гибели десятков тысяч человек, большая часть которых относилась к коренному населению восточных регионов. Алексей Тепляков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН.

ISBN 978-5-44-482176-5

© Тепляков А. Г., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Часть I. Истоки анархического бунта	41
Глава 1	41
Глава 2	67
Часть II. От советского криминала к партизанскому	74
Глава 3	74
Глава 4	104
Глава 5	144
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Алексей Тепляков

Красные партизаны на востоке России. 1918—1922. Девиации, анархия и террор

ВВЕДЕНИЕ

Колоссальная драма России XX столетия – Гражданская война – по сей день привлекает самое пристальное внимание исследователей и публицистов. В последнюю четверть века на смену «старой и привычной для советской историографии классовой трактовке содержания Гражданской войны в России... пришло осознание ее глобального и тотального характера, раскрытие ее как комплекса взаимосвязанных и переплетающихся войн, противоборства не только на линиях, но и за линиями фронтов»¹. В современной западной историографии сложилось мнение, что на территории бывшей Российской империи произошел целый ряд революций и войн, включавших политические, национальные, социальные и другие основополагающие аспекты, которые по-разному комбинировались в разных национальных областях и регионах².

В начале текущего столетия П. Холквистом и Дж. Санборном была предложена концепция европейского военно-революционного кризиса 1914–1921 годов, выдержанная в русле исторической компаративистики. Авторы вписывают русскую революцию и ее опыт в общеевропейский контекст, порожденный формированием индустриальных обществ, феноменов массовой политики, пропаганды и насилия, противостоянием империй и национализма³.

Можно согласиться с П. Холквистом (как это делает О. С. Поршнева⁴), когда тот констатирует, что политические и социальные практики, выработанные имперским государством в ситуации тотальной войны, конструировали общее наследие для всех движений периода Гражданской войны и Россия в этом отношении не отличалась от Европы⁵. Однако здесь совершенно особое значение имеют последствия: Россия под властным воздействием большевиков вступила на путь самоистребления, от которого удержались европейские страны, сохранившие и элиту, и собственников, и привычный правовой уклад жизни. Именно наследие патриархального общества – наследие, которое господствовало над подавляющим большинством населения России, обусловило катастрофичность военно-политических конфликтов эпохи нашей Гражданской войны.

Ярким феноменом этой войны были масштабные и повсеместные действия иррегулярных частей – красных, белых, а также «зеленых», постепенно превращавшихся в регулярные части Красной армии, а частично и Белой либо сохранявших свою самостоятельность. Партизанщина (этот термин мы используем без кавычек) в качестве анархичного повстанческого движения, отрицающего верховное командование над собой, довлела над отрядами Красной гвардии и РККА, над многими частями белых войск, что повышает важность ее исследования.

---

¹ Голдин В. Среди «замазанных фигур». Белое движение: перспективы, исследования // Родина. 2008. № 3. С. 3–4.

² Smele J. The «Russian» Civil Wars 1916–1926. London, 2016; Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24.

³ Поршнева О. С. Практики насилия в воспоминаниях рабочих – участников Гражданской войны на Урале // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: Сб. докладов Международного colloquium в Санкт-Петербурге, 10–13 июня 2019 года. СПб., 2019. С. 294; Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass.; London, 2002; Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003.

⁴ Поршнева О. С. Практики насилия в воспоминаниях рабочих – участников Гражданской войны. С. 294.

⁵ Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis. P. 238.

Автор, долгое время изучающий различные аспекты государственного террора большевиков, в настоящей книге сосредоточился на малоизученной истории стихийного красного террора. Он не ставил своей целью написать новую историю партизанского движения, особенно с точки зрения хода боевых действий, поскольку считает необходимым дать исследователям этого внешне хорошо изученного феномена материал, который можно посчитать односторонним, но без которого невозможна объективная оценка действий антиправительственных повстанцев. В связи с этим в книге поставлена задача по-новому охарактеризовать важные, но недостаточно отмеченные в историографии элементы краснопартизанского движения, в котором всевозможные социальные девиации и широкий террор сыграли совершенно особую роль, включая и тот период (1920–1922 годы), когда партизаны активно, по их лексике, «работали» уже после свержения белых.

Разрушительный аспект партизанской стихии нам представляется основным в феномене красной партизанщины, демографический ущерб от которой до сих пор даже не оценен. Характерно, что ведущий специалист по демографии Сибири и в новейшей работе отказывается даже от приблизительных оценок, заявляя, что без статистики (которой нет) невозможно оценить вклад крестьянских мятежей, белого и революционного террора в повышение смертности населения⁶. По мнению некоторых современных историков, «исследование девиантного поведения людей революционной эпохи – занятие не для слабонервных. Но отказаться от рассмотрения жутких сторон революции — значит в конечном счете отказаться от познания вообще»⁷.

На примере охваченного широким повстанческим движением востока России – от Казахстана до Приморья – в этой книге рассматривается негативная сторона деятельности красногвардейцев, подпольщиков и партизан. Особое внимание заострено на проблеме девиантного поведения партизан, основанного на архаичных моделях общинных взаимоотношений, где значительную роль традиционно играли практики насилия. Партизанский террор был следствием не столько обычной военной разнузданности, сколько политики стихийных социальных чисток, необходимость которых – хотя бы на уровне родного села – осознавалась большинством активных повстанцев и где сочетались мотивы личные и классовые. Автором применен историко-антропологический подход на основе внимания к этнографическим, национальным и религиозным особенностям сибирского и дальневосточного населения.

Также много внимания в исследовании обращено на широкую криминализацию как советских властей Сибири и Дальнего Востока (причем на всех уровнях, не исключая и самого верхнего), так и красного повстанчества. С одной стороны, шло проникновение «обычных» уголовных элементов во власть, а с другой – идеологическая нетерпимость, карьеризм и желание отомстить приводили к криминализации многих идейных революционеров, ставившихся в своих поступках неотличимыми от представителей уголовного дна. Это специфическое обстоятельство, имевшее самые тяжелые последствия для населения, до сих пор игнорируется носителями упрощенных взглядов на события Гражданской войны, что закреплено прежней историографической традицией. То, что составило предлагаемую книгу, давно носится в воздухе, но никогда не было подробно оформлено, не было доказано на максимально большом фактическом материале.

Сущность партизанщины Э. Хобсбаум оценивал как социальный бандитизм, ставший типичной реакцией сельской массы на капитализм в эпоху, которая заканчивается к середине XX века уходом от традиционного общества. Социальный бандитизм может охватывать целые страны, но в итоге он обречен, ведь успешный бандит-революционер видит целью превращение себя просто в зажиточного собственника. В итоге повстанцы оказываются лишь активистами из

⁶ Исупов В. А. Население Сибири в условиях гражданской войны (1918–1922 гг.) // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: Сб. статей Всероссийской научной конференции, Сургут, 24–25 ноября 2017 года. Сургут, 2017. С. 198.

⁷ Книга памяти: Екатеринбург репрессированный 1917 – сер. 1980-х гг.: Научные исследования / Под ред. В. М. Кириллова [Б. м.], 2022. Ч. 1. С. 53.

крестьянской массы, а не идеологами и пророками новых социально-политических проектов⁸. Поэтому социальные бандиты обречены подстраиваться под тех, кто перехватывает их лозунги и навязывает свое видение будущего.

История партизанского движения периода Гражданской войны насчитывает огромное количество публикаций, основная часть которых появилась в коммунистические времена и демонстрировала доказательства осознанной борьбы многочисленных красных партизан за советскую власть. Масса трудов подробно описывала боевой путь партизанских соединений, решающую роль партии в их руководстве и политическом просвещении, убедительные победы над белыми войсками и интервентами, последующее вливание сознательных партизанских масс в ряды Красной армии, активное участие в защите Советской Республики и социалистическом строительстве⁹. Им приписывались всенародное сочувствие и огромные военные успехи: вплоть до утверждений, что именно партизаны освободили Сибирь от белых, хотя их достижения целиком зависели от развала колчаковского тыла, обусловленного наступлением частей РККА.

Партизаны провозглашались наиболее передовой частью крестьянства, поднявшейся против антинародной белой власти и беззаветно воевавшей ради победы красных, причем их боевая роль сильно преувеличивалась; последнее было характерно и для оценки эффективности советских партизан в 1941–1944 годах. Теневые стороны партизанщины, неизбежные для хаотически действовавших разношерстных отрядов, притом в обстановке острого социального (нередко и национального) противостояния, всегда описывались строго дозированно либо замалчивались. Основная часть мемуаров советской эпохи, особенно позднесоветских, подлаживалась под официальную точку зрения, помогая печатать и пропагандировать идеологически выверенные исследования, публицистические и художественные произведения, где красные партизаны представляли былинными героями¹⁰.

Наличие многочисленных фальсифицированных источников и необъективных исследований, появлявшихся под идеологическим прессингом, заставляет историков особое внимание обращать на мемуаристику и научно-документальные работы 1920-х – начала 1930-х годов, – хоть и тенденциозные, но создававшиеся по свежим следам и в значительной степени свободные от схематичной однолинейности следующих эпох. В связи с этим ряд оценок описываемых событий со стороны современников, много десятилетий казавшихся властям и исследователям идеологически неприемлемыми, сегодня заслуживают внимательного и уважительного отношения. Например, эсер Е. Е. Колосов темные стороны партизанщины обоснованно рассматривал как проявления «первобытных свойств крестьянской психологии»¹¹; о роли большевиков в разжигании жестокостей партизанщины справедливо писал С. П. Мельгунов¹². М. Н. Тухачевский в статье «Борьба с контрреволюционными восстаниями» откровенно отмечал, что и красные партизаны, и антибольшевистские повстанцы являются «живой составной частью местного

---

⁸ Хобсбаум Э. Бандиты. М., 2020. С. 11.

⁹ См. на материале Сибири: *Стишов М. И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962; *Дубина И. Д.* Партизанское движение в Восточной Сибири (1918–1920). Иркутск, 1967; *Жуков Ю. В.* Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972; *Шуклецов В. Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов: деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1981 – и др.

¹⁰ Вместе с тем некоторые труды могли приоткрывать трагедии прошлого. Так, в книге о П. П. Петрове были помещены обширные цитаты из его тюремных писем конца 30-х годов (см.: *Трушкин В.* Сибирский партизан и писатель П. П. Петров. Иркутск, 1965. С. 245–248).

¹¹ *Колосов Е.* Крестьянское движение при Колчаке // *Былое*. 1922. № 20. С. 261. На первобытные черты психологии русского крестьянина указывает и американский историк (*Пайнс Р.* Русская революция: В 3 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 333).

¹² *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Т. 2.

крестьянства», из-за чего Красной армии «борьбу приходится вести в основном не с бандами, а со всем местным населением»¹³.

Представляют значительный интерес и мнения советских исследователей, писавших в 1920-х годах¹⁴. Один из них откровенно признал, что именно «враждебное отношение» крестьянства к большевистской политике вынудило коммунистическую власть прибегнуть к карательным мерам¹⁵. Другой автор в 1930 году осмелился написать, что партизанщина своими насилиями над аборигенным населением привела к превращению Гражданской войны в Ойротии (Горном Алтае) из классовой в национальную¹⁶. Охранители эпохи застоя осудительно отмечали, что в историографии начала 1960-х годов «были сильно преувеличены достижения литературы 20-х годов о гражданской войне, имело место только негативное отношение к тому, что было создано учеными на втором этапе развития историко-партийной науки»¹⁷, т. е. во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х годов.

Между тем с середины 30-х годов советская историография предпочитала обходить или подвергать сомнению многочисленные ранее опубликованные факты, которые не соответствовали официальной точке зрения на красных партизан, рисуемых в качестве сознательных большевиков и только с героической стороны. Пределы дискуссионного поля постоянно сужались, а неортодоксальные оценки тех или иных явлений предавались забвению. Но и те, кто готов был критиковать уже сложившиеся мифы, делали это необязательно ради любви к истине. Так, старая неприязнь к крестьянству заставила М. Горького быть в первых рядах критиков партизанщины. При обсуждении в 1931 году концепции многотомной «Истории гражданской войны» у Горького особую тревогу вызывало преувеличенное «представление роли крестьянства, составившего основу партизанского движения, особенно в Сибири, но остававшегося далеким от пролетарских ценностей революции»¹⁸. Горький беспокоился, что в беллетристике «...литераторы слишком много внимания уделяли партизанскому движению в крестьянстве... слишком густо в различных произведениях была подчеркнута роль личности... Получалось что: выскакивают разные щетинины¹⁹ и пр., они побеждали, и революция победила их силою. Все это было: щетинины боролись, но одно дело бороться за корову, другое дело за социализм. ...По Сибири особенно много внимания нужно уделить партизанскому движению, потому что бесспорно – там оно играло весьма значительную роль... Тут нужно последовательно проследить сходство и различие, настроение, идеи партизанских отрядов, указать на переходы их от красных к белым и обратно – и т. д.»²⁰

К. Е. Ворошилов тогда же отмечал, что партизанщина была опасна тем, что составили ее и «...те элементы, которые в процессе борьбы <...> от революции отходили к контрреволюции. <...> Возьмите, например, муравьевщину, Думенко и целый ряд других „деловых людей“, „своих людей“, которых нам пришлось потом расстреливать. Какие социальные условия, какие события эту публику вынуждали от нас уходить?»²¹ Но предложения Горького и

¹³ Родина. 1989. № 10. С. 52, 53.

¹⁴ Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилкой и колчаковской контрреволюцией / Под ред. И. Н. Смирнова и др. М.; Л., 1926 – и др.

¹⁵ Кубанин М. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военный коммунизм) // На аграрном фронте. 1926. № 1. С. 44.

¹⁶ Мамет Л. П. Ойротия: очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930. С. 97.

¹⁷ Спиринов Л. М., Литвин А. Л. На защите революции: В. И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны (Историографический очерк). Л., 1985. С. 47.

¹⁸ Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов / Ред. и сост. Д. С. Московская. М., 2018. С. 28.

¹⁹ Имеется в виду сибирский партизан П. Е. Щетинкин.

²⁰ Историография Гражданской войны в России. С. 34, 35.

²¹ Там же. С. 41.

Ворошилова противоречили складывавшемуся на их глазах ортодоксальному канону, нивелировавшему сложности революции, и реализованы не были, а попытки оспорить его подвергались организованным нападениям даже в период «оттепели», когда после XX съезда сложился модифицированный историографический канон, который действовал до конца 1980-х годов и опирался на методологические высказывания «старшего вождя» – Ленина – и восходящие к ним толкования истории со стороны вождя очередного.

Например, после выхода в 1962 году книги Н. Ильюхова и И. Самусенко «Партизанское движение в Приморье (1918–1922 гг.)» состоялась организованная академическим журналом дискуссия, в ходе которой авторам книги были предъявлены большей частью политизированные обвинения. Им поставили в упрек попытку доказать, что партизанское движение в Приморье имело самодовлеющий характер, было начато и продолжено крестьянскими массами под руководством группы беспартийных местных учителей, а большевики примкнули к нему позднее²².

Известным партизанам-мемуаристам традиционно, но по обыкновению мягко ставили в вину недооценку роли большевиков. В рецензии на воспоминания П. Е. Щетинкина видный сибирский партизанин Д. К. Чудинов в качестве недостатка отмечал, что единственным мотивом ухода в леса и формирования боевых отрядов были, согласно Щетинкину, не сознательность партизан, а только репрессии белой контрразведки и военных отрядов в отношении крестьян (дезертиров и укрывателей оружия. – А. Т.). Анализируя мемуары И. В. Громова (Мамонова) и П. Е. Щетинкина 20-х годов, М. Е. Плотникова довольно показным образом удивлялась, что у знаменитых партизан нет ни слова о роли большевиков в создании партизанских отрядов и руководстве ими²³. В 1987 году В. И. Шишкин недоумевал, как обошли тему партийного руководства в своих мемуарах видные партизаны-большевики – И. Е. Громов-Амосов, И. В. Громов (Мамонов) и Н. Урманский²⁴. Между тем И. В. Громов и в рукописных материалах избегал подробностей о своих соратниках, кратко указывая, что это были уклонившиеся от мобилизации в армию беспартийные крестьяне-дезертиры. А начальник Главштаба армии Кравченко и Щетинкина А. Т. Иванов в мемуарах откровенно заявлял, что повстанческое «движение [среди крестьян Енисейской губернии] произошло стихийно, беспрограммно, экспромтно»²⁵.

Настороженно-нигилистическое отношение к литературе 1920-х – первой половины 1930-х годов у большинства историков сохранялось до конца советской эпохи. Даже в 1983 году официальным автором давалась сугубо положительная оценка пресловутого «Краткого курса истории ВКП(б)», закрепившего «торжество марксистско-ленинской историографии над эсеровско-троцкистской и буржуазно-националистической»²⁶. Крайнее негодование у ортодоксов вызывали «насквозь антимарксистские»²⁷ работы о сибирской партизанщине троцкиста В. Б. Эльцина²⁸.

Историками до самого конца советской эпохи не критически оценивались даваемые партизанами цифры боевых потерь со стороны противника, сильно преувеличивались масштабы

²² Седов К. И. Дискуссия о некоторых вопросах истории партизанского движения на Дальнем Востоке в 1918–1922 годах // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 156–169.

²³ Сибирские огни. Новосибирск, 1930. № 3. С. 131; Плотникова М. Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974. С. 190–191.

²⁴ Шишкин В. И. Большевики и партизанское движение в Сибири в освещении советской литературы 20 – начала 30-х гг. // Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1987. С. 66–67.

²⁵ Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. Воспоминания, мемуары. Красноярск, 2021. С. 357.

²⁶ Павлов Я. С. Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев (Руководство РКП(б) подпольной и партизанской борьбой в годы вооруженной иностранной интервенции и гражданской войны). Минск, 1983. С. 50.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны. С. 261–280; Он же. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2. С. 5–49; № 3. С. 51–82.

ответного белого террора. Даже в наиболее основательных трудах предельно кратко и очень выборочно упоминались эксцессы, связанные с жестокими партизанскими чистками и грабежами захваченных населенных пунктов; при этом утверждалось, что подобные негативные стороны проявлялись якобы лишь в небольшой части отрядов, пораженных анархистско-эсеровскими тенденциями и оставшихся без благотворного влияния коммунистов²⁹. По мнению М. Е. Плотниковой, партизанское движение в Сибири не только не дало примеров массовой махновщины, а, напротив, «в своем подавляющем большинстве с самого начала проходило на четко выраженной советской позиции, под преобладающим влиянием большевиков»³⁰.

Недостаточно прорабатывался биографический аспект. Например, в дальневосточной литературе 60–70-х годов повторялось мнение, что член ВЦИК З. Ф. Кулинич-Присяжнюк (убитый в Якутии в ноябре 1918 года³¹) погиб в начале 1919-го в ходе восстания в Амурской области³², а бывший руководитель барнаульской Красной гвардии В. И. Устинович (расстрелянный советским трибуналом за изнасилование и убийство³³) считался героически погибшим от рук белых³⁴. Особенно тщательно скрывалось уголовное прошлое многих партизанских командиров.

Очень поверхностно исследователи касались взаимоотношений партизанских лидеров (а они были зачастую крайне конфликтны), бытовой составляющей жизни партизан, их противоречивых контактов с остальным населением, в том числе аборигенным, реакции на большевистские порядки, судеб видных партизан, не всегда находивших свое место в мирной жизни и очень рано ставших одной из мишеней чекистского террора.

В течение всего советского периода историками недостаточно использовались документы антибольшевистских властей, сообщения белой прессы, очень аккуратно цитировались партизанские мемуары, особенно те, в которых бесхитростно и откровенно сообщалось о многочисленных и нередко садистских расправах над безоружными людьми (пленными, мирными жителями), а также упоминались многочисленные факты пьянства, мародерства и насилия. Совершенно не оценивался демографический, моральный и материальный ущерб от партизанщины, ее негативное воздействие на взаимоотношения русского и аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока.

Подобное игнорирование важнейших обстоятельств не позволяло написать объективную историю краснопартизанского движения восточной части страны. Хотя периодически появлялись отдельные неортодоксальные статьи специалистов по истории партизанщины, противостоявшие казенной линии³⁵. В годы перестройки вышла хорошо фундированная книга барнаульского краеведа В. Ф. Гришаева об алтайском партизанском вожде Ефиме Мамонтове, где, на фоне традиционного восхищения повстанцами, впервые громко прозвучали критические ноты в отношении партизанских бесчинств, амбиций командиров, указывалось на репрессии в отношении многих видных партизан³⁶.

²⁹ Кадейкин А. В. Сибирь непокоренная. Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Кемерово, 1968. С. 442–445; Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1978.

³⁰ Плотникова М. Е. Советская историография гражданской войны в Сибири. С. 184.

³¹ Познанский В. Трагедия на Олёкме // Сибирские огни. Новосибирск, 1968. № 11. С. 143.

³² Красный остров. Воспоминания, очерки, документы о борьбе за власть Советов на Амуре (1918–1922 гг.). Благовещенск, 1967. С. 340–341; Агеев А. В. Амурские партизаны. Очерк по истории партизанского движения в Амурской области (1918–1920 гг.). Благовещенск, 1974. С. 21, 23, 24, 39, 76.

³³ О его судьбе будет рассказано ниже.

³⁴ Павлова И. В. Красная гвардия в Сибири. Новосибирск, 1983. С. 261.

³⁵ Шишкин В. И. Из истории борьбы коммунистической партии и советской власти против анархизма в Западной Сибири в 1919–1920 гг. // Классовая борьба в сибирской деревне в период построения социализма: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1978. С. 3–38.

³⁶ Гришаев В. Ф. Сыны Алтая и Отечества. Барнаул, 1989. Кн. 3: Ефим Мамонтов.

Партизаны поныне остаются самыми мифологизированными участниками гражданского противостояния. Характерно, что с крушением коммунистического режима Гражданская война не стала историей в полном смысле этого слова, ибо общественное примирение не наступило и поныне; разность идейных потенциалов многих исследователей и публицистов чаще выливается в полемическое «искрение», а не в создание цепочек взвешенных суждений. Очевидно, что не является чисто академической проблемой и история красного террора во всех его ипостасях – таких, как партизанщина, насилие со стороны частей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), внутренних войск, частей особого назначения (ЧОН) и милиции, чекистские чистки, красный бандитизм. Однако значительная часть новейших работ до сих пор полностью игнорирует и сам феномен партизанщины (как в книге Г. А. Трукана, где правительству Колчака посвящена обстоятельная глава³⁷), и партизанское насилие к такой заметной части крестьянского населения, как казачество³⁸, несмотря на то что красный террор, переросший в геноцид, привел, например, к уничтожению до трех четвертей 175-тысячного уральского казачьего населения³⁹.

Исследователь истории Дальневосточной республики В. В. Сонин в последнем издании своего труда по правовой истории ДВР продолжил игнорировать феномен партизанщины, понижавшей военно-политические и правоохранные структуры этого квазигосударства⁴⁰. Другие историки уверены в вечной правоте красных повстанцев, «которые прославили себя на алтайской земле»⁴¹, а панегиристы В. П. Шевелёва-Лубкова ставят его деятельность «в один ряд с заслугами Чапаева, Ворошилова, Будённого...»⁴², хотя тот командовал всего лишь несколькими десятками, а потом – сотнями партизан-мародеров в Томской губернии.

В постсоветской историографии партизанщина, как и многие другие, казалось бы, серьезно изученные темы, привлекает внимание ряда исследователей, которые, однако, пока не охватили всех открывающихся для изучения сторон этого феномена. Контрастом выглядит опережающее появление подробных исследований теневой стороны партизанского движения в годы Второй мировой войны⁴³. Сибирь и Дальний Восток были одной из главных арен партизанщины, в связи с чем изучение деструктивных действий и девиантной повседневности десятков тысяч повстанцев на этих территориях – актуальная научная проблема.

Разрушение советской мифологии следует начинать с критического переосмысления традиционной оценки, гласящей, что из примерно 400 тыс. партизан Гражданской войны около 140–150 тыс. приходилось на Сибирский регион⁴⁴ и 50 тыс. – на Дальневосточный. До сих пор, несмотря на критику еще С. П. Мельгуновым, исследователи доверяют П. С. Парфёнову, который в середине 20-х годов без указания на источники определял силы партизан уже к сентябрю 1919 года в немыслимые 120 тыс. человек⁴⁵. Хотя в регионах было много отрядов, Парфёнов объединял партизан каждой губернии под именем какого-то конкретного вожака, непомерно

³⁷ Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000.

³⁸ См.: Каминский Ф. Казачество Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX века. Магнитогорск, 2001.

³⁹ Дубовиков А. М. Уральское казачество в системе казачьих войск дореволюционной России // Отечественная история. 2005. № 1. С. 124.

⁴⁰ Сонин В. В. Государство и право Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). 2-е изд., испр., доп. Владивосток, 2011.

⁴¹ Гордон Э. В., Мезенцев Р. В. Подпольная большевистская печать на Алтае в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) // Мир Евразии. 2010. № 4 (11). С. 72.

⁴² Ищенко Н. А., Опарина Л. В. Василий Шевелёв-Лубков – георгиевский кавалер, партизанский командарм: Сб. воспоминаний и документальных материалов о Герое Гражданской войны В. П. Шевелёве-Лубкове. Новосибирск, 2014. С. 10.

⁴³ Гозуи А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944. М., 2012; Спириденков В. А. Лесные солдаты: Партизанская война на Северо-Западе СССР: 1941–1944 гг. М., 2007.

⁴⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 433. Следует отметить, что в период военных успехов наступления Колчака, то есть к лету 1919 года, численность сибирских партизан не превышала 10 тыс. Ларьков Н. С. Партизанское движение // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 581.

⁴⁵ Парфёнов П. С. [Пётр Алтайский]. Гражданская война в Сибири. 1918–1920 гг. М., 1924. С. 131.

преувеличивая и округляя численность их подразделений, которые к тому же резко выросли именно после сентября, к самому концу 1919 года. Похожие преувеличения допустили М. А. Гудошников и А. Г. Липкина⁴⁶. В книге М. М. Шорникова утверждается, что к августу того же года партизанские армии насчитывали «не менее 140 тыс. бойцов»⁴⁷.

По мнению В. И. Шишкина, к концу 1919 – началу 1920 года только в крупных соединениях и отрядах Сибири было до 140–150 тыс. партизан. При этом он ссылается на оценки партийных властей Сибири начала 1920-х годов, целиком им доверяя⁴⁸ (очевидно влияние на Шишкина и цифр Парфёнова). Между тем есть мнения, критикующие советские источники: в новаторской книге И. С. Кузнецова⁴⁹ отмечена дискуссионность обычно приводимых данных о численности партизан⁵⁰. В последнее время ведущие специалисты по истории Гражданской войны в Сибири осторожно признают завышенность цифр, приводимых исследователями прошлых десятилетий, например Ю. Журовым, о наличии якобы 150 тыс. партизан, освободивших от белой власти районы с населением в 1,8 млн человек⁵¹. Между тем сведения Журова и его последователей, похоже, опираются на фантастические данные бежавшего от белых члена Центросибири В. Д. Виленского-Сибирякова о том, что в крестьянских восстаниях на территории Сибири приняли участие до 2 млн человек. Виленский-Сибиряков, вероятно, обобщил пропагандистские материалы «Правды» и других советских газет, выведя также широко используемые поныне цифры белого террора – о якобы 40 тыс. убитых белыми и 80 тыс. арестованных сибиряков к весне 1919 года⁵².

В одной из своих предыдущих работ автор считал возможным значительно, в полтора раза, сократить обычно приводимую цифру в 140–150 тыс. сибирских партизан⁵³, поскольку она опирается на некритически воспринимаемые данные, полученные от самих партизанских вожakov. Цифры, опирающиеся на достоверную статистику партизанского штаба, позволяют существенно уменьшить объявленную когда-то численность и Западно-Сибирской крестьянской красной армии Е. М. Мамонтова и И. В. Громова (30 тыс. вместо 50 тыс.)⁵⁴. То же касается и армии А. Д. Кравченко, и других крупных частей. Так, численность 1-й Томской партизанской дивизии, возглавляемой В. П. Шевелёвым-Лубковым, с прежних 18 тыс.⁵⁵ еще в советское время сократилась до 1 тыс.⁵⁶ Поэтому количество сибирских партизан накануне краха

⁴⁶ Гудошников М. А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959. С. 144; Липкина А. Г. 1919 год в Сибири. М., 1962. С. 140, 142.

⁴⁷ Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963. С. 33.

⁴⁸ Шишкин В. И. Борьба большевиков за объединение сибирских партизан с Красной армией (декабрь 1919 – апрель 1920 г.) // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1986. С. 81.

⁴⁹ См.: Кузнецов И. С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск, 2001.

⁵⁰ БСЭ. 1-е изд. Т. 39. С. 162, 163; Партизанское движение в Западной Сибири. Новосибирск, 1959. С. 22; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 51; Павлов Я. С. Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев. С. 427–428.

⁵¹ Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. научных статей. Новосибирск, 2013. Вып. 4. С. 76.

⁵² Сибиряков Вл. Что принес Колчак сибирским рабочим и крестьянам. М.; Пг., 1919. С. 3–30.

⁵³ Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 35.

⁵⁴ Шишкин В. И. Западно-Сибирская крестьянская красная армия // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 580. В середине 30-х И. В. Громов принимал максимальную численность своей армии в 30 тыс. (см.: Партизанское движение в Западной Сибири в 1918–1919 гг.: Сб. документов. Новосибирск, 1936. С. 14). Однако четверть века спустя во втором издании документального сборника утверждалось, что в армии Мамонтова-Громова было 50 тыс. бойцов (см.: Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.). Новосибирск, 1959. С. 22).

⁵⁵ А. Н. Геласимова в ранних мемуарах говорила о 10 тыс., в книге – о 18 тыс. (см.: Государственный архив Новосибирской области [далее – ГАО]. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1187. Л. 42; Геласимова А. Н. Записки подпольщицы. М., 1967).

⁵⁶ Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. С. 213–215. По публичному заявлению Г. Х. Эйхе, пресловутая «армия трех уездов» Шевелёва-Лубкова насчитывала шесть плохо вооруженных рот (см.: Партизанское и повстанческое дви-

колчаковской власти было, вероятно, не более 70–80 тыс. человек. По мнению современного исследователя, количество партизан Дальнего Востока на конец января 1920 года было втрое меньше традиционно приводимой численности в 50 тыс. человек – не более 17 тыс., из которых более четверти являлись бывшими колчаковскими солдатами и казаками, перешедшими на сторону партизан недавно, в декабре и январе⁵⁷. Отсюда следует, что логична корректировка и принятой общероссийской численности красных партизан – не 400 тыс., а в пределах 200–250 тыс., к тому же учитывая большую разницу (как и в РККА) между списочным и боевым составами.

До сих пор новые факты и оценки, касающиеся партизанщины, появляются в основном в статьях, а крупных работ немного, причем заметная их часть, особенно краеведческая, давая подчас ценную фактуру, зависима от штампов советской историографии. Так, возражая мнению журналиста «Барабинской степи», который сожалел об отвлечении с фронта трех белых батальонов для подавления восстания, С. П. Звягин удивлялся «логике автора, который ставит интересы победы Колчака на фронте выше тех конкретных местных проблем, которые пытались решить своими силами крестьяне»⁵⁸. По мнению В. И. Шишкина, отряд известного красного бандита М. Х. Перевалова после изгнания Колчака превратился «из орудия борьбы против контрреволюции и [из орудия] защиты трудящихся... в рассадник бандитизма, стал дискредитировать Советскую власть»⁵⁹. А. Н. Никитин сделал вывод о том, что повстанческо-партизанское движение было вызвано в основном «антинародной внутренней политикой» белых, хотя большую роль сыграла и деятельность социалистических партий⁶⁰. Историки избегали, как и ранее, упоминаний о том, что таких лидеров, как Н. А. Каландаришвили и П. Е. Щетинкин, командование наступавшей на Читу 5-й армии еще в начале 1920 года обвиняло в подрыве советской власти, а также в том, что откровенно криминогенная обстановка в рядах участников восточносибирской герильи угрожала мирному населению⁶¹.

Но и в последних работах заметны штампы прежних времен. Московский историк В. В. Кривенький в наши дни возражает против увековечивания памяти тамбовских и кронштадтских повстанцев, восклицая: «Не хотят ли нас таким образом подготовить к „ревизии“ целого ряда деяний, направленных против советской власти, к реальному пересмотру исторических событий и фактов давно свершившихся дней?»⁶² (на деле же историческое познание не может исходить из завершенности изучения той или иной проблемы, тем более такой актуальной, как переосмысление всего советского опыта, до сих пор имеющего массу апологетов).

Характерно, что по сей день не дождался обстоятельного изучения и белый террор, хотя уже в перестроечные времена было высказано мнение о сильном завышении численности его жертв авторами советских трудов⁶³. Серьезно всмотрелся в психологию красных и белых погромщиков В. П. Булдаков⁶⁴. Попытки ряда современных историков, включая таких извест-

жение в Причумышье, 1918–1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. Г. Н. Безрукова. Барнаул, 1999. С. 20).

⁵⁷ Тарасов Ю. А. Антиколчаковское партизанское движение в Приморье (1919–1920 гг.): проблемные вопросы, гипотезы, решения, выводы. Саарбрюкен, 2012. С. 262.

⁵⁸ Сибирь в период гражданской войны: Учебное пособие. Кемерово, 1995. С. 91.

⁵⁹ Шишкин В. И. Шарыповское дело (К истории красного бандитизма в Сибири) // Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1993. С. 158.

⁶⁰ Никитин А. Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири (Источниковедческие и историографические аспекты изучения). Томск, 1994. С. 91.

⁶¹ Исповедников Д. Ю. Публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): источниковедческий и археографический аспекты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 19.

⁶² Кривенький В. В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М., 2018. С. 357.

⁶³ Зашихин А. Н. Интервенция на Севере Советской России: проблемы изучения // Сквозь бури гражданской войны. «Круглый стол» историков / Ред. В. И. Голдин. Архангельск, 1990. С. 95.

⁶⁴ Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 425–513.

ных, как А. Л. Литвин и И. В. Нарский⁶⁵, уравнивать красный и белый террор не могут считаться убедительными, а привлеченный ими материал по белому террору (весьма ограниченный и не всегда достоверный) – достаточным для выводов.

Постепенно старые схемы теряют значение, но пока не опровергнуты должным образом из-за отсутствия основательных исследований. Так, Г. А. Трукан в 2000 году оспорил выводы советского историка К. В. Гусева о том, что на территории Комуча (Комитета членов Учредительного собрания) «свирепствовала контрразведка», а министр Самарского правительства Климушкин и эсер Коваленко были якобы руководителями «террористических актов против населения»⁶⁶. Но А. Л. Литвин все же, опираясь на малообъективную коммунистическую мемуаристику, обвинил Комуч в жесточайшем терроре. Заслуженной популярностью пользуется биография А. В. Колчака, написанная П. Н. Зыряновым, в которой вопросы борьбы с красным повстанчеством и обоюдного террора трактуются достаточно убедительно⁶⁷. Объективно исследованы аспекты белого террора в работе Н. С. Кирмеля и В. Г. Хандорина⁶⁸.

Однако чаще историки анализируют белый террор с прежних, по сути классовых позиций. Старые идеи о колоссальном белом терроре активно проповедовал П. А. Голуб, тенденциозно привлекавший как известные, так и архивные материалы⁶⁹. В новейшей книге И. С. Ратьковского, собравшего хронику белого террора, отсутствуют архивные данные, зато некритически использован массив советского лживого пропагандистского материала. Попытка в 2021 году оформить его в единое исследование (с элементами критики ряда советских источников и добавлением некоторых архивных документов) не избавила автора от тенденциозности, преувеличений, повторения ложной информации и архаичного вывода о террористической сути белой власти⁷⁰.

Созданные Гражданской войной белые правительства хотя логичным образом и тяготели к авторитаризму, основывались все же на правовых принципах⁷¹. Так, современные историки отвергают мнение о режиме А. И. Дутова как террористическом⁷². Характерно, что ни одно антибольшевистское правительство на востоке России не преследовало цели установить тотальный контроль над общественным мнением⁷³. По мнению ряда современных историков, именно Белое движение по преимуществу отстаивало модель либерального государства: «Другое дело, что целый ряд обстоятельств (и не в последнюю роль неуправляемость армии, выливавшаяся в нередкие акты „мщения“ и насилия) не позволил этому варианту общественного развития утвердить себя в России»⁷⁴.

Необходимо отметить, что частые и жестокие расправы карательных экспедиций с родственниками подпольщиков и партизан, а также всеми, кто признавался подозрительным и нелояльным, сочетались в то же время с откровенно либеральным отношением к красным со

⁶⁵ Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004; Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

⁶⁶ Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 328; Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. С. 36.

⁶⁷ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. 4-е изд. М., 2012 (1-е изд. – в 2006 году).

⁶⁸ Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015.

⁶⁹ Голуб П. А. Белый террор в России (1918–1920 гг.). М., 2006.

⁷⁰ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017; Он же. Белый террор. Гражданская война в России. 1917–1920 гг. СПб., 2021.

⁷¹ Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001; Цветков В. Ж. Репрессивное законодательство белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 16–26.

⁷² Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 359–373; Сафонов Д. А. Факел над бездной: Революция 1917 года и Гражданская война на Юго-Востоке Европейской России. Оренбург, 2017. С. 262.

⁷³ Рышков В. М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.): Сб. научных статей. Новосибирск, 2009. С. 121.

⁷⁴ Россия нэповская. М., 2002. С. 59.

стороны многих представителей как гражданских властей, так и силовых структур, особенно в управляемой эсерами Иркутской губернии. Основная часть низовых советских работников и радикально настроенных профсоюзных активистов в 1918 году либо полностью избежала репрессий, либо отделалась штрафами, порками или недолгим заключением. Уцелела и значительная часть экстремистских лидеров руководящего звена.

Как вспоминал управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев, волостные советы он заменял на земские управы «почти без персональных изменений». Опередив военных, Яковлев создал гражданские следственные комиссии, которые в ближайшие недели освободили всех тех большевиков, за которых мог «хоть кто-нибудь поручиться», причем поручителей (обычно фиктивных) никто не проверял до самого конца 1918 года. Поэтому большинство арестованных в Иркутской губернии уже через три месяца вышло на свободу⁷⁵. Управляющий Семиреченской областью в 1919 году назначил ряд бежавших из России совдеповцев на административные посты, не проведя их через следкомиссию⁷⁶.

В Якутии основных большевистских активистов просто выслали за пределы области, а прочие разгуливавшие по Якутску деятели красной уголовщины усердно запугивали население скорым возвращением большевиков⁷⁷. Пресса сообщала, что разбежавшиеся комиссары осенью 1918 года достаточно свободно чувствовали себя, например, во Владивостоке, где были узнаны Я. Д. Янсон и экс-военком Иркутского военного округа Т. М. Стремберг⁷⁸. Благовещенская газета возмущалась, что «полумухинское» правительство эсера А. Н. Алексеевского (ушел в отставку с 11 ноября 1918 года) дает возможность оставшимся в городе красным требовать и кричать на площадях, угрожая возвратом совдеповщины, а убийц, на которых покарывают родные жертв страшного мартовского погрома, не преследуют якобы «за недостатком улик» и «не розыском»⁷⁹.

Б. Н. Мельников (впоследствии один из организаторов разведок Генштаба РККА и Коминтерна) был освобожден в декабре 1918 года в Хабаровске. Арестованный в Енисейске подпольщик П. Ф. Москалёв (будущий второй секретарь Бурят-Монгольского обкома партии) с августа по декабрь 1918 года пробыл в Енисейской и Красноярской тюрьмах, после чего оказался освобожден под залог⁸⁰. Осужденный к смертной казни М. П. Мельников (в 30-х годах – председатель Камчатского облисполкома) в декабре 1918 года был освобожден из Балаганской тюрьмы на поруки как якобы психически больной. Будущий секретарь Приморского обкома ВКП(б) К. Ф. Пшеницын, арестованный семёновцами в августе 1919 года на станции Маньчжурия КВЖД, в январе следующего года был освобожден за выкуп⁸¹. Список уцелевших крупных функционеров РКП(б) очень велик.

Рядовых пленников белые зачастую освобождали в массовом порядке после нескольких недель или месяцев заключения. Чехословаки в начале июня 1918 года отпустили красногвардейцев, взятых в плен под Мариинском, потребовав от рабочих Судженских копей слова, что «освобожденные красногвардейцы не будут, как прежде, заниматься грабежами и насилиями и не будут выступать против идеи народовластия и против чехословаков»⁸². Большевичка с 1917

⁷⁵ Показания Павла Дмитриевича Яковлева // Сибирский архив: архивные документы, публикации, факты, комментарии. Научно-популярный историко-краеведческий сб. Иркутск, 2000. Вып. 1. С. 43.

⁷⁶ Государственный архив РФ [далее – ГАРФ]. Ф. 176. Оп. 5. Д. 590. Л. 9.

⁷⁷ Наша Заря. Омск, 1919. 26 янв. № 18. С. 4.

⁷⁸ Разбитые большевики // Правительственный вестник. Омск, 1918. 24 нояб. № 6. С. 4.

⁷⁹ Амурское эхо. Благовещенск, 1918. 8 нояб. № 884. С. 3. Правительство иронически было названо так по имени Ф. Н. Мухина, первого большевистского главы Амурской области (о судьбе Мухина см. ниже).

⁸⁰ *Ферапонтов А.* За что боролись, на то и напоролись // [Эл. ресурс]. URL: <http://memorial.krsk.ru/Public/90/990001.htm> (дата обращения 6 марта 2023 года).

⁸¹ *Борисова В. Г.* Судьба его трагична: (о М. П. Мельникове) // Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. С. 190; Из истории спецслужб Бурятии. Улан-Удэ, 1997. С. 26.

⁸² Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.: В 3 т. / Сост. Э. И. Черняк, Н. С. Ларьков, В.

года (и будущая легендарная разведчица) Елена-Августа Бердникова, арестованная в Новониколаевске, через два месяца была освобождена, в марте 1919-го снова задержана и пять дней спустя бежала. Из воспоминаний красногвардейца Е. Новиченко следует, что сдавшиеся в г. Свободном Амурской области отсидели 4,5 месяца в Хабаровской тюрьме, после чего были освобождены⁸³.

Любопытно выглядит эпизод с советским отрядом под руководством Д. И. Бойко-Павлова (будущего партизана), оставленным 4 сентября 1918 года в Хабаровске для охраны его от поджогов и мародерства. На следующий день отряд из 130 уссурийских казаков атамана И. Калмыкова вошел в Хабаровск. Однако только 16 октября отряд Бойко-Павлова был расформирован, сдав 25 винтовок и 20 шашек. В архиве сохранилось и требование отряда к городским властям о выплате жалованья за сентябрь и октябрь, хотя в литературе принята точка зрения, что это уже время жестокого калмыковского террора⁸⁴. В эти месяцы Калмыков занимался укомплектованием отряда, главным образом за счет красноармейцев, взятых им же в плен или находившихся под арестом, и к началу 1919 года довел численность своего Уссурийского полка до 2 тыс. человек⁸⁵.

Запретив деятельность большевистских организаций, эсеровские власти на местах фактически оставили многим коммунистам возможность легальной работы в профсоюзах, кооперативных структурах и других подобных учреждениях. Сами эсеры не только практически открыто саботировали многие распоряжения колчаковских властей, но и вели прямую подпольную работу против белых. Через органы кооперации, где густо сидели эсеры, партизаны Восточной Сибири и Дальнего Востока часто получали и продовольствие, и охотничьи боеприпасы⁸⁶. Полпред ВЧК по Сибири И. П. Павлуновский даже позавидовал конспиративному мастерству эсеров, рассказав в апреле 1920 года подчиненным о том, что видел в архиве Челябинской губЧК «дело об использовании кооперативов эс-эрами для борьбы с Колчаком». «В этом деле, – продолжал Павлуновский, – тактика технического использования [кооперативных] аппаратов была так ясно обрисована, что оно могло бы явиться руководством для нас»⁸⁷. Репрессии в отношении кооператоров за пособничество коммунистам имели место⁸⁸, но не были значительными.

После многочисленных внесудебных расправ и массового освобождения арестованных летом и осенью 1918 года количество политзаключенных на востоке страны было невелико и росло умеренно до самой весны 1919 года. В декабре 1918 года в Западной Сибири (Томская и Алтайская губернии, Акмолинская область) в местах лишения свободы находилось 4553 заключенных, считая и уголовных. В конце июня 1919 года в тюрьмах Тобольска содержалось 3 тыс. красных⁸⁹, преимущественно военнопленных. Развитие партизанщины наряду с разгулом общеуголовной преступности в 1919 году резко увеличило численность арестантов. По данным Главного управления мест заключения, на 30 июля 1919 года в тюрьмах Сибири, рассчитанных на 15 тыс. мест, содержалось 31 903 человека. Из них 8935 были арестованы в связи со свержением советской власти, а 5098 являлись красногвардейцами и красноармейцами. Еще

А. Дробченко. Томск, 2013. Т. 3. С. 31.

⁸³ Архив Управления ФСБ по Новосибирской области [далее – АУФСБ НСО]. Д. П-3942. Л. 98; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 766. Л. 9.

⁸⁴ Лёвкин Г. Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск, 1999. С. 119–120.

⁸⁵ К-ин В. Тревожная ночь (Письмо из Хабаровска) // Мысль. Иркутск, 1919. 18 февр. № 1; Кривенький В. В. Анархистское движение в России. С. 328–329.

⁸⁶ Воспоминания Д. Д. Киселёва // ГАНО. Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.

⁸⁷ Центральный архив [далее – ЦА] ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 255.

⁸⁸ А. М. Сибирская кооперация в период военной диктатуры. Омск, 1922. С. 34–37.

⁸⁹ Михеенков Е. Г. Численность и состав заключенных на территории Западной Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9 (124). С. 43; Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 3. С. 283; Северянин. Тобольск, 1927. 15 июля. № 75.

2,5 тыс. содержались в тюрьмах без указания причины ареста. Таким образом, политические заключенные и военнопленные составляли несколько менее половины арестантов⁹⁰, причем в значительной своей части не были сибиряками.

Однако, пытаясь оценить количество репрессированных при белой власти в 1918–1919 годах и опираясь при этом на произвольную экстраполяцию скудного статистического материала, Е. Г. Михеенков некорректно оценивает общую численность прошедших через пенитенциарную систему Западно-Сибирского региона – в 100 тыс.⁹¹ Обвиняя Колчака в массовых репрессиях и указывая, что за 1919 год через две томских тюрьмы прошло до 6,5 тыс. человек⁹², Михеенков не подозревает о причине такого оборота: он был достигнут не из-за лавины арестов, а за счет массового перемещения в Томск заключенных из Тюмени и Тобольска. Даже в ноябре 1919 года, перед эвакуацией Омска, в губернской тюрьме из 894 заключенных политические составляли всего 41%, сходный процент давала и Бийская тюрьма. Но Михеенков, опираясь на статистику лишь Томской тюрьмы, где были сосредоточены почти одни только политзаключенные, выводит из нее крайне завышенные цифры соотношения политических и уголовных для всех тюрем конца 1919 года, причем на одной и той же странице удельный вес политзаключенных западносибирских тюрем оценен сначала в 60–70%, а затем уже в 70–80%⁹³. На деле если он и превышал 50%, то не сильно.

В менее населенной Восточной Сибири количество арестантов в разгар партизанщины также было умеренным: в августе–сентябре 1919 года тюрьмы региона насчитывали до 6 тыс. заключенных, из которых половина концентрировалась в Александровском центре и Иркутской пересыльной тюрьме⁹⁴, где опять-таки находились прежде всего арестованные из Западной Сибири, Урала и Поволжья. Летом 1919 года в Енисейской губернии заключенных насчитывалось 3200 человек, причем более 60% было арестовано за принадлежность к советской власти и связь с партизанами. В Красноярской тюрьме содержалось 1058 политзаключенных⁹⁵. Таким образом, цифры арестантов вовсе не свидетельствуют о каком-либо массовом терроре, но при этом следует учитывать уничтожение в 1919–1920 годах нескольких тысяч узников, зачастую не политических, специально переданных семёновцам и унгерновцам для скорой и, по сути, бессудной ликвидации. Также распространенной формой казни были самосуды при конвоировании в тюрьму, замаскированные с помощью формулировки «убит при попытке к бегству».

Что касается расправ с участниками антиправительственных восстаний – восстаний, чья жестокость в Сибири превосходила карательные меры белой администрации⁹⁶, – то наказания были обычно избирательными (за исключением террора Б. В. Анненкова и других атаманов). Среди белых попадались сторонники социальных чисток, вроде Р. Унгерна, но в целом белые власти, включая военных, использовали террор против военнопленных и участников восстаний, а расправы с заложниками были не столь частыми эпизодами. Изучение фактов белого террора показывает, что в советских данных численность его жертв обычно завышена, иногда на порядок. Архивные фонды региональных структур Общества содействия жертвам интервенции доказывают, что количество погибших от рук белых и интервентов было многократно ниже объявленного в советской прессе⁹⁷.

⁹⁰ Ликстанов И. М. Обеспечение антибольшевистскими правительствами законности в тюрьмах Восточной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 1. № 4 (52). С. 68.

⁹¹ Михеенков Е. Г. Численность и состав заключенных на территории Западной Сибири. С. 45–47.

⁹² Там же. С. 45–46.

⁹³ Там же. С. 46–47.

⁹⁴ Дубина И. Д. Партизанское движение в Восточной Сибири. С. 98–99.

⁹⁵ Красноярье: пять веков истории. Красноярск, 2006. Ч. 2. С. 26.

⁹⁶ Булдаков В. П. Красная смута. С. 489.

⁹⁷ Кручинин А. М. Красный и белый террор в России в 1917–1922 гг. // Ретроспектива. 2011. № 2. С. 13–14; Гашин А.

В самых активных партизанских регионах погибло заметное число повстанцев и сочувствующих: в Енисейской губернии убито 1170 человек (без Хакасии), в Иркутской – 1789, в Бийском и Рубцовском уездах Алтайской губернии – 1141 и 198. В более спокойной Ново-николаевской губернии погибло 579 человек, в насыщенном партизанами Мариинском уезде Томской губернии – 273. Весной 1920 года «секция помощи жертвам контрреволюции» установила, что в 36 волостях Томского уезда убитых белыми насчитывается 175 человек⁹⁸.

К сожалению, новейшая литература о Гражданской войне продолжает пополняться упрощенными или искаженными оценками. Даже известные историки В. И. Голдин и В. В. Кондрашин, подводя итоги Гражданской войны (в 12-м томе новейшего академического труда по истории России), использовали традиционный понятийный и парадигмальный аппарат, пытаясь соединить полярные мнения, с очевидным акцентом на советском дискурсе⁹⁹. С их точки зрения, ВЧК боролась не с обществом, а только с «политическими противниками и контрреволюционными организациями», Сталин неоднократно получает высокую оценку, а общий вывод гласит: Гражданская война «выковала сталинизм как систему, осуществившую жизненно необходимую для подготовки грядущей войны форсированную индустриальную модернизацию». Удивляют и понятийные призраки советского прошлого: «...союз рабочего класса и трудового крестьянства стал одной из причин победы большевиков в войне». Сохранение памяти о противниках большевизма Голдин и Кондрашин не одобряют, ибо мемориалы «создают темы и точки социальных протестов»¹⁰⁰.

Массу полезной информации, в том числе персональной, содержит первая многотомная энциклопедия по истории революции и Гражданской войны (2008), но в ней также немало устарелого и ошибочного, унаследованного от советских точек зрения¹⁰¹. Новейшая трехтомная энциклопедия «Россия в Гражданской войне 1918–1922»¹⁰² предлагает в целом весьма качественный материал, особенно в части пространных и насыщенных новой информацией биографий, включая многих партизан, однако нередко демонстрирует передачу устаревших и неточных сведений, а также досадное изобилие редакторских промахов, ошибок и опечаток. Статья В. В. Кондрашина «Партизанское движение в Сибири» при всем учете многих достижений современной историографии, подчеркивании в данном движении национального и сословного аспектов, а также влияния уголовно-погромных элементов, повторяет и мифы: «под идейным или организационным воздействием большевиков находилось большинство отрядов» (в реальности преобладали беспартийные либо эсеров-анархистские вожаки. – А. Т.); под контролем 140 тыс. партизан была четверть сибирского населения. И добавляет новые ошибки, вроде «раздвоения» В. П. Шевелёва-Лубкова на Шевелёва и Лубкова¹⁰³.

В статье о красном и белом терроре И. С. Ратьковский относит на счет большевиков максимум 50 тыс. убитых, но, повторяя необоснованно завышенные оценки В. В. Эрлихмана¹⁰⁴, говорит о 300 тыс. жертв белых, хотя данные Общества содействия жертвам интервенции (на

В. «Колчаковскими бандами был выведен на расстрел и был избит леворвером...»: анкеты Общества содействия жертвам интервенции как источник по истории белого террора на Южном Урале // Архив в социуме – социум в архиве. Материалы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 29 мая 1918 г. / Сост. и ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 172–174.

⁹⁸ Хандорин В. Г., Тепляков А. Г. К вопросу о реабилитации адмирала А. В. Колчака // Клио. 2022. № 11. С. 164.

⁹⁹ Голдин В. И., Кондрашин В. В. Гражданская война в России. 1917–1922. Кн. 1. Военное и политико-дипломатическое сопротивление. Введение. Историография проблемы // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки / Ред. кол.: В. И. Голдин и др. Архангельск, 2021. С. 246–281.

¹⁰⁰ Там же. С. 269, 257, 278, 271, 280–281.

¹⁰¹ Революция и Гражданская война в России. 1917–1923 гг. Энциклопедия в четырех томах. М., 2008.

¹⁰² Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия в трех томах / Отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2020–2021.

¹⁰³ Там же. Т. 2. С. 688–691.

¹⁰⁴ Эрлихман В. В. Потери народонаселения в XX веке: справочник. М., 2004. С. 11–19. Еще меньшую достоверность имеют сведения Эрлихмана о гибели 500 тыс. человек от рук партизан и 900 тыс. – самих партизан.

июнь 1927 года) гораздо меньше – 111 730 человек – и многими историками считаются сильно завышенными¹⁰⁵.

На небольшой авторский коллектив пришлась слишком значительная нагрузка, из-за чего даже у такого видного специалиста, как В. И. Шишкин, повстанец Н. А. Каландаришвили фигурирует по устаревшей традиции как Каландарашвили (Т. 3. С. 347–348), приведены три версии наименования Крестьянско-рабочей партизанской армии Минусинского фронта (Т. 2. С. 224, 356, 357; Т. 3. С. 356), а ее численность указана в одном месте в 12–13 тыс. бойцов, в другом – в 15 тыс. (Т. 2. С. 224; Т. 3. С. 759–760)¹⁰⁶. Сокращение, означающее «полномочное представительство ГПУ», расшифровано как «политическое представительство» (Т. 3. С. 759–760), а Тетюхинский рудник в Приморье фигурирует как Тютеха (Т. 3. С. 723). Статьи Д. И. Рублёва о Н. Каландаришвили, Г. Рогове и Я. Тряпицыне полны неточностей, искажений и умолчаний (Т. 2. С. 70; Т. 3. С. 62–63, 453–454). А С. Е. Лазарев уверяет, что убийца С. Петлюры «выстрелил в него зарядом цианида» (Т. 2. С. 737), хотя такой способ был выбран треть века спустя убийцей С. Бандеры.

Историки анархизма не критически относятся к героям своих исследований и в последние годы выпустили монографии, в которых заметна апология жесточайшего дальневосточного партизана-бандита Я. И. Тряпицына¹⁰⁷. А очень авторитетный В. П. Булдаков мимоходом заявил, что «погубили колчаковцев не столько регулярные красные части, сколько сибирские партизаны, не говоря уже о сомнительной помощи чехословаков и союзников»¹⁰⁸. Это преувеличение, поскольку главные успехи партизан были достигнуты только после развала белых фронтов под ударами Красной армии.

Другие исследователи до сих пор слепо верят всему, что было опубликовано советской прессой. Омский историк А. А. Штырбул указывает на связь осенью 1921 года повстанческого отряда подъесаула А. П. Кайгородова, действовавшего в Ойротии, с мифическими подпольными белогвардейско-эсеровскими организациями в Улале, Барнауле и Змеиногорском уезде. Также Штырбул – опять-таки ради обозначения связи белых с эсерами – цитирует как подлинное приводимое еще М. Е. Бударным¹⁰⁹ «письмо» барона Р. Унгерна сибирскому публицисту и авантюристу В. И. Анучину (весна 1921 года) с предложением последнему возглавить общесибирскую власть¹¹⁰.

Однако многие историки России¹¹¹, и, в частности, Сибири и Дальнего Востока, активно работают над преодолением устаревших концепций советского прошлого. Особо следует отметить вклад в борьбу с мифологией Гражданской войны на востоке России А. П. Шекшеева (Абакан), Н. С. Ларькова, А. Н. Никитина (Томск), П. А. Новикова и Г. И. Хипхенова (Иркутск), В. М. Рынкова, Д. Г. Симонова, М. В. Шиловского, В. И. Шишкина (Новосибирск), А. В. Мармышева и А. Г. Елисеенко (Красноярск), В. И. Василевского (Чита), Н. А. и Н.

¹⁰⁵ Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия в трех томах. Т. 3. С. 403–406.

¹⁰⁶ Впрочем, А. В. Олейников дает целых 30 тыс. (Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия в трех томах. Т. 2. С. 234).

¹⁰⁷ Кривенький В. В. Анархистское движение в России. С. 318–355; Ермаков В. Д. Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917–1922 годов. СПб., 2018.

¹⁰⁸ Булдаков В. П. Плоды методологической беспомощности. О книге А. В. Ганина «Семь „почему“ российской Гражданской войны» (М.: Изд-во «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. – 864 с.: ил.) // Вестник Тверского государственного университета. 2019. № 1. С. 132.

¹⁰⁹ Бударин М. Е. Были о чекистах. Омск, 1976. С. 185–186.

¹¹⁰ Штырбул А. А. Партийно-политические ориентации в партизанско-повстанческом движении Сибири (первые годы НЭПа) // Доклады Академии военных наук. Серия «Военная история». Саратов, 2009. № 3 (38): Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия. С. 46.

¹¹¹ См.: Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М., 2011; Сафонов Д. А. Факел над бездной.

Д. Бутениных (Владивосток), Ю. А. Тарасова (г. Свободный Амурской обл.)¹¹². В своей большой итоговой работе, посвященной органам госбезопасности¹¹³, А. П. Шекшеев, ранее опубликовавший десятки статей¹¹⁴ и книгу с огромным фактическим материалом о региональном повстанчестве и его активистах, дал ценный материал о взаимоотношениях бывших енисейских партизан и с обществом, и с властными структурами. Три малотиражные монографии Ю. А. Тарасова о партизанах Амурской области, Приамурья и Приморья, появившиеся 10 лет назад, дали свежий и гораздо более точный взгляд на дальневосточную партизанщину, но пока не привлекли внимания исследователей¹¹⁵.

Дальневосточные авторы Н. А. и Н. Д. Бутенины выпустили целый ряд важных статей и определенно заявили о необходимости ставить вопросы изучения партизанского насилия в повестку дня¹¹⁶. Обобщающая статья Н. С. Ларькова и В. И. Шишкина¹¹⁷ в основном не использует критический материал о партизанщине, данный современными авторами, идеализирует повстанцев¹¹⁸, но среди актуальных проблем указывает на необходимость исследования масштабов партизанского террора. Недавно выпущенный С. А. Папковым большой биографический справочник демонстрирует партизанское происхождение значительной части сибирской номенклатуры¹¹⁹. Целый ряд статей по различным аспектам данной темы в последние годы был опубликован и автором настоящей книги, включая биографии 80 партизанских вожаков Сибири и Дальнего Востока¹²⁰.

¹¹² Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995; Никитин А. Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994; Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005; Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: Победители и побежденные. Абакан, 2006; Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003, Мармьшев А. В., Елисеев А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008 – и др.

¹¹³ Шекшеев А. П. Органы ВЧК/ГПУ/ОГПУ и большевистская трансформация общества. Неизвестная история Енисейской Сибири. Минусинск, 2021.

¹¹⁴ См.: Шекшеев А. П. Деструктивное поведение енисейских партизан // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научно-практической конференции 30 сент. 2004 г. Абакан, 2005. С. 231–236; Он же. Антиобщественная и уголовная стихия в крестьянском повстанчестве на Енисее периода колчаковщины // Доклады Академии военных наук. № 3 (38). Саратов, 2009. С. 131–140; Он же. Взаимоотношения советской власти и енисейских красных партизан в 1920-е годы // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 4 (34). С. 14–36; Он же. Красные партизаны и религия на Енисее // Сибирский крест: Историко-публицистический альманах / Сост. Г. В. Малашин и др. Красноярск, 2021. Вып. 1. С. 312–325 – и др.

¹¹⁵ Тарасов Ю. А. Антиколчаковское партизанское движение в Приморье; Он же. Партизанское движение в Амурской области: проблемные вопросы, гипотезы, выводы. Благовещенск, 2013; Он же. Партизанское и подпольное движение на территории Хабаровского края в период колчаковщины: проблемные вопросы, факты, решения. Благовещенск, 2013.

¹¹⁶ Бутенин Н. А., Бутенина Н. Д. Партизанское движение на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны (итоги и перспективы изучения) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 6–7.

¹¹⁷ Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны. С. 76–114.

¹¹⁸ Шекшеев А. П. Социально-политический облик красных партизан на Енисее // «Атаманина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и материалов / Сост. и ред. А. В. Посадский. М., 2015. С. 677.

¹¹⁹ Папков С. А. Руководящие кадры Сибири 1919–1941 гг.: Справочник. Новосибирск, 2021.

¹²⁰ Тепляков А. Г. Инфернальная карнавализация: «черный юмор» партизан и чекистов 1920–1930-х гг. // Идеи и идеалы. № 3 (17). Т. 1. 2013. С. 105–116; Он же. «Краснопартизанский след» в межнациональных отношениях на востоке России в годы Гражданской войны // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. статей и материалов / Сост. А. В. Посадский. М., 2013. С. 742–757; Он же. Партизанские социальные чистки на востоке России в 1919–1920 гг.: роговщина и тряпицынщина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: Материалы VIII Международной научной конференции. Краснодар, 2013. Т. 1. С. 134–142; Он же. Красные партизаны против белых казаков на востоке России: победа террором // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 1: От Великой войны к Гражданской войне в России / Под ред. В. И. Голдина. Архангельск, 2014. С. 69–85; Он же. Антицерковный террор партизан Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XIV Международной научной конференции (Иваново, 18–19 марта 2015 г.): В 2 ч. Иваново, 2015. Ч. 2. С. 563–570; Он же. Криминал и власть в эпоху становления советской государственности // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45). С. 44–64; Он же. Актуальные вопросы источниковедения краснопартизанского движения на востоке России // «Атаманина» и «партизанщина» в Гражданской войне. С. 31–39; Он же. Суд над террором: партизан Яков Тряпицын и его подручные в материалах судебного заседания. С. 718–756; Он же. Террор атаманов и интер-

Борьба с мифологическими построениями остается остроактуальной, ведь описания хода и следствий партизанщины начали подвергаться сознательным искажениям очень рано. Как показал В. И. Шишкин, уже в 1920 году К. М. Молотов ложно привязывал начало партизанского движения в Сибири к инициативе коммунистов-подпольщиков, благодаря которым к концу 1918 года якобы насчитывалось несколько «фронтов» и отрядов численностью до 15 тыс. бойцов, «питающихся средствами и силами из партии»¹²¹. В 1926 году А. А. Ширямов утверждал, что «с первого выстрела» борьба партизан организовывалась коммунистами «на всем протяжении Сибири...»¹²². Член Сибкрайкома В. Д. Вегман в 1930 году осудительно заявил: в печати все еще держится мнение о стихийности партизанского движения, что большевики «примазались» к этому движению, и отрицающее роль рабочего авангарда как организатора, руководителя и вдохновителя партизанщины¹²³. Тогда же историк А. Ансон (Абов) в установочной статье подчеркивал, что якобы в каждом отряде была «достаточно большая прослойка партийцев, бывших красногвардейцев, рабочих, большевизированных фронтовиков»; а критикуя работы Е. Колосова и особенно В. Эльцина, заявил, что они недалеко ушли от «оценки всего партизанского движения как бандитского»¹²⁴.

Эта точка зрения сильно повлияла на мемуаристику. В 1932 году приморский партизан Г. М. Шевченко заявил видному историку С. А. Пионтковскому о несогласии с публикуемыми описаниями партизанщины («не так все было»), заметив: «Теперь уверяют[, что] всё партия, партия, а как рассказывал мне Шевченко, когда он начал свое движение[, комиссар] Постышев отказался принимать участие в движении до тех пор, пока у Шевченко не будет хорошего отряда и хорошего снабжения»¹²⁵. На всю армию Е. М. Мамонтова имелось всего 15–20 большевиков, в иных крупных забайкальских отрядах их совсем не было. Комячейка среди многочисленных тасеевских партизан В. Г. Яковенко оформилась только в ноябре 1919 года¹²⁶.

Б. З. Шумяцкий, бывший агент Разведуправления РККА в белой Сибири, бойко сочинял фантастику о том, как уже в начале 1919 года подпольщики Новониколаевска установили связь с партизанами Томской, Алтайской и Енисейской губерний, нелегально покупая патроны у интервентов, чтобы потом переправлять их (вместе с директивами ЦК партии) «партизанским отрядам Щетинкина, Кравченко, Плетнёва, Быкова, Зыкова»¹²⁷ и добиваться «установления большего партийного руководства» над ними¹²⁸. В реальности Шумяцкий просто воспользо-

---

вентов против красных партизан Сибири и Дальнего Востока: мифы и факты // Актуальные вопросы философии, истории и юриспруденции. Новосибирск: НГУЭУ, 2016. С. 168–187; *Он же*. «Сотни девушек стали женщинами...»: массовое сексуальное насилие со стороны партизан Сибири и Дальнего Востока (1918–1920 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVI Международной научной конференции (Иваново, 5–6 апреля 2017 г.): В 2 ч. Иваново, 2017. Ч. 2. С. 448–452; *Он же*. К портрету Нестора Каландаришвили (1876–1922): уголовник-авантюрист, партизан и красный командир // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 39–52; *Он же*. Бывшие партизаны востока России против раскрестьянивания (конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Уничтоженные как класс. К 90-летию раскрестьянивания России / Ред.-сост. Е. Семёнова. М., 2020. С. 147–157; *Он же*. Сибирские партизаны Г. Ф. Рогова в современной историографии: между мифом и исторической критикой // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 193–204; *Он же*. Партизанские суды и трибуналы Сибири и Дальнего Востока в 1918–1922 гг. // Проблемы истории общества, государства и права: Сб. научных трудов. Екатеринбург, 2022. Вып. 16. С. 231–258; Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы / Ред. А. В. Посадский. М., 2017.

¹²¹ Шишкин В. И. Большевики и партизанское движение в Сибири в освещении советской литературы. С. 66–67; Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920 гг.). Омск, 1920. С. 163.

¹²² Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1926. С. 19.

¹²³ Сибирские огни. Новосибирск, 1930. № 8. С. 93.

¹²⁴ Абов А. Необходимо внести ясность (К вопросу о партизанском движении в Сибири) // Там же. 1930. № 10. С. 92.

¹²⁵ Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / Под ред. А. Л. Литвина. Казань, 2009. С. 482.

¹²⁶ Гришаев В. Ф. Сыны Алтая и Отечества. Кн. 3: Ефим Мамонтов. С. 99; Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 72.

¹²⁷ Неизвестный в литературе Зыков образовался, возможно, из героя романа В. Я. Шишкова «Ватага» – партизанского вожака Зыкова.

¹²⁸ Шумяцкий Б. В большевистском подполье при Колчаке // Сибирские огни. Новосибирск, 1933. № 7–8. С. 161.

вался ликвидацией белыми основной части видных подпольщиков Новониколаевска, чтобы приписать им руководство партизанами.

Историки Н. А. и Н. Д. Бутенины отметили, что в современной литературе региона до сих пор преобладает восходящая к «Краткому курсу истории ВКП(б)» точка зрения на партизанское движение (отряды организовывались большевиками, опирались на рабочих и были за советскую власть)¹²⁹, зафиксированная и в новейшем академическом труде¹³⁰. Также Бутениными отмечено, что создание в Приморье партизанского отряда С. Е. Сержантом произошло в момент Тетюхинского (ныне – город Дальнегорск) восстания и никоим образом не осуществлялось большевиками. Сержант в 1932 году вспоминал, что партийцев в этот момент в районе не было, умолчав, что на деле в числе подозрительных лиц повстанцами был арестован коммунист с 1900 года А. А. Ширямов, крупный сибирский подпольный и советский деятель, который после поражения большевиков скрывался под фамилией Михайлов и работал бухгалтером. В нем повстанцы увидели провокатора, и один из помощников Сержанта настаивал на расстреле «Михайлова». Сержант лично переговорил с бухгалтером, а затем направил его в штаб, где тот написал воззвание к населению района¹³¹. Но и в современных биографиях Ширямов, успевший выпустить мемуары об упоминаемых событиях¹³², все так же значится организатором партизанского движения в Приморье¹³³.

Целиком проигнорировано огромное значение партизанщины в разорении края новейшим исследованием о дальневосточном лидере Я. Б. Гамарнике¹³⁴, хотя столичные историки на это обстоятельство в общем плане уже указали¹³⁵.

Критикуя традиционную оценку крестьянских восстаний зимы–весны 1919 года против режима Колчака на Дальнем Востоке (согласно которой это было движение среднего и беднейшего крестьянства под руководством пролетариата и коммунистической партии, причем сразу же против интервенции и за советскую власть), Ю. А. Тарасов подчеркивает, что на деле самые крупные восстания произошли в наиболее зажиточных сельских районах края и начинались не под советскими лозунгами, а под лозунгами «народоправия» и Учредительного собрания. Основная масса повстанцев в указанных районах первоначально не только не выступала против интервентов, но и всерьез надеялась на их поддержку или нейтралитет. Наибольшую роль в подготовке и руководстве восстаниями на первых порах сыграли беспартийные лидеры крестьян из числа бывших фронтовиков, а также левые эсеры, эсеры-максималисты и анархисты-коммунисты. Лозунг «За Советскую власть!» стал господствующим среди повстанцев только с марта 1919 года, причем на Дальнем Востоке он означал возвращение к советам образца 1918 года, в которых не было большевистской диктатуры¹³⁶.

¹²⁹ Бутенин Н. А., Бутенина Н. Д. Становление советской концепции истории партизанского движения в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке (по материалам 20-х – 30-х гг. XX века) // Гражданская война и военная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории. Тезисы докладов 2-й международной научной конференции, посвященной 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции (Владивосток, 25–27 октября 2012 г.). Владивосток, 2012. С. 100–102.

¹³⁰ История Дальнего Востока России: от эпохи первобытного общества до конца XX в. Владивосток, 2003. Т. 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны.

¹³¹ Бутенин Н. А., Бутенина Н. Д. Партизанское движение в Приморье в годы гражданской войны глазами участников (к публикации воспоминаний В. Е. Сержанта) // Известия Восточного института. 2017. № 3 (35). С. 28–29.

¹³² Ширямов А., Кудрявцев Д. Тетюхинское восстание // Борьба за Советы на Дальнем Востоке. М., 1932. С. 58–60.

¹³³ См.: Шишкин В. И. Ширямов Александр Александрович // Россия в Гражданской войне 1918–1922: Энциклопедия в трех томах. Т. 3. М., 2021. С. 723.

¹³⁴ Дубинина Н. И. Дальний Восток Яна Гамарника. Документально-историческое повествование. Хабаровск, 2011.

¹³⁵ Молодяков В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. С. 164, 173–177.

¹³⁶ Тарасов Ю. А. Социальный характер и политическая направленность антиколчаковских крестьянских восстаний на Дальнем Востоке зимой–весной 1919 года // Гражданская война и военная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории, Владивосток, 25–27 октября 2012 г. Владивосток, 2012. С. 160–165.

Дальневосточные историки признают, что им еще «не удалось показать девиантное поведение части народа, растущую психопатологию массового сознания, ментальность и психологию масс, – а именно они позволяли „упасть“ или „удерживаться“ у власти той или иной политической верхушке»¹³⁷. Развивает тему партизанщины недавняя книга В. Г. Хитрого, которая отмечает среди партизанских методов войны террор, взятие заложников, экспроприации, а также фиксирует перерождение ряда отрядов в бандитские¹³⁸. Однако малоисследованными остаются, к примеру, проблемы участия в революционных процессах криминальной прослойки населения, столь заметной в Сибири и особенно на Дальнем Востоке.

Наконец, недавняя книга В. С. Земцова без обиняков провозгласила: «Давно назрела необходимость по-иному подойти к оценке роли партизанского движения и их вожakov на Дальнем Востоке... сказать о многих негативных явлениях, связанных с преувеличением их места в защите буфера, зачастую соседствующих с открытым неповиновением власти, командованию НРА, иждивенчеством, проявлением бесчинств к местному населению и махрового бандитизма»¹³⁹. Книга Земцова написана на редкость безграмотно, с массой ошибок и чисто партийно-советским языком. Однако насыщена она такими яркими архивными документами, благодаря которым не умеющий связать двух слов военный историк в ряде оценок выглядит гораздо прогрессивнее, чем его профессиональные дальневосточные коллеги вроде Б. И. Мухачёва и Ю. Н. Ципкина, и идет при освещении ситуации в ДВР куда дальше этих известных исследователей.

Важным представляется появление книги Ю. П. Соловьёва об истинном облике РККА¹⁴⁰. В ней рассказано о принципе отрицательного отбора военных кадров в пробольшевицкие вооруженные формирования – для создания армии карателей, которой, в целях осуществления мести, официально позволялись «общепринятые для красноармейцев сценарии ареста, грабежа, мародерства, убийства, погрома». Показано также, что и в 1919, и в 1920 годах все эти навыки были вполне актуальны для «регулярных» красноармейцев, которые свой устоявшийся поведенческий инструментарий «обратили против самих большевиков, оставшись при этом по образу действий и мировоззренчески все теми же красными карателями»¹⁴¹.

В исследованиях общего характера проблематика партизанского насилия проработана весьма поверхностно. В. Л. Телицын в монографии о крестьянском бунте, доказав, что это бунтарство не сводилось к классовой борьбе, а было результатом переплетения рационального восприятия событий с многообразными иррациональными мотивами, уделил партизанщине периода белой власти минимальное внимание¹⁴². В. П. Булдаков в «Красной смуте» дал ценный документальный материал о краснопартизанских бесчинствах¹⁴³. Также он плодотворно исследовал феномен революции в парадигме «красной смуты», выдвигая концепцию буйства черни, затопляющей левым экстремизмом всё и вся. Автор выделяет иррациональные причины варварски жестокого поведения людей, в связи с чем, по его определению, «в данной работе на передний план выступают эмоции, иллюзии, поверья, страсти». В интересующей нас партизанщине хорошо видно то «буйство „коллективного бессознательного“», которое ряд западных исследователей и В. П. Булдаков наблюдают в русской революции, выводя на первый план особое, болезненное состояние психики и ментальности больших масс людей. Булдаков проницательно отмечает, что если «на Западе преходящий психоз толпы означал возвращение

¹³⁷ Галлямова Л. Российский Дальний Восток в контексте новейшей отечественной историографии: картина последних лет // Россия и АТР. 2006. № 2. С. 113.

¹³⁸ Хитрый В. Г. Партизанская война на Дальнем Востоке России. Хабаровск, 2016.

¹³⁹ Земцов В. С. ДВР и волочаевские дни Василия Блюхера. М., 2017. С. 6.

¹⁴⁰ Соловьёв Ю. П. Афонина армия. Брянск, 2020.

¹⁴¹ Там же. С. 4.

¹⁴² Телицын В. Л. «Бессмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1921 гг. М., 2003.

¹⁴³ Булдаков В. П. Красная смута. С. 425–513.

пришедших в себя бунтарей к индивидуальному началу, то в „красной смуте“ он был возвращением к традиционной патриархальной общине, которая сама квазитолпа»¹⁴⁴. Предпосылки стихийного террора, его применение в годы Гражданской войны описаны автором на внушительном, в том числе архивном, материале.

Ряд интересных, современно выглядящих положений о партизанщине периода Гражданской войны изложили в своих новейших статьях и монографиях О. М. Морозова¹⁴⁵ и А. В. Посадский¹⁴⁶. Темы революционного подполья и террора, психологии белых и красных новаторски представлены в яркой монографии Т. Ф. Ермоленко и О. М. Морозовой «Погоны и будёновки: Гражданская война глазами белых офицеров и красноармейцев»¹⁴⁷, опирающейся на богатый архивный материал и затронувшей эпизоды, относящиеся к Сибирскому региону.

В рамках крупного исследовательского проекта А. В. Посадского «Народные вожаки 1918–1922 годов» журнал «Клио» опубликовал материалы заочного круглого стола, в котором 26 авторов представили мнения относительно способов исследования и возможностей интерпретации той весьма неоднородной и отличающейся по регионам среды, которую образовали вожди атаманского типа – люди, выдвинувшиеся снизу в условиях Гражданской войны и сумевшие возглавить пореволюционные массы¹⁴⁸. Отметим, что вожди атаманского типа при демонстрации лояльности очень активно использовались до середины 30-х годов в сфере спецслужб, где были востребованы волевые личности с организаторскими способностями, имевшие боевой опыт и сноровку в истреблении врагов режима.

Последние обобщающие работы о сибирской партизанщине достаточно определенно, но кратко говорят о ее деструктивном начале. Так, Н. С. Ларьков отмечает: «Стихийный крестьянский анархизм содержал в себе элементы отрицания всякой власти вообще, нередко выливался в акты самосудов, бессмысленных разрушений, грабежей, а иногда и настоящих погромов. <... > Немалый вклад в усиление стихийности, в дезорганизацию партизанского движения вносили деклассированные и уголовные элементы»¹⁴⁹. В новейшей коллективной монографии о крестьянском протесте периода революции и Гражданской войны можно видеть заметное количество фактического материала по партизанскому террору, нередко осмысляемому, впрочем, в традиционном ключе¹⁵⁰. Наиболее серьезный критический материал о партизанских бесчинствах дан А. Н. Ермолаевым и И. Ю. Усковым в новейшей трехтомной «Истории Кузбасса»¹⁵¹.

Характерно, что Г. И. Хипхенов, недавно опубликовавший ценные работы по красногвардейцам и партизанам Восточной Сибири¹⁵², включая подробное исследование о Гражданской

¹⁴⁴ Там же. С. 689–690.

¹⁴⁵ Морозова О. М. Два акта драмы: боевое прошлое и послереволюционная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2010; Она же. Антропология Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2012; Морозова О. М., Трошина Т. И. Тыл войны без фронта: невоюющее население в условиях Гражданской войны (1917–1920 гг.). Ростов-на-Дону, 2015; Морозова О. М. От сумы, от тюрьмы и от сумасшедшего дома: деятельность «партизанских комиссий» (1919–1935 гг.) // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: Сб. научных статей. Ростов-на-Дону, 2009. С. 90–107.

¹⁴⁶ Посадский А. В. Крестьянская самооборона в годы гражданской войны в России (восточный регион) // Отечественная история. 2005. № 1. С. 125–132; Он же. Феномен красных партизан. 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 78–91.

¹⁴⁷ Ермоленко Т. Ф., Морозова О. М. Погоны и будёновки: Гражданская война глазами белых офицеров и красноармейцев. М., 2013.

¹⁴⁸ Посадский А. В., Полторац С. Н. Народные вожаки 1918–1922 гг.: проблемы изучения и понимания. Материалы заочного круглого стола // Клио. 2016. № 4. С. 177–210.

¹⁴⁹ Ларьков Н. С. Партизанское движение // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. С. 580.

¹⁵⁰ Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны / Сост. И. В. Курышев. Ишим, 2018.

¹⁵¹ История Кузбасса: В 3 т. Кемерово, 2021. Т. 2. Кн. 1. С. 289–312.

¹⁵² Важно его замечание о необходимости подробной реконструкции всех без исключения эпизодов деятельности партизан, выяснения биографий не только заметных, но и рядовых повстанцев. Хипхенов Г. И. 1-й Иркутский кавалерийский дивизион (полк) и другие кавалерийские части Сибирской Красной армии на Нижнеудинском и Прибайкальском фронтах (июнь–август 1918 г.) // Феномен красной конницы в Гражданской войне / Ред. А. В. Посадский. М., 2021. С. 96.

войне на территории Иркутской губернии в 1918 году¹⁵³, заявил, что нельзя называть уголовниками бывших преступников, поступивших в красные отряды. С его точки зрения, людей из преступного мира в красногвардейских отрядах было немного и они вели себя подобно остальным бойцам. Автор же настоящей книги уверен, что отбывшие сроки по уголовным делам обычно вели себя, как и полагается криминалу – восприняв субкультуру преступного мира и распространяя ее. Также Хипхенов без должных оснований заявляет, что в 1918 году «красного террора как такового в Сибири не было»¹⁵⁴.

Историки Казахстана мало уделяют внимания и партизанщине (которой больше сочувствуют), и особенно колчаковскому режиму, видя в последнем лишь насилие «белых» колонизаторов, полностью чуждых аборигенному населению. Очень слабые познания продемонстрированы в сборнике о Гражданской войне в Восточном Казахстане. Так, при кратком описании неповиновения красным властям командира партизанского корпуса М. С. Козыря даже не упоминается его фамилия, зато сказано, чем это выступление было неправильным: «Анти-советские элементы пытались нарушить нормальное течение хозяйственной жизни». Впрочем, и сумбурно-разрушительная политика первых месяцев советской власти характеризуется с абсолютно традиционных позиций: «Однако мирная созидательная работа была прервана начавшейся гражданской войной и захватом Восточного Казахстана белогвардейскими войсками»¹⁵⁵.

Западные исследователи нечасто обращались к истории красных партизан востока России, порой характеризуя их деятельность как обычные «сельские беспорядки»¹⁵⁶ (но и упоминая, например, бесчинства Я. И. Тряпицына, как Дж. Стефан¹⁵⁷). Заслуживает внимания исследование Дж. Бишера, который, опираясь на обширную мемуаристику и архивы военных властей США, подробно описал деятельность забайкальской и дальневосточной атаманщины, власть которой представляла собой как хаотическое месиво клептократии и садизма, так и попытку строить новую Россию: атаман Г. М. Семёнов «понимал, что на карту поставлено спасение демократической России, а не просто примитивное возмездие»¹⁵⁸. Одновременно Бишер дал материал и по красному террору, включая партизанский.

Один из историков недавно отметил угасание интереса к партизанской тематике в постсоветский период, заявляя, что «феномен партизанского движения в Сибири остается недостаточно изученным и плохо понятым»¹⁵⁹. Однако, хотя новых монографий и документальных сборников на эту тему действительно появилось немного, академическое изучение деятельности зауральских партизан, включая и деструктивные аспекты, началось еще в 1990-х годах и в последнее десятилетие идет все более активно. Выход работ С. С. Балмасова, В. П. Булдакова, Г. В. Булыгина, С. В. Волкова, В. Ф. Гришаева, С. П. Звягина, В. В. Исаева, А. Г. Елисеев, В. Г. Кокоулина, И. С. Кузнецова, С. Л. Кузьмина, И. В. Курышева, Н. С. Ларькова, Г. Г. Лёвкина, А. В. Мармышева, П. А. Новикова, А. А. Петрушина, В. Г. Смоляка, Ю. А. Тарасова, Г. С. Туровника, И. Ю. Ускова, В. Г. Хандорина, Г. И. Хипхенова, В. В. Цыся, А. П. Шекшеева, М. В. Шиловского, В. И. Шишкина¹⁶⁰ и автора настоящей книги, а также ряда других историков

¹⁵³ Хипхенов Г. И. Разгром Центросибири. Иркутск, 2022.

¹⁵⁴ Хипхенов Г. И. Правда и «кривда» о красных отрядах: Из военно-политической истории периода «первой советской власти» в Восточной Сибири (1917–1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 164–167.

¹⁵⁵ Гражданская война в Восточном Казахстане, 1917–1922 гг.: Сб. документов / Сост. Г. Т. Касимова и др. Семей, 2013. С. 13, 7.

¹⁵⁶ См.: Перейра Норман Г. О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996.

¹⁵⁷ Stephan J. J. The Russian Far East: A History. Stanford, 1994. P. 146.

¹⁵⁸ Bisher J. White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian. London; New York, 2005. P. 48.

¹⁵⁹ Шишкин В. И. Власть и население партизанских районов Сибири во время Гражданской войны // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: Материалы XI Санкт-Петербургского международного colloquium по русской истории, 2019. СПб., 2020. С. 394, 395.

¹⁶⁰ Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М., 2006; Булыгин Г. В. Партизанщина в годы

и краеведов ознаменовал новый этап исследований «неудобной темы» – сравнительно свободных и строящихся на гораздо более широкой документальной базе. Вместе с тем они в основном касаются лишь отдельных аспектов девиантного поведения красных повстанцев и не дают целостной картины партизанских насилий.

Небольшая работа И. В. Курышева¹⁶¹ стала одной из первых попыток исследования психологических аспектов партизанского движения в Западной Сибири весной–осенью 1919 года, а также изменений, происшедших в массовой психологии и морали. Однако опора на газетные источники, к тому же использованные выборочно (свидетельства о наиболее жестоких партизанских расправах, похоже, игнорировались как необъективные), привела к ограниченности авторских оценок, позднее перешедших и в его совместную с Л. А. Гривенной монографию, и в последующие статьи. И. В. Курышев, опираясь на сведения красных мемуаристов, объясняет отклоняющееся поведение партизан лишь мстостью за жестокости белой власти¹⁶² (эта точка зрения была убедительно раскритикована А. П. Шекшеевым)¹⁶³. Автор пренебрегает тем фактом, что среди мотивов партизанского террора исключительно сильны были такие, как беспощадная социальная чистка, сведение личных счетов и откровенная корысть.

Огромное оживление, разрастание уголовной среды и ее инфильтрация в революционный социум отмечены давно, но исследованы мало. Профессиональный революционер и организатор убийства великого князя Михаила Александровича Г. И. Мясников, одержимый идеей «реабилитировать Смердяковых от гнусностей Достоевского», в мемуарах восторженно писал о том, как во время Гражданской войны «хулиганы, воры, бандиты перерождались... и делались одержимыми, нетерпеливыми, готовыми на все мыслимые жертвы революционерами»¹⁶⁴. Реальность была иной, но многим исследователям она до сих пор кажется политически недостаточно корректной. Поэтому тема криминальной стороны в партизанщине, хотя и намечена, не проработана с должной глубиной.

И все же ряд сибирских историков проявил готовность по-новому оценить партизанское движение, причем жесткость оценок со временем нарастает, прямо завися от ввода нового материала об эксцессах партизанщины. То, что последняя во многих случаях носила откровенно уголовный характер, одним из первых отметил кемеровский исследователь С. П. Звягин: «...есть основания говорить о повсеместном и массовом беззаконии в действиях партизан»¹⁶⁵. В этом же ключе написана объективная монография П. А. Новикова о Гражданской войне в Восточной Сибири. Наиболее же заметен вклад выдающегося исследователя истории Енисейской губернии А. П. Шекшеева, определенно заявившего о том, что начальный период действий всех партизанских отрядов носил бандитско-грабительский характер, а среди известных партизан было много криминальных личностей¹⁶⁶.

гражданской войны // Вестник районного краеведческого музея. Тайшет, 2014. № 2; Гришаев В. Ф. «За чистую советскую власть». К истории крестьянских мятежей на Алтае, вызванных подрывом, раскулачиванием, насильственной коллективизацией. Барнаул, 2001; Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака; Исаев В. В. Казачество Бийской линии в революции и Гражданской войне. Барнаул, 2004; Кокоулин В. Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 гг.). Новосибирск, 2013; Курышев И. В., Гривенная Л. А. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и Северного Казахстана в годы гражданской войны (1918–1921). Ишим, 2010; Кушников М., Сергиенко В., Тогулв В. Страницы истории города Кемерово. Кн. 2. Кемерово, 1998; Смоляк В. Г. Междоусобица. По следам нижеамурской трагедии. Хабаровск, 2009; Туровник Г. С. Правда о легендарном герое. Находка, 2010; Цысь В. В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917–1921 гг.). Нижневартовск, 2005 – и др.

¹⁶¹ Курышев И. В. Партизаны Западной Сибири в годы Гражданской войны (Социально-психологический облик и поведение): Методическое пособие. Ишим, 1999.

¹⁶² Курышев И. В. Из истории партизанского террора в Западной Сибири (1918–1920 гг.): социально-психологический аспект // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Тюмень, 2005. Вып. VII. С. 102.

¹⁶³ Шекшеев А. П. Антиобщественная и уголовная стихия в крестьянском повстанчестве на Енисее. С. 131.

¹⁶⁴ Минувшее: исторический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 34.

¹⁶⁵ Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. С. 46, 48.

¹⁶⁶ Шекшеев А. П. Деревня против города (отношение енисейских крестьян к горожанам в период Гражданской войны) //

Однако развитие данной темы не исключает появления недостаточно убедительных работ, тесно связанных с традиционными взглядами. И. В. Курышев обвиняет белую прессу в намеренном смаковании кровавых подробностей расправ, придумывая такую своеобразную категорию сибиряков, как «пресыщенный буржуа»: «В массовом сознании испуганного обывателя и пресыщенного буржуа возникал страшный, звероподобный облик „красного бандита“, от кровавых, невиданных по своей жестокости преступлений которого цепенел и мутился человеческий разум»¹⁶⁷.

Далее автор, путаясь в определениях («гипертрофированный» и означает «чрезмерно преувеличенный»), отмечает «гипертрофированный, тенденциозный, порою преувеличенный характер» газетных сведений о деструктивном поведении партизан Западной Сибири, хотя на этой же и последующих страницах признает, что факты жесточайших партизанских расправ подтверждаются достоверными сведениями советской печати¹⁶⁸. Кадетскую прессу автор обвиняет в фокусировке внимания «на репрессивных, террористических акциях со стороны партизанских отрядов» с целью формирования «резко отрицательного образа участников партизанского движения у населения Сибири»¹⁶⁹. Главная проблема Курышева как исследователя в том, что он практически не обращался к архивам, где можно найти сведения о еще более жестоких партизанских казнях, нежели те, которые упоминались в «необъективных» белых газетах¹⁷⁰.

В своей монографии Курышев и Гривенная утверждают, что основная причина многочисленных повстанческих бесчинств – разгул уголовщины после амнистии 1917 года. Однако такое объяснение неполноценно. Некоторые тенденциозно подобранные факты о насилии белых почерпнуты из левой кооперативной прессы того времени и поданы некритически (с. 49–50). А краснопартизанскому террору посвящено только несколько страниц с минимальным вводом новых архивных материалов; правда, негативно отмечена исключительная свирепость этого террора, особенно по отношению к священнослужителям (но тут же бросается в глаза архаическая терминология из советских источников – вроде выражения «старообрядческий поп»). Вместе с тем авторы объективно заявляют, что партизанский террор, имея целью навести, как и всякий террор, ужас на противника, смыкался с уголовщиной и бандитизмом.

В составленной Курышевым и упоминавшейся выше новейшей монографии о крестьянском протесте (реально – скорее сборнике достаточно разнородных статей, уже бывших в печати)¹⁷¹ можно видеть авторов, как предлагающих новый взгляд на аспекты Гражданской войны (П. А. Новиков, А. П. Шекшеев), так и стоящих на более традиционных позициях (тот же Курышев, А. А. Штырбул). Сам же Курышев повторяет, опять-таки практически без опоры на архивы, свои утверждения о «передовой части» повстанцев, об их закономерной мести классовым врагам и необъективности описаний ужасов партизанщины кадетской прессой¹⁷². Очевидная неравнозначность очерков определяет основной недостаток этой полезной книги.

Вестник Красноярского государственного университета. 2004. № 6. С. 108, 109; *Он же*. Гражданская смута на Енисее. С. 129–161.

¹⁶⁷ Здесь стоит вспомнить стихотворение Б. Пастернака на смерть бывших министров А. Шингарёва и Ф. Кокошкина, являющееся нормальной реакцией на жестокое убийство и начинавшееся словами: «...Мутится мозг. Вот так? В палате?» (*Пастернак Б. Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 619).

¹⁶⁸ *Курышев И. В.* Печать о социально-психологическом облике западносибирских партизан в годы Гражданской войны // Крестьянский фронт, 1918–1922 гг. С. 653, 655–659.

¹⁶⁹ Там же. С. 661.

¹⁷⁰ Этот недостаток очевиден и в последних его работах. См.: *Курышев И. В.* К характеристике партизанского террора в Западной Сибири (1918–1919): нравственно-психологический аспект // Вестник Омского университета. 2014. № 4. С. 118–121; *Он же*. Деструктивное поведение сибирских партизан и повстанцев в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 153–159.

¹⁷¹ Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны.

¹⁷² Там же. С. 213–233.

Отметим, что И. В. Курышев и Л. А. Гривенная с излишней смелостью берутся утверждать, что после окончания Гражданской войны проявились «признаки морального оздоровления» крестьянства¹⁷³. Продолжительный период красного бандитизма, расцвет дикого хулиганства, проституция, повальное самогеноварение и пьянство, колоссальная уголовная преступность в 20-х годах – все это данному утверждению совершенно не соответствует, подкрепляя пессимистичные выводы, сделанные П. А. Сорокиным в его известной работе 1922 года и актуальные также для времен, весьма удаленных от тех лет. Говоря о морально-правовой деградации населения страны, Сорокин указывал, что жертвенность, подвижничество и героизм – это «достояние единиц, а не масс», поэтому их роль «ничтожна по сравнению с „биологизирующей“ и „криминализирующей“ работой войны и революции»¹⁷⁴. Так, в 1921 году в стране насчитывалось 7,5 млн беспризорных детей, 10% которых принимали наркотики¹⁷⁵.

Массы в тот период активно спивались, маргинализировались и криминализировались – и в деревне, и в городе, причем начальство не отставало от рядового населения. Пьянство очень серьезно осложняло общественно-экономическую и криминогенную ситуацию в стране. В 1921 году в Новгородской губернской парторганизации оно, по утверждению одного из видных партийцев, «носило характер какого-то стихийного недуга»¹⁷⁶. Пресса и сводки ЧК за 1919–1922 годы густо насыщены сообщениями об алкоголизации как советско-партийных работников (и руководящих, и рядовых), так и чекистов с милиционерами¹⁷⁷.

Из краткого чекистского обзора политико-экономического состояния РСФСР за декабрь 1922 года следовало, что пьянство в Омской губернии «захватывает милицию, Исполкомы, совслужащих» и повсеместно фиксируются «частые пьяные дебоши», в Новониколаевской губернии пьянство «продолжается и принимает огромные размеры», в Иркутской губернии – также «принимает все более и более широкие размеры», охватывая и коммунистов¹⁷⁸. В городе Киренске Иркутской губернии 1 ноября 1922 года было арестовано 45 человек «пьяных, большинство ответственных работников»¹⁷⁹. В Томской губернии пьянствовало «поголовно все население» заодно с членами волисполкомов, причем попойки сопровождались драками и убийствами¹⁸⁰. В начале 1923 года коммунисты Нижне-Жиримской сельской ячейки в Тарбагатайском районе Прибайкальской области сообщали: «Среди масс страшно развито пьянство, дебош[,] и молодежь в пьяном виде выходит на улицу драться кольями...»¹⁸¹

Последующие несколько лет не изменили обстановки с алкоголизацией – что населения, что номенклатуры. Пример подавали верхи. В ЦК из Калужского губкома партии переслали с грифом «секретно» письмо члена бюро сельской партиячейки: «20 февраля 1926 года на разъезде Кошняки проехали в Москву Наркомвоенмор т. Ворошилов, Наркомзем тов. [А. П.] Смирнов, Наркомпочтель тов. [И. Н.] Смирнов и др. Означенные т. т. были сильно пьяны <...

¹⁷³ Курышев И. В., Гривенная Л. А. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства. С. 11, 56, 59, 89.

¹⁷⁴ Сорокин П. А. Нравственное и умственное состояние современной России // Литература русского зарубежья: Антология в шести томах. М., 1990. Т. 1. Кн. 1. С. 407.

¹⁷⁵ Футер Д. О детях-наркоманах // Московский медицинский журнал. 1925. № 10. С. 59.

¹⁷⁶ Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю. Генеральная чистка РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в Советской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2015. Т. 14. Вып. 8. С. 144.

¹⁷⁷ Нарский И. Жизнь в катастрофе. С. 427.

¹⁷⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 753. Л. 55–56.

¹⁷⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 297. Л. 9.

¹⁸⁰ Там же. Д. 626. Л. 229, 249, 257.

¹⁸¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 1116. Л. 47. В июле 1920 года руководство Омской губЧК осудило на пять лет заключения в дом принудительных работ бывшего члена правительства ДВР И. К. Свешникова, ранее неоднократно привлекавшегося к суду за пьянство. Даже директор Госполитохраны ДВР Н. Ф. Черных был в 1921 году уволен за пьяный дебош (см.: Там же. Д. 207а. Л. 90).

> привлекали для себя внимание всех граждан[,] бывших при отправлении...»¹⁸² Секретарь партячейки коммуны им. Троцкого в заявлении для Бочатского райкома ВКП(б) Кузнецкого округа в январе 1926 года писал, что поголовное пьянство просто захлестнуло население: «... сельсовет пьяный, сельисполнители также не уступают...», а население «целиком и полностью отдалось земному богу – самогону»¹⁸³. Старший помощник прокурора по Сибири, объехав в начале 1926 года Коченёвский район Новониколаевского округа, отчитывался: «Отталкивающим от широких крестьянских масс служит пьянка коммунистов, хулиганство, растраты... Члены партии закладывают партбилеты за самогонку... В комсомольском клубе пьяные комсомольцы с девушек снимают одежды и все белье, голых ставят на середину и устраивают круговую пляску. Таких явлений масса...»¹⁸⁴

Летом 1926 года, как отмечала чекистская сводка, пьянство, злоупотребления и халатность райисполкомов Сибирского края «ставят под угрозу срыва советской работы на местах и потери авторитета Соваппарата в целом», алкоголизация «местами захлестывает районных работников, делая их совершенно негодными для работы»¹⁸⁵. В конце 1927 года Томский окружной исполком сообщал: «Пьянство, как таковое, особенно среди работников сельсоветов, вошло в обыденный быт и трудно поддается искоренению»¹⁸⁶.

Оставалась крайне высокой и уголовная преступность. В письме в ЦК партии секретарь Иркутского губкома ВКП(б) А. В. Гриневиц, обобщая развитие губернии за 1924–1925 годы, сообщал: «В деревне и городских поселках наблюдается громадное увеличение хулиганства, доходящего до драк, убийств, поножовщины»¹⁸⁷. Далее ситуация в ряде районов ухудшалась. Например, по Ачинскому округу в середине 1926 года за неполные полтора месяца было зафиксировано около 500 убийств, а в «Барабинском округе во время одного праздника в одном только селе убито 25 чел.»¹⁸⁸. Есть и другие данные по «пьяной» смертности в Ачинском округе: Пасху 1926 года ачинские крестьяне отмечали так, что в дни ее милицией были подняты 43 трупа. Смертность в данном округе при праздновании всех церковных праздников доходила до 200 человек в год¹⁸⁹.

Вообще, 1926 год дал пик сельской преступности в СССР. Произошел настоящий криминальный взрыв: количество преступлений против личности выросло более чем в 4,5 раза, при этом что акций против властей стало меньше¹⁹⁰. Информационный отдел ОГПУ 4 июня представил В. М. Молотову докладную записку о росте хулиганства в Сибири, где только за первые месяцы года количество преступлений, отнесенных к хулиганству, выросло в деревне по сравнению с последним кварталом 1925 года более чем на треть. При этом из общего числа привлеченных к ответственности за хулиганство около 30% составляли комсомольцы и коммунисты¹⁹¹. В 1927 году краевая милиция отмечала, что основная часть убийств на селе совершается

¹⁸² Жирнов Е. «Будучи пьяным, требовал баб для разврата» // Коммерсантъ Власть. 2003. 7 апр. № 13. С. 64.

¹⁸³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 94. Л. 7.

¹⁸⁴ Ефремов М. А. 80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917–1937). Новосибирск, 2002. С. 276.

¹⁸⁵ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 103.

¹⁸⁶ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 48. Л. 66.

¹⁸⁷ См.: Богданов С. В. Молодежный экстремизм в Советской России в 1920-е годы. Курск, 2006.

¹⁸⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 116 об. Общие сведения правоохранителей, представленные в Сибкрайисполком, дают значительно меньшие цифры убитых: за 1926 год по Сибкраю милицией было зарегистрировано 2930 убийств, в том числе 2448 – в сельской местности (доля деревенских жителей в крае составляла 87%). За первое полугодие 1927 года было отмечено 1504 убийства, из них 1205 – в деревне. (См.: ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 44. Л. 58, 57.) Но даже если отталкиваться от минимальных цифр, то 3 тыс. ежегодных убийств означали гибель в течение 10–15 лет около 1% взрослого мужского населения региона.

¹⁸⁹ Шекшеев А. П. Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.) (Часть 1) // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 4 (21). С. 86.

¹⁹⁰ Литвак К. Б. Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов // История СССР. 1991. № 2. С. 134.

¹⁹¹ См.: Богданов С. В. Молодежный экстремизм в Советской России.

пьяными¹⁹². Приходится признать: и спустя десятилетие после революции абсурдные человеческие потери в залитой самогоном провинции не так уж сильно уступали тем, что были в Гражданскую войну¹⁹³.

Говоря о прямом демографическом ущербе от партизанщины, следует отметить, что вопрос подсчета жертв красных повстанцев решается пока только в самом общем плане. По мнению А. В. Мармышева и А. Г. Елисеенко, погибших от партизанского террора в Енисейской губернии, возможно, было не меньше, чем от карательной политики колчаковцев. В своей монографии о сибирских чекистах автор высказывался в сходном ключе применительно к Сибири вообще¹⁹⁴. Но после углубленного изучения материала представляется, что в целом на востоке России было значительно больше погибших от рук красных повстанцев, чем от карательных акций белых.

Между тем традиционные для советской историографии не критические оценки красного и белого террора распространены до сих пор. А. А. Штырбул продолжает писать про «классовую ненависть имущих классов к революционным трудящимся»¹⁹⁵. Краевед Г. Г. Лёвкин – верный апологет партизана Я. И. Тряпицына, уничтожившего в 1920 году Николаевск-на-Амуре, – оспаривает факт полного уничтожения города и при этом обвиняет японцев в том, что они не затушили остатков. Характерно, что вождя ДВР А. М. Краснощёкова Лёвкин упорно, при каждом упоминании, именует Тобельсоном, откровенно намекая, что этот еврей и эмигрант-антипатриот был ставленником буржуазии США и строил на Дальнем Востоке никчемную буржуазно-демократическую республику, чем сознательно затягивал – с одобрения Л. Троцкого – Гражданскую войну¹⁹⁶. Крайняя коммунистическая ангажированность вкупе с присутствием современным идеологам и сторонникам КПРФ отчетливым душком конспирологического антисемитизма¹⁹⁷ обесценивают попытки Лёвкина, много работавшего в архивах, разобратся в тряпицынщине.

Историк анархизма В. В. Кривенький осуждает тех российских публицистов, которые именуют зловещих тряпицынцев не «отечественными повстанцами и партизанами», а бандитами и головорезами¹⁹⁸; о похождениях сибирских атаманов Г. Ф. Рогова, И. П. Новосёлова, П. К. Лубкова он не упоминает вовсе. Д. И. Рублёв в обобщающей монографии об анархистах¹⁹⁹ использовал – для рассказа о сибирских и дальневосточных партизанских вожаках – лишь обеляющие их тенденциозные публикации.

Знаток эпохи Колчака В. Г. Хандорин раскритиковал опирающуюся на архивы и газеты, но несостоятельную в методологическом отношении недавнюю книгу В. Г. Кокоулина «Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.)», в частности заявив, что автор «...неоднократно живописует белый террор, но практически избегает говорить о партизанском терроре, и лишь признает жестокость партизанского вожака Г. Ф. Рогова, видимо, потому что тот откололся от большевиков и объявил себя анархистом. ...Он... приводит один документ о бесчинствах партизан (с. 387–388), но тут же заявляет, что „партизанский

¹⁹² ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 48. Л. 14; Д. 44. Л. 71.

¹⁹³ Ситуация с пьяной преступностью в городах также была острейшей: потребление алкоголя в рабочей среде выросло с 1924 по 1928 год в восемь раз. См.: *Ларин Ю.* Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним. М., 1929. С. 7–8.

¹⁹⁴ *Мармышев А. В., Елисеенко А. Г.* Гражданская война в Енисейской губернии. С. 155; *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра». С. 35.

¹⁹⁵ *Штырбул А. А.* Из истории Гражданской войны на востоке России: «сатунинщина» и ее ликвидация (1918–1920 гг.) // Клио. 2012. № 7. С. 111.

¹⁹⁶ *Лёвкин Г. Г.* Было, но быльем не поросло... Хабаровск, 2006.

¹⁹⁷ Добавим веру автора в «иудейско-масонскую тень, которая маячила за спинами борцов за Советскую власть», и упоминание «этнического еврея А. Ф. Керенского». См.: *Лёвкин Г. Г.* Волочаевка без легенд. С. 186, 158.

¹⁹⁸ *Кривенький В. В.* Анархистское движение в России. С. 318, 319.

¹⁹⁹ *Рублёв Д. И.* Российский анархизм в XX веке. М., 2019.

террор не был столь масштабным явлением“, как белый»²⁰⁰. Действительно, Кокоулин, одну из прежних статей посвятивший дикой расправе роговцев над пленными (включая сожжение священнослужителей), в данной монографии даже не упоминает о массовой резне роговцами пленных, беженцев и горожан под Тогулом, в Кузнецке и Щегловске²⁰¹.

Наличие внушительной источниковой базы дает нам возможность сосредоточиться конкретно на актуальной теме партизанского террора, увидеть в нем одну из масштабных и малоизученных трагедий Гражданской войны, рассмотреть его предпосылки и предтечи в проблемных зонах более ранних эпох. Россия традиционно была страной, где цена человеческой жизни – величина малозаметная. И властью, и обществом насилие воспринималось как универсальный метод решения проблем; в переломные эпохи оно выплескивалось с сокрушительной мощью. В годы Гражданской войны взаимное ожесточение людей резко возросло, что вело к быстрому разложению традиционных нравственных устоев.

В это бурное время совершались не столько замечательные подвиги ярких идейных личностей, сколько величайшие преступления, в которых нередко участвовали значительные массы людей. Документальные свидетельства этого все более активно вводятся в научный оборот. В. И. Вернадский в марте 1920 года записал: «На поверхности, у власти и во главе лиц действующих... – не лучшие, а худшие. Все воры, грабители, убийцы и преступные элементы во всех течениях выступили на поверхность... Это особенно ярко сказывается в большевистском стане и строе – но то же самое мы наблюдаем и в кругу [белых] добровольцев и примыкающих к ним кругов... Жизнь выдвинула на поверхность испорченный, гнилой шлак, и он тянет за собой среднюю массу»²⁰².

Приступая к оценке источников, отметим, что архивы часто становятся жертвами не только разрушительных военных действий, но и политических решений. Так, основная часть архивных материалов периода гражданской войны в Греции 40-х годов XX века, включая десятки тысяч уголовных дел, была уничтожена в 1989 году – в рамках «национального примирения» ради создания коалиционного правительства коммунистов и правых²⁰³. Громадные потери источников в советское время, включая как государственные, так и личные хранилища, хорошо известны. Но советские коммунисты в 20-х годах ради увековечивания своей борьбы и победы инициировали создание огромного корпуса воспоминаний, причем не только руководящих, но и, что очень важно, рядовых участников войны. Этот мемуарный массив имеет исключительное значение и во многом компенсирует уничтожение массы и свидетелей, и документов со стороны красных и белых в ходе военных действий. Белая эмиграция также очень активно осмысляла опыт поражения, оставив современным исследователям возможность сравнивать противоположные точки зрения.

Гражданская война стала документироваться еще до ее окончания, так что к середине 1930-х годов успело выйти огромное количество публикаций как участников событий, так и историков. Впрочем, следует учитывать, что часть тогдашних публикаций была недобросовестной. Так, доклад сибирского подпольщика П. Ф. Лапшина, сделанный им в июле 1919 года в Вятке, публиковался не раз, хотя в нем приведены «чрезвычайно неточные» (очень мягкая оценка!) данные о численности и дислокации партизанских отрядов, о чем предупреждал еще

²⁰⁰ Хандорин В. Г. Можно ли так писать научную монографию? Рецензия на книгу В. Г. Кокоулина «Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.)» (Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2017. – 528 с.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 251–260.

²⁰¹ См. предельно жесткую критику его работ ведущими исследователями, например: Журавлёв В. В., Рышков В. М., Симонов Д. Г. За пределами науки: по страницам имитационной историографии // Российская история. 2016. № 6. С. 229–234. Тем не менее считаю необходимым использовать богатый фактический материал текстов В. Г. Кокоулина, много работавшего в архивах.

²⁰² Вернадский В. И. Из дневника. 15 марта 1920 г. // Век XX и мир. 1989. № 6. С. 40.

²⁰³ Каливас С. Логика насилия в гражданской войне. М., 2019. С. 666.

А. Абов (Ансон)²⁰⁴. Такими же крайне неточными и преувеличенными являются оценки численности амурских партизан и описания их военных успехов и потерь, приведенные в 1929 году С. С. Кургузовым и до сих пор принимаемые на веру почти всеми историками²⁰⁵.

Изданные в 1920-х – середине 1930-х годов многочисленные сборники документов и мемуары в большей своей части оказались при Сталине политически скомпрометированными и изъяты из обращения. Причем даже в последующие эпохи многие из них по-прежнему считались слишком откровенными и не соответствующими сложившимся концепциям, сформулированным партийными идеологами без учета этой литературы. Господствовавшее до 1990-х годов представление об источниках «классово противоположного лагеря» только как о второстепенных затрудняло историкам работу даже с теми критическими материалами белых и интервентов, которые могли дополнить советское по своей концепции освещение Гражданской войны²⁰⁶.

Среди информативной беллетристики можно выделить художественно-документальные книги участников событий и с красной (бывшие колчаковцы В. Я. Зазубрин и Вс. Иванов), и с белой (Я. Л. Лович) стороны. Честный художественный рассказ о красном повстанчестве начался в литературе с небольшого повествования Вс. Иванова «Партизаны» (1921), которое показывает мужиков, жителей Ойротии, случайно убивших милиционера, изломавшего их самогонный аппарат, и бежавших в горы партизанить, где к ним вскоре стихийно присоединились сотни крестьян²⁰⁷.

Остаются в арсенале историков произведения тех из советских писателей, кто серьезно изучал тему и создал подцензурные, но острые тексты, касавшиеся проблем, которые почти не обсуждала официальная историография, и не потерявшие значения и поныне (вышедшие в 1920-х годах «Ватага» В. Шишкова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» А. Фадеева, появившиеся в другую эпоху «Крушение Рогова» Г. Егорова (1965), «Соленая падь» (1967) и «Комиссия» (1975) С. Залыгина)²⁰⁸. Неортодоксально поданы повстанцы и в поэме П. П. Петрова «Партизаны» (1927), начиная с иронического портрета П. Е. Щетинкина: «Петрован коряв на рыло, / Толстоват на брюхо» – и заканчивая явным намеком на партизанский разгул: «Закружилась Минуса / В пьяном урагане. / Коршуньем по деревням / Рыщут партизане»²⁰⁹.

Рефлексия представителей литературной власти была немедленной и оправдывала натуралистично поданные беллетристами жестокости красных революционной целесообразностью. Критик А. К. Воронский в 1922 году писал о герое повести Вс. Иванова «Цветные ветра» и его единственно верной заповеди: «Убивай!»:

У большевика Никитина, начальника партизан... [есть понимание] ... что мужик поднялся, хочет бить, убивать. Это – стихия: перечить ей бесполезно и вредно, и он дает волю этой стихии: бей!.. <...> Он не считается с индивидуальной виной, он знает вину только классов. <...> ... Все подчинено целесообразности, а она сейчас дает только одну заповедь: убивай! <...> В наше российское тесто – это как квашня. Без таких [Никитиных] рассыпались бы партизанские отряды, проигрывались бы восстания, сражения, невозможны бы были красный террор, раскрытие заговоров... Вздрыбить трудовую Русь, ...

²⁰⁴ Плотникова М. Е. Советская историография гражданской войны в Сибири. С. 188.

²⁰⁵ Кургузов С. Амурские партизаны. Воспоминания о партизанском движении в Амурской области за 1918–1919 гг. Хабаровск, 1929. Критику см.: Тарасов Ю. А. Партизанское движение в Амурской области. С. 6, 79.

²⁰⁶ Исповедников Д. Ю. Публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. С. 22.

²⁰⁷ Иванов В. Партизаны // Красная новь. 1921. № 1. С. 3–40.

²⁰⁸ См. также: Зазубрин В. Я. Два мира. Красноярск, 1983; Он же. Общежитие. Новосибирск, 1990; Лович Я. Враги: Роман в трех книгах. Посвящен памяти истерзанных в Благовещенске и Николаевске. Шанхай, 1941 (Лович Я. Л. Враги. М., 2007).

²⁰⁹ Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 6. С. 3–12.

иметь силу и смелость *дать простор звериному в человеке, где это необходимо* (курсив мой. – А. Т.), и[,] где необходимо[,] сковать сталью и железом – все это невозможно без Никитиных²¹⁰.

Затем подобные откровенные оценки стали сменяться завуалированными. В 1924 году от вождя конармейцев (вероятно, с подачи К. Е. Ворошилова, метившего в Троцкого и его литературного соратника А. К. Воронского²¹¹) печатно досталось «дегенерату от литературы Бабелю», который революционных кавалеристов «оплевывает художественной слюной классовой ненависти», заставляя читателя «поверить в старые сказки, что наша революция делалась не классом, выросшим до понимания своих классовых интересов... а кучкой бандитов, грабителей, разбойников и проституток, насильно и нахально захвативших... власть»²¹².

За И. Э. Бабеля тогда заступился Горький, но постепенно изображения Гражданской войны стали выглядеть все более приглаженными. Показательно, что публикация натуралистического рассказа участника Гражданской войны на Алтае В. Е. Зырянова «Партизаны – парни лютые» в журнале «Октябрь» (1925. № 3–4) сразу вызвала отповедь в прессе за изображение красных повстанцев «жуткими палачами», безжалостно «рубящими односельчан»²¹³. Партийные идеологи критиковали и тех, кто, подобно Илье Эренбургу, осмеливался резко критически показывать чекистов: «“Ужасами” ЧК надо давно перестать заниматься: в великом социальном движении ничего не увидеть кроме Лубянки и под-лубянок, кроме каких-то специфических “злодеев”, сидящих там, это же ничем не извинительная близорукость, переполох, испуг перед революцией»²¹⁴.

В итоге господство завоевала героико-романтическая позиция, выраженная, например, в поэме Н. Н. Асеева «Семен Проскаков» (1928)²¹⁵. Это монтаж из ярких цитат-воспоминаний настоящего кузбасского партизана и скверных авторских стихов, где в разговорах офицеров звучит бредовая фраза: «...Под Тюменью // было именье // в семнадцать тысяч душ». Исследователи отмечают: «...исторические описания 20-х годов о „красных“ жестокостях в гражданской войне, заведомо оправданных классовым подходом, сменились в литературе 30-х годов „красным“ благородством, “красной” чистотой помыслов и действий»²¹⁶.

Много ценных документов опубликовала как советская, так и враждебная большевикам пресса. Крайне важный и недостаточно до сих пор используемый источник – та хроника событий, которая велась белыми журналистами²¹⁷, а также оценки, даваемые событиям действующими лицами антибольшевистского лагеря. Вот пример ранней и точной газетной характеристики красных порядков: «В советской России диктатура пролетариата давным-давно выродилась в диктатуру над пролетариатом. Уродливые формы политического и социального строительства обусловили возникновение нового „правлящего класса“, новой бюрократии, опирающейся на чрезвычайные комиссии и войска „специального назначения“»²¹⁸.

²¹⁰ Воронский А. Литературные силуэты // Красная новь. 1922. № 5. С. 256, 257.

²¹¹ Парсамов Ю. В. Будённый против Бабеля: политические аспекты полемики (Статья первая) // Известия Саратовского ун-та. Серия «История». 2010. № 2. С. 79–83.

²¹² Будённый С. Бабизм Бабеля из «Красной нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196–197.

²¹³ Сибирские огни. Новониколаевск, 1925. № 3. С. 212.

²¹⁴ Евдокимов И. Илье Эренбург // Новый мир. 1926. № 8–9. С. 229.

²¹⁵ Асеев Н. Семен Проскаков. Стихотворные примечания к материалам по истории Гражданской войны. М.: Л., 1928.

²¹⁶ Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998. С. 8.

²¹⁷ Одна из лучших исследовательниц истории Гражданской войны в 70-х годах безапелляционно заявила, что белая периодика «по истории крестьянского и партизанского движения не представляет ценности как источник». См.: Плотишкова М. Е. Советская историография гражданской войны в Сибири. С. 188.

²¹⁸ Самарин К. Положение рабочего класса // Эхо. Владивосток, 1919. 3 мая.

В целом ряде случаев нет иных источников, отражающих эпизоды партизанщины, кроме газет. Вместе с тем белые журналисты при откровенных и критических описаниях повстанчества и неэффективности его подавления сталкивались с военной цензурой. В начале июня 1919 года редактор влиятельной «Сибирской жизни» А. В. Адрианов писал главе Российского правительства П. В. Вологодскому, что начальник Томского гарнизона «вероятно, под давлением окружающей его военщины запретил нам сообщать что-либо о бандах большевиков – Лубковых, Щетинкиных, Адамовичей²¹⁹ и проч. [—] под предлогом, что мы сообщаем неверные сведения (а только у них могут быть такие), что мы раскрываем противнику карты и... поселяем тревогу в обществе»²²⁰.

Разумеется, серьезным газетам не было нужды преувеличивать партизанский террор, рискуя вызвать панические настроения, в каковых авторы и владельцы прессы вряд ли могли быть заинтересованы. Так, корреспондент «Свободной Сибири» Н. К. Ауэрбах в отчете для Российского телеграфного агентства указывал, что об ужасах, творимых красными в Минусинском уезде, летом и осенью 1919 года говорили повсюду, «но писать [в прессе], не имея достаточно точных сведений, не решались»²²¹. Близки к реальности публиковавшиеся списки погибших и пострадавших от партизанщины.

Вполне достоверным тестом для оценки газетной информации белых нередко могут служить партизанские мемуары (и, напротив, сведениями из прессы дополняются и уточняются факты, известные из воспоминаний). Как писал советский историк, «мемуары – основной, а нередко и единственный источник для изучения субъективных устремлений участников партизанского движения, их внутреннего мира, уровня развития и т. п.»²²². В мемуарах 1920-х – середины 1930-х годов хорошо заметны глубокие патологические изменения сознания, прежде всего «отчетливо выраженные формы и проявления синдрома жестокости и насилия»²²³. В этом смысле коллекция воспоминаний Сибистпарта (Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5) представляет собой настоящий подарок всем изучающим крестьянскую цивилизацию.

Архивная доказательная база, позволяющая представить размах разрушительной мощи партизанщины, весьма велика и в огромной степени относится именно к мемуарным коллекциям. Тем показательнее до сих пор проявляющееся пристрастное отношение к «неудобным» страницам воспоминаний деятелей Гражданской войны. Традиция эта старинная. Еще в 1923 году А. Абов (Ансон), рецензируя первый сборник Сибистпарта²²⁴, критиковал за излишнюю откровенность воспоминания партработника Э. Ф. Лагздина о роговском терроре и мемуары одного из руководителей Западно-Сибирской крестьянской красной армии И. В. Громова: «... нам нет никакой охоты смаковать „зашивания“ попов, милиционеров, беляков, экспроприации, грабежи, „давание перцу“ и пр. Это неприятное фельетонное „смакование“ разного рода „подвигов“... сильно отражается на воспоминаниях, имеющих, бесспорно, исторический интерес»²²⁵.

²¹⁹ Под псевдонимом штабс-капитана Адамовича в Томском уезде действовал подпольщик-коммунист П. Гончаров (И. С. Толкунов). Реальный штабс-капитан А. Т. Альдманович, именуемый в ряде источников Адамовичем, был начальником небольшого карательного отряда и привлекался в 1919 году к ответственности за расстрелы в Щегловском уезде лиц, подозреваемых в причастности к большевизму.

²²⁰ Ларьков Н. С. Политическая деятельность А. В. Адрианова в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 79.

²²¹ См. сообщение Н. К. Ауэрбаха «На Минусинском фронте», опубликованное в: Коголовский В. Из недавнего прошлого // Сибирские огни. Новосибирск, 1933. № 3–4. С. 196–212 (цит. 205).

²²² Никитин А. Н. Мемуары как источник по истории партизанского движения в Сибири в годы гражданской войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1979. С. 12–13.

²²³ Курьшиев И. В., Гривенная Л. А. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства. С. 56.

²²⁴ Сборник Истпарта. Новониколаевск: Сиббюро ЦК РКП(б), 1923. № 1.

²²⁵ Сибирские огни. Новониколаевск, 1923. № 1–2. С. 251.

Однако партизанская жизнь состояла в основном именно из подобных эпизодов, поэтому воспоминания других повстанцев нередко выглядели аналогичным «смакованием» и грабежей, и убийств. Архивная рукопись И. Я. Огородникова об истории 1-го Бийского полка, признанная Сибистпартом невозможной даже для «частичного использования», была отрецензирована самим Б. З. Шумяцким, который возмущился подробным описанием партизанских конфликтов, тем, что «много места уделено грабежам и безобразиям» и что ни слова нет о работе коммунистов и их влиянии на «строительство и действия отряда»²²⁶. А к мемуарам руководителя Красной гвардии в Томске П. Я. Новикова архивистами была подклеена бумажка с надписью о том, что автор в 1927 году был связан с троцкистами и его рукопись может быть использована только в качестве фактического, а никак не оценочного материала²²⁷.

Выходившие в 1920–1980-х годах сборники документов нередко содержали неоговоренные сокращения и искажения, а партизанские мемуары подвергались строгой редактуре, устранявшей из текстов, особенно печатавшихся со второй половины 30-х годов, наиболее ценные исторические свидетельства. Несмотря на это, даже на опубликованных мемуарах, прежде всего партизанских, можно было выстроить объективное исследование о краснопартизанском быте и терроре, которое взорвало бы всю советскую мифологию о доблестных повстанцах-большевиках. Но и в постсоветское время никто не рискнул взяться за подобную работу.

Среди опубликованных мемуаров наиболее интересны книги и очерки 1920-х – первой половины 1930-х годов, написанных видными повстанческими вожаками, прежде всего обширные тексты Н. К. Ильюхова, П. Д. Криволицкого, И. Я. Третьяка, В. Г. Яковенко и ряда других авторов. Но и в них много преувеличений, недосказанностей и выдумок, не говоря уже об ошибках памяти. Часть неопубликованных мемуаров, особенно созданные в 1920-х годах, в последующем редактировалась, но обычно тенденциозная правка, устранявшая неудобные моменты, вносилась непосредственно в машинописные тексты от руки и легко вычленяется.

В фонде Сибистпарта (ГАО) сохранились очень интересные воспоминания И. В. Громова, на основе которых в 1966 году был опубликован компактный вариант²²⁸, до сих пор сохраняющий большую значимость для исследователей. Однако сверка рукописи с опубликованным текстом наглядно показывает советскую тенденциозную редактуру: выброшены либо переписаны эпизоды, касавшиеся дезертирства героя из отряда П. Ф. Сухова, его острейших конфликтов с Е. М. Мамонтовым и рядовыми партизанами, откровенно криминальных способов добычи продуктов, оружия и денег, многочисленные свидетельства партизанского насилия и прямого террора.

Современные составители очень полезного документального сборника по истории Гражданской войны на Алтае, публикуя значительные по объему выдержки из мемуаров И. Я. Огородникова²²⁹, не рискнули воспроизвести наиболее жуткие и вместе с тем информативные фрагменты (например, о расправах и «партизанских судах» над священнослужителями и пленными белыми, размахе грабежей и повседневных убийств), а ограничились отдельными эпизодами с «просто» жестокими сценами. Между тем малограмотный Огородников писал очень выразительно; его палаческая откровенность подкупает первобытной искренностью, поскольку он считал себя «правильным» партизаном, который уничтожал врагов с определенным разбором и был против откровенного садизма в расправах. Похожим образом рассуждали и другие известные повстанческие вожаки, например П. Ф. Федорец при оценке Рогова и роговцев или воевавший в Иркутской губернии К. К. Байкалов²³⁰. Интересно, что на рукописи мемуаров

²²⁶ ГАО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1645. Л. 1.

²²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 1162 (вклейка перед л. 1).

²²⁸ Громов И. За власть Советскую. Воспоминания командира партизанского корпуса. Барнаул, 1966.

²²⁹ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии 1917–1922: Хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 281–294.

²³⁰ Государственный архив Томской области (далее – ГАО). Ф. Р-236. Оп. 4. Д. 322. Л. 63–66 об.; Воспоминания участ-

Огородникова оставил свои многочисленные сердитые пометки один из героев его воспоминаний, известный крайней жестокостью М. З. Белокобыльский, но при этом данные маргиналии касаются в основном некоторых политических оценок тех или иных лиц, а не жестоких и грабительских эпизодов²³¹.

Составители ценного документального сборника о дальневосточной политике РСФСР периода Гражданской войны ограничились воспроизведением минимального по объему фрагмента из протокола судебного заседания, на котором рассматривались зверства партизанского командира Я. И. Тряпицына²³². Между тем протокол суда над тряпицынцами насыщен информацией и дает важные сведения о самочинных жестоких казнях, расправах над детьми, изнасилованиях, грабежах, позволяющие доказательно оспаривать мнения многочисленных современных апологетов тряпицынщины²³³. Вышедший 20 лет спустя в самом Николаевске-на-Амуре сборник документов²³⁴ опять-таки далек от того, чтобы показать подлинную картину трагедии уничтоженного города, – формально документов о ней здесь не так уж и мало, но они – вместе с комментариями – даны с определенным сочувствием к революционеру Тряпицыну.

Следует отметить важность не так давно вышедших очень информативных мемуаров В. Н. Швецова – о партизанах Алтая, и С. А. Птицына – о тряпицынской эпопее в Сахалинской области²³⁵. В самые последние годы в ряде городов Сибири выпущены объемистые сборники партизанских воспоминаний, где сохранены подробности девиаций и террора со стороны повстанцев. Новое видение главных эпизодов истории шиткинских партизан на основе критического анализа известных публикаций предлагают сборники краеведческих статей и материалов, вышедшие в Красноярске и Тайшете²³⁶. Следует отметить недавно опубликованный в Иркутске сборник мемуаров восточносибирских участников Гражданской войны, наполненный очень информативным материалом, но полностью лишенный и научного аппарата, и какой-либо выверки текстов, из-за чего в нем, помимо массы ошибок, оказались воспоминания, давно известные в печати (например, В. Г. Никольского)²³⁷.

В очень ценном сборнике мемуаров о Гражданской войне в Енисейской губернии, составленном и откомментированном Т. С. Комаровой, использовано около 200 ранее неизвестных текстов, сохранивших свидетельства изнанки партизанской войны. Вторая часть сборника составлена в основном из неопубликованных и неприглаженных воспоминаний видных подпольщиков и партизан из фондов Красноярского краеведческого музея. Сборник отличается объемным научно-справочным аппаратом и включает около 600 биографий в именном указателе²³⁸. К сожалению, уже в заголовке почему-то разделяются синонимические понятия «воспоминания» и «мемуары», а в текстах, биографиях и комментариях нередки грубые ошибки.

В конце 2021 года Новосибирским облгосархивом выпущен интересный сборник документов о партизанском вожде П. Щетинкине, выполненный, однако, в традиционной житий-

ников Гражданской войны в Восточной Сибири 1918–1920 годов (по материалам ГАНИИО) / Сост. Е. А. Серебряков. Иркутск, 2019. С. 18, 34.

²³¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 316. Л. 11–14, 23, 25, 44, 45, 82.

²³² Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета / Сост. М. П. Малышева, В. С. Познанский. Новосибирск, 1996. С. 101.

²³³ Тепляков А. Г. Суд над террором. С. 718–756.

²³⁴ Николаевск-на-Амуре. Страницы истории: Сб. архивных документов об истории развития города Николаевска-на-Амуре. Хабаровск, 2015.

²³⁵ Швецов В. Н. Горькая новь: воспоминания. Омск, 2006; Птицын С. А. Николаевск в 20-м. Воспоминания партизана. Хабаровск, 2013.

²³⁶ Шиткинский партизанский фронт (февраль 1919 – январь 1920 гг.): воспоминания очевидцев: архив А. Ю. Черневого / Сост. и коммент. Е. С. Селезнёв. Красноярск, 2019; Селезнёва Т. А., Селезнёв Е. С. Шиткинское партизанское движение (февраль 1919 г. – январь 1920 г.). Новый взгляд на старую историю. Тайшет, 2021. Ч. 1 и 2.

²³⁷ Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири.

²³⁸ Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. Воспоминания, мемуары. Красноярск, 2021.

ной традиции писаний о героях Гражданской войны, небрежно подготовленный, почти лишенный реального комментария и совершенно невычитанный²³⁹. Напротив, составленный В. И. Шишкиным и Т. И. Морозовой сборник писем, направленных сибиряками во властные структуры, содержит немало важных партизанских документов, подготовлен с должной тщательностью и очень полезен исследователям²⁴⁰. Издательство «Посев» только что выпустило объемистый сборник мемуаров и других материалов об уничтожении партизанами Николаевска-на-Амуре²⁴¹.

Создавая настоящую книгу, автор постарался насытить ее достаточным количеством архивного материала. Важнейший из привлеченных архивных источников – партизанские мемуары, огромная часть которых до сих пор погребена в истпартовских коллекциях Госархива Новосибирской области и, хотя охватывает события Гражданской войны на территории от Казахстана до Дальнего Востока, совершенно в недостаточной степени введена в научный оборот. В силу субъективности это очень своеобразный источник, недаром еще в 1934 году один из руководящих научных работников предупреждал исследователя: «Надо залезть в архивы и к партизанам в душу. Правда, они (партизаны) много любят *прибавлять* того, чего не было»²⁴². Другой участник Гражданской войны в 1929 году заявил: «В отношении хвастовства можно сказать одно, что у многих партизан это... какая-то больная струнка»²⁴³. Однако заметная часть довоенных мемуаров красногвардейцев, партизан, подпольщиков носит достаточно объективный характер, поддается перепроверке, откровенна в описании проблем, касается малоизвестных эпизодов и обладает особой ценностью.

Т. Г. Рагозин, один из видных партизан армии А. Д. Кравченко, понимая ущербность своих опубликованных в 1926 году мемуаров «Партизаны Степного Баджея»²⁴⁴, специально для архивного хранения написал интересные дополнения, прямо названные «Тяжелые моменты в партизанской армии». Первый абзац этой небольшой рукописи гласит: «...мне хотелось бы остановиться на более тяжелых моментах [истории] армии... а такие моменты были[,] и я о них сказал в книжке мало или умалчивал. И вот что в эти моменты у нас там было[,] мне и хотелось бы высказать[,] не замазывая истины. Поистине, это были очень горькие и печальные минуты...»²⁴⁵. Только в 2021 году было обнародовано драматическое признание другого предводителя енисейских партизан, А. Т. Иванова: «Как оглянешься назад, [видишь столько] ошибок, легкомыслия, мелкого самолюбия, и сердце сжимается, и перо выпадает из рук»²⁴⁶.

Следует отметить особую ценность лежащих в архивах – и пока недостаточно используемых историками – обширных мемуаров И. В. Громова, Р. П. Захарова, К. И. Матюха, И. Я. Огородникова и других видных партизан. Но и в менее объективных и подробных воспоминаниях попадаются ценные исторические фрагменты, относящиеся к так называемой ненамеренной информации. Полезными оказались даже очень тенденциозные мемуары – вроде воспоминаний А. Н. Геласимовой, которая была известна подделыванием свидетельств о собственном героическом прошлом (сохранился протест рядовых партизан Кузбасса по поводу того, что Геласимова называла себя, а не Шевелёва-Лубкова организатором партизанского движения,

²³⁹ П. Е. Щетинкин (1884–1927). Материалы к биографии. Новосибирск, 2021.

²⁴⁰ Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.): Сб. документов / Сост. Т. И. Морозова, В. И. Шишкин. Новосибирск, 2020.

²⁴¹ Трагедия Николаевска-на-Амуре 1920 г.: гибель «русской Помпеи» / Сост. и ред. Ф. А. Попов. М., 2022.

²⁴² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1414. Л. 1.

²⁴³ Там же. Оп. 4. Д. 1137. Л. 2 об.

²⁴⁴ Они были сразу доказательно раскритикованы за многочисленные ошибки и неточности. См.: *Петров П.* Степно-Баджейские партизаны (Еще о книге Рагозина – «Партизаны Степного Баджея») // Сибирские огни. Новосибирск, 1926. № 5–6. С. 268–272.

²⁴⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 970. Л. 1.

²⁴⁶ *Комарова Т. С.* Гражданская война в Енисейской губернии. С. 359.

тогда как на деле до декабря 1919 года она и ее муж П. Ф. Федорец в нем не участвовали, отчего «Федорца и Геласимову массы не знали»²⁴⁷) и чуть ли не 20-кратным завышением численности «армии» под командованием Шевелёва-Лубкова²⁴⁸.

В одном из мемуарных очерков Геласимова упоенно фантазирует, как в октябре 1919 года при атаке на село Крапивино командовавший отрядом Г. Д. Шувалов-Иванов был ранен и атаку возглавила она, как пулеметчик убил ее вороного, как, упав с коня, она потеряла сознание, но сразу очнулась и побежала на белых с криками «За Советы, товарищи! Вперед!» Разумеется, ее героический порыв увлек партизан: «За мной слышался топот массы людей»²⁴⁹. Однако при описании эпизодов красного террора и конфликтов в повстанческой среде Геласимова вполне точна. Что касается партизанившего в Славгородском уезде С. С. Толстых, то он недрогнувшей рукой приписал себе ликвидацию целых 500 белогвардейцев при крушении воинского эшелона, осуществленном партизанами Толстых в октябре 1919 года²⁵⁰. Среди опубликованных мемуаров подобных вымышленных либо приукрашенных эпизодов очень много. Разумеется, встречаются они и в архивных рукописях, особенно 30-х годов и более поздних.

Фонд Сибиистпарта позволяет ознакомиться и с весьма обширной копийной документацией силовых структур белой власти (в Государственном архиве РФ, или ГАРФ), где много сведений о повстанческих выступлениях, их жертвах и попытках подавления партизанщины. Важным источником является перевод на русский язык информативных и обычно весьма точных мемуаров чехословацкого генерала Р. Гайды²⁵¹, также хранящийся в коллекции Сибиистпарта (ГАО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524).

Материалы партийно-советских органов, особенно ревкомов, содержат обширные сведения о повстанцах, в том числе касающиеся специфического участия партизан в государственном управлении сразу после свержения белых – в период, когда немногочисленные коммунисты и их непоследовательные союзники-партизаны организовывали на местах собственные структуры власти, нередко конфликтовавшие между собой. Партийные, персональные и апелляционные дела партизан из фондов руководящих и контрольных органов ВКП(б), обнаруженные прежде всего в ГАО, РГАСПИ (Российском государственном архиве политической истории) и РГАНИ (Российском государственном архиве новейшей истории, в фонде Комиссии партийного контроля), зачастую очень содержательны.

Разумеется, особенно интересны материалы архивно-следственных дел ВЧК-НКВД на партизан, принадлежащие к разным периодам: сначала к 1920 году, когда судили наиболее кровавых повстанцев, вроде Г. Ф. Рогова, И. П. Новосёлова и Я. И. Тряпицына, затем к 30-м годам, когда чекистами было покончено с основной частью партизанских вожаков. Особенно ценными оказались архивно-следственные дела Рогова и Новосёлова (1920), группы партизан Каменского уезда Алтайской губернии (1920–1921, 1931), известных алтайских предводителей И. Я. Третьяка, А. А. Табанакова, М. З. Белокобыльского (1937), И. В. Громова (1938–1939), приморского командира В. Г. Задерновского (1938) и ряд других. Важны оказались следственные дела анархиста на советской службе В. С. Шатова (1919–1920, 1937), а также участников борьбы с партизанами – управляющего Иркутской губернией П. Д. Яковлева (1924) и его подчиненного, управляющего Нижнеудинским уездом М. А. Кравкова (1937).

Расширить представление о партизанщине позволили сведения из делопроизводственных документов Центрального архива (далее – ЦА) ФСБ, в частности из информационных

²⁴⁷ ГАО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1350. Л. 1.

²⁴⁸ Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. С. 213–215. Следует отметить, что относительно численности своей «армии» фантастическую цифру в 18 тыс. бойцов объявил еще в 1930 году сам Шевелёв-Лубков. См.: Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная. С. 442, 551.

²⁴⁹ ГАО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1121. Л. 45. На деле Геласимова тогда скрывалась от белых и была сельской учительницей.

²⁵⁰ Толстых С. С. Из партизанского прошлого. Барнаул, 1960. С. 49.

²⁵¹ Новейшее изд.: Gajda R. Moje paměti. Střet českých legií s rodící se bolševickou mocí. Brno: Jota, 2008.

сводок органов госбезопасности, включая материалы Госполитохраны Дальневосточной республики и переписку полномочного представительства ВЧК-ОГПУ по Сибири с руководящим составом Лубянки. В этих документах отражено много как неизвестных фактов, так и характерных оценочных суждений, касающихся эпохи Гражданской войны и поведения бывших повстанцев в 1920-х годах. Значительный объем первостепенной информации о партизанах, особенно забайкальских и дальневосточных, и их бесчинствах удалось привлечь благодаря богатым фондам Российского государственного военного архива (РГВА), где немало делопроизводственных материалов военных, чекистских, трибунальских структур, а также мемуарных источников. Очень полезными оказались фонды РГАСПИ (ф. 17, 372), где, например, в фонде Дальбюро ЦК РКП(б) хранится двухтомное расследование деятельности Я. И. Тряпичына (1920), и ряд фондов ГАРФ, включая делопроизводство правительственных структур белых властей.

В перспективе важным источником о демографических потерях населения от террора Гражданской войны станут материалы метрических книг, уже вводимые в научный оборот отдельными исследователями (например, П. А. Новиковым, некоторыми краеведами). Использовались подобные материалы и в данной работе. Следует отметить полезность обращения к информативным сетевым ресурсам (например, «Гражданская война в Сибири»²⁵² и др.), в которых активно участвуют историки и краеведы, обменивающиеся как архивными находками, так и ссылками на малодоступную литературу 1920–1930-х годов и новейшие работы.

Текст книги сознательно насыщен обильными цитатами из источников, что позволяет увидеть в описываемых событиях то «человеческое измерение», которое активно изучается социальной историей со времен школы «Анналов». Также автор сознательно использовал многочисленные однородные факты для обоснования выдвигаемых положений. Поскольку данная тема является политически ангажированной, то, чтобы исключить претензии в тенденциозном подборе свидетельств о жестокостях партизанщины, обвинения в адрес повстанцев обоснованы достаточным числом фактов.

Документы воспроизводятся в полном соответствии с исходными материалами. А в тот период преимущественно безграмотные люди в огромном количестве создавали, читали и принимали к сведению и исполнению малограмотные тексты, так что при научном воспроизведении советских документов эта характерная черта культурного уровня должна сохраняться.

Несколько слов о терминах. «Партизанское движение» – термин нейтральный, в книге же чаще используется понятие «партизанщина», которое, равно как и общепринятый термин «атаманщина», несет негативную окраску, подразумевая прежде всего разрушительный анархизм данного явления. При этом следует отметить, что в 1920–1930-х годах словом «партизанщина» советские авторы пользовались не столько в отрицательном, сколько в нейтральном либо положительном контексте²⁵³. Известный исследователь В. П. Булдаков употребляет этот термин и без кавычек, и с оными²⁵⁴.

Партизанские отряды на начальной стадии существования либо специализировавшиеся в первую очередь на бандитизме считаю возможным именовать шайками и бандами. Применительно к сколько-нибудь организованным и долговременным соединениям используются принятые термины того времени: отряд, часть, рота, эскадрон, батальон, полк, дивизия, корпус, армия, фронт, не оговаривая, что эта классификация имела очевидную специфику и чрезвычайно сильно преувеличивала организованность и боеспособность повстанцев. Фронтами под-

²⁵² [Эл. ресурс]. URL: <http://siberia.forum24.ru> (дата обращения 6 марта 2023 года).

²⁵³ См. раздел «1918 г. – Партизанщина» в очерке о повстанцах Мариинского уезда: *Питиримов И.* Материалы к истории приисков Мариинской тайги // *Сибирские огни*. Новосибирск, 1932. № 7–8. С. 87–88. Также см.: Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири. С. 103, 222, 325.

²⁵⁴ *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 354, 519, 689.

час именовались даже отряды волостного уровня в две-три сотни бойцов, а «штабы» обычно являлись канцеляриями при командирах. По мнению видного военного специалиста, основной оперативно-тактической единицей партизан был отряд²⁵⁵, хотя в многотысячных армиях А. Д. Кравченко и Е. М. Мамонтова реально существовали дивизии и полки.

Данная книга призвана помочь отбросить ряд цепких историографических мифов о партизанском движении, показать истинный облик многих из тех, кого до сих пор считают «борцами за счастье народное», увековеченными в памятниках, и назвать имена хотя бы малой части жертв красного террора, погибших в годы партизанщины мучительной смертью и забытых на целое столетие.

Мой неременный долг – выразить свою признательность коллегам, историкам и краеведам, доброжелательно отнесшимся к этой работе и помогавшим ценными советами, замечаниями, архивными находками и указаниями на новейшую литературу. Особенная благодарность – А. И. Савину. Помогли улучшить книгу новосибирцы В. В. Журавлёв, В. Г. Кокоулин, С. А. Красильников, С. А. Папков, А. Л. Посадсков, В. М. Рынков, Д. Г. Симонов, М. В. Шиловский, В. И. Шишкин. Также сердечно благодарю С. П. Березовского (город Куйбышев Новосибирской области), О. В. Будницкого и Ф. А. Попова (Москва), Г. В. Булыгина (Тайшет), В. С. Измозика (Санкт-Петербург), Н. С. Ларькова (Томск), Е. Г. Малафееву (Калининград), А. В. Посадского (Саратов), Ю. Л. Слёзкина (США), Д. В. Соколова (Севастополь), Ю. А. Тарасова (город Свободный Амурской области), А. П. Шекшеева (Абакан). Я признателен действующим и бывшим архивистам: директору Государственного архива Томской области А. Г. Караваевой, А. А. Колесникову (отдел спецдокументации при Государственном архиве Алтайского края), И. В. Самарину, Е. А. Мамонтовой, Л. С. Пащенко (ГАНО), Т. М. Гольшкиной (ЦА ФСБ) и многим другим работникам архивных учреждений (ГАРФ, РГВА, РГАСПИ, ОГА СБУ), содействовавшим мне в работе.

Нельзя не поблагодарить и тех многочисленных энтузиастов, которые разместили и продолжают размещать в свободном доступе в сети Интернет оцифрованные копии книг, статей, журналов, газет и архивных документов, оказывая тем самым неоценимую помощь исследователям. Отдельная благодарность – Германскому историческому институту в Москве за финансирование возможности работать в 2012 и 2016 годах в столичных архивах и библиотеках.

---

²⁵⁵ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 298–300.

Часть I. Истоки анархического бунта

Глава 1

ТРАДИЦИЯ БУНТОВ И САМОСУДОВ

В настоящее время хорошо заметно, что историки ослабили внимание к поиску принципиальных схем общественного развития – неизменно оказывающихся очень грубыми – и обратились к конкретной личности, изучая выбор ею идентичности, способы организации в коллективы, обыденное поведение и причины смены стереотипов в моменты ломки старых ценностей, представлений о справедливой власти и личных обязанностях, о морально позволенном и табуированном, об отношении к «своим» и «чужим» и т. п.²⁵⁶ Эти активно обсуждаемые вопросы чрезвычайно актуальны при изучении партизанщины как проявления преимущественно анархически буйной жестокости, грабительства и вандализма на почве классовой и национальной розни.

Власть архаических пластов в человеческом сознании, прикрытых тонкой коркой цивилизованности, объяснена К. Г. Юнгом с помощью понятия «коллективного бессознательного». Важны открытые С. Милгрэмом социальные механизмы подчинения доминирующим субъектам, поскольку без формирования жестких иерархических структур человечество как вид не смогло бы выжить. Главное условие формирования таких структур – безусловное и бездумное подчинение вышестоящему индивиду. Таким образом, при организации людей в социальную пирамиду индивидуальные ценности каждого человека подвергаются значимой коррективке²⁵⁷. Человеческая склонность пассивно повиноваться или причинять страдания другим – это «всеобщая естественная склонность, хотя не все следуют» ей. Другие психологические опыты показали, что в чрезвычайной ситуации «поведение индивида будет сильно зависеть от того, как реагируют другие». Однако, сколь бы мощным ни было воздействие социальных структур и факторов среды на людей, оно не доходит до того детерминизма, который отчуждает у них их свободу и, стало быть, их человечность²⁵⁸.

Особенности физиологии и социальных навыков рожают множество феноменов, в том числе негативных, способных вредить обществу. Человек произошел из животного мира, но часто проявляет гораздо больше свирепости, чем звери, среди которых, впрочем, весьма распространены примеры жестокого поведения: пантеры, волки, хорьки зачастую убивают больше, чем могут съесть; зубры всем стадом затаптывают больных особей, а волки стаей пожирают раненых сородичей; медведи, львы, бегемоты, тюлени часто убивают детенышей, опасаясь будущей конкуренции за самку и кормовую территорию.

Для человеческой беспощадности есть и определенные биологические причины: например, высокий уровень тестостерона, помогающий размножаться круглый год, но и ответственный за повышенную агрессию мужской части общества. Однако деструктивная деятельность человека скорее биологически потенциальна, а не биологически детерминирована²⁵⁹. Известно, что человек физиологически нуждается в сильных ощущениях, ибо в его мозге есть группы нейронов, ответственных за переживание именно негативных эмоций: ярости, страха и пр. При длительном недостатке возбуждения порог возбудимости этих нейронов снижается.

---

²⁵⁶ Прохорова И. Предновогодние манифестарные заметки // Новое литературное обозрение. 2011. № 6. С. 7.

²⁵⁷ Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на мораль и власть. М., 2016.

²⁵⁸ Терещенко М. Такой хрупкий покров человечности. Банальность зла, банальность добра. М., 2010. С. 116, 164, 155.

²⁵⁹ Богдан С. С. Биопсихические основания человеческой деструктивности // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. Вып. № 1. С. 50–53 (цит. 53).

Поэтому потребность в острых переживаниях (а значит, и в социальных конфликтах) является функциональной и сейчас частично сублимируется культурой – с помощью спорта, зрелищ, искусства²⁶⁰. Сто лет назад в большой моде были кровавые зрелища.

Современный антрополог пишет, что, когда в сообществе образуется дефицит культуры, высвобождаются те инстинкты первобытных людей (жестоких охотников-дикарей), которые обычно заглушены и скованы культурными нормами. Там, где подобные личности «собранны в группы... автоматически возрождаются те нормы и те институты, которые ближе к первобытному обществу, потому что таких или подобных норм и институций требует (и после некоторых опытов все это находит) не обработанный культурой коллективный разум»²⁶¹. Механизм раскручивания массового насилия известен. Маргинал «находит» себя в стаде себе подобных. А всякое аффектированное сообщество, или, проще говоря, шайка, легко превращается в коллективного насильника. При этом люди, ощущавшие себя в прошлом изгоями, могут возомнить, что являются богоизбранными²⁶².

Поскольку партизаны были преимущественно сельскими жителями, необходимо попытаться оценить, как особенности национальной истории и социальной психологии крестьянской России повлияли на феномен красной партизанщины. Суть психологии русского крестьянина упрощенно, но вполне адекватно выразил в брошюре 1922 года один из лучших тогдашних писателей: «В сущности своей всякий народ – стихия анархическая; народ хочет... иметь все права и не иметь никаких обязанностей. Атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ, убеждает его в законности бесправия, в зоологической естественности анархизма. Это особенно плотно приложимо к массе русского крестьянства, испытавшего более грубый и длительный гнет рабства, чем другие народы Европы. Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве... без власти над человеком»²⁶³.

Отмеченные историками незрелость и духовная противоречивость малограмотной нации отражались и в недостаточной нравственной устойчивости, склонности к спонтанным и иррациональным поступкам, и в поверхностном обрядоверии вместо сознательного религиозного исповедования (характерна дневниковая запись Н. С. Лескова от 1845 года: «Христианство на Руси еще не проповедано»), а также в имитации других значимых вещей. К. Касьянова писала, что русских «...ославили на весь мир какими-то безудержными коллективистами <...> А на поверку оказываемся мы глубокими социальными интровертами, которые очень трудно „монтируются“ в ту группу, консенсуса которой не разделяют»; что коллективистические навыки носят лишь внешний характер, имитируются в интересах приспособления²⁶⁴.

Анализируя потаенный фольклор, ранний исследователь отмечал: «...в русской сказке сочувствие лени и воровству граничит с апофеозом лентяя и вора»²⁶⁵. Современный историк литературы более категоричен: русские сказки, демонстрируя желание человека «пожить в свое удовольствие, без запретов; убивать, не думая, ради забавы, безнаказанно, без цензуры преступных инстинктов», наглядно показывают, что подсознание народа «глубоко и последовательно садистично»²⁶⁶.

²⁶⁰ Назаренко А. П. Блеск и нищета биоцентрической экологии: к 50-летию Римского клуба // Историческая психология и социология истории. 2018. Т. 11. № 1. С. 33.

²⁶¹ Клейн Л. С. Трудно быть Клейном: автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010. С. 395.

²⁶² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 269–270.

²⁶³ Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 5–6.

²⁶⁴ Касьянова К. О русском характере. М., 1994. С. 342; Морозова О. М. «Эгалитаризм», «коллективизм» и «трудолюбие» русского народа: неочевидная очевидность // Cogito. Альманах истории идей. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 2. С. 407–427.

²⁶⁵ Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М., 1922. С. 6.

²⁶⁶ Золотоносов М. Н. Слово и Тело. Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков: Сб. статей. М., 1999. С. 53.

Большинство авторов, как старых, так и новых, дают правосознанию российского крестьянства крайне негативную характеристику. Вот мнение С. Ю. Витте, относящееся к 1903 году: «Россия составляет в одном отношении исключение из всех стран мира – народ систематически воспитывался в отсутствии понятия о собственности и законности. <...> ... Что может представлять собой империя со 100-миллионным крестьянским населением, в среде которого не воспитано ни понятие о праве земельной собственности, ни понятие о твердости права вообще?»²⁶⁷ А вот точка зрения современного исследователя: «Веками настроенная на коллективное выживание община формировала у своих членов правосознание, соответствующее этой сверхзадаче: кради, если это отвечает интересам твоего хозяйства и не затрагивает хозяйственных интересов общины; не плати долгов, за которые община не отвечает по круговой поруке; убей, если конокрад угрожает общему стаду, поджигатель – тесно прижавшимся друг к другу строениям деревни, колдун – здоровью ее обитателей»²⁶⁸.

Культурный и проницательный помещик А. Н. Энгельгардт отмечал противоречивость крестьянского поведения: «Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации. Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству, все это сильно развито в крестьянской среде <...> Все это, однако, не мешает крестьянину быть чрезвычайно добрым, терпимым, по-своему необыкновенно гуманным... Но при всем том, [случится возможность] нажать кого при случае – нажмет»²⁶⁹.

Крестьянский мир чрезвычайно мало напоминал сотворенный в сознании интеллигенции патриархально-буколический рай, о чем не раз предупреждали многие русские писатели – от Пушкина и Гоголя до Чехова, Горького и Бунина. Незадолго до смерти Лев Толстой, разочарованный погромами первой русской революции, сказал своему секретарю: «Если я выделял русских мужиков, как обладателей каких-то особенно привлекательных сторон, то каюсь, – каюсь и готов отречься от этого»²⁷⁰. После революции «смена вех» была практически всеобщей: в дебютном романе В. В. Набокова «Машенька» (1926) герой-пошляк заявлял, что Россия погибла, ибо «„богоносец“ оказался... серой сволочью». В 1925 году Илья Репин заметил Корнею Чуковскому: «...но как мы все восхваляли мужика, а мужик теперь себя и показал – сволочь»²⁷¹.

Крестьянство Сибири и Дальнего Востока обладало рядом качеств, отличных от присущих остальному сельскому населению страны. Отсутствие помещичьего землевладения, громадный наплыв ссыльных, незначительность административного аппарата и его отдаленность от разбросанных далеко друг от друга селений формировали специфические черты психологического склада сибиряков: рационализм, индивидуализм, самостоятельность, вплоть до оппозиционности и отторжения власти, чувство собственного достоинства. При этом мужицкое отношение к государству было, как и везде, недоверчивым и потребительским: крестьяне «постоянно добивались от власти различного рода льгот, пособий, разрешения спорных вопросов в нужном им ракурсе», проявляя при этом «чудеса изворотливости, прекрасное знание законов, элементы социальной демагогии»²⁷².

²⁶⁷ Цит. по: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 98.

²⁶⁸ Вронский О. Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правовой порядок. М., 1999. С. 138.

²⁶⁹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. Двенадцать писем. 1872–1887. М., 1956. С. 291.

²⁷⁰ См.: Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 гг. М., 1998.

²⁷¹ Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. 2-е изд., испр. / Сост. и коммент. Е. Чуковской. М., 2013. Т. 11: Дневник (1901–1921). С. 199.

²⁷² Энгельгардт А. Н. Из деревни. Двенадцать писем. 1872–1887. М., 1987. С. 297; Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / Отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск, 2009. С. 125.

Сибиряк отличался гордостью, любознательностью, больше трудился, но был при случае не прочь и обхитрить доверчивого партнера, а то и убить беглого каторжника либо батрака-китайца, чтобы не платить за сезонную работу. Для XIX и начала XX века типичны были «варнацкий расчет» (убийство батрака-бродяги по окончании сезона работ) и прямая охота на «горбачей»²⁷³, т. е. бродяг из бывших или беглых заключенных. Нравы в каторжной Сибири исстари отличались варварской грубостью. В XVII веке кабаки в сибирских городах, помимо мужчин, посещали не только сосланные в Сибирь за «блуд» женщины, но и местные охотницы до крепких напитков²⁷⁴. Сосланный в Киренский уезд Иркутской губернии А. Н. Радищев о местных крестьянах высказался следующим образом: «Местный житель любит лукавить и обманывает сколько может даже в тех случаях, когда правильно понятая выгода заставила бы его предпочесть честное отношение». Позднее другой автор, говоря о Томской губернии, отметил: «Кража частной собственности... распространена повсеместно и в значительной степени: ...крадут необмолоченный хлеб с поля и сено с лугов; крадут шлеи, хомуты и т. п. со двора. Здесь считается правилом, что без присмотра лежит, то и может быть украдено, „на то и шука, чтобы карась не дремал“. Крадут незнакомые у незнакомых, знакомые у знакомых, родные у родных»²⁷⁵.

Огромные крестьянские миграции с конца XIX века пополняли регион массой населения, относившегося к чужой собственности с еще большей легкостью, и это породило у старожилов снисходительно-презрительную поговорку: «Поселенец что младенец – на что взглянет, то и стянет». Современники отмечали жалкий вид хижин новоселов по сравнению с добротными особняками коренных жителей, убогость быта и грубость нравов: «Верхнее зимнее пальто есть далеко не у всех, не раз приходилось наблюдать, как вся семья ходит в одной и той же рваной шубе... Молодежь в свободное время, заломив шапки набекрень, шляется по улицам, пьет, после чего скандалит и дерется»²⁷⁶. В Канском уезде Енисейской губернии до самой Гражданской войны переселенцы ютились в наскоро сбитых «грязных и курных новосельских избах, зачастую вместе со свиньями и овцами»²⁷⁷, вызывая презрение старожилов к тем, кто и печь сложить не умеет.

Но важнее «легкого» отношения к чужой собственности было то, что народный менталитет не сопротивлялся идее террора, так как не содержал представлений об абсолютной ценности человеческой жизни. Традиционное общество не способно «замечать потерю бойца». Подчеркивая, что дети «питаются хуже, чем телята у хозяина, имеющего хороший скот», а детская смертность куда больше, чем смертность телят, тот же А. Н. Энгельгардт приводит много эпизодов спокойной реакции матерей на болезнь и смерть детей, например: «Воля Божья. Господь не без милости – моего одного прибрал, – все же легче...» Другая деревенская мать на тяжелый недуг взрослой дочери отозвалась такой сентенцией: «А и умрет, так что ж – все равно, по осени замуж нужно выдавать, из дому вон, умрет, так расходу будет меньше», имея в виду, что похороны обойдутся дешевле, чем выдача замуж с приданым²⁷⁸.

До XX века среди русских крестьян большим несчастьем считалась смерть некрещеного ребенка, а смерть крещеного, наоборот, воспринималась как особая Божья милость: родители

²⁷³ Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья. С. 263.

²⁷⁴ Первое столетие сибирских городов, XVII в. Новосибирск, 1996 / Отв. ред. Н. Н. Покровский. (Серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. 7.) С. 25.

²⁷⁵ Радищев А. Н. Сочинения / Вступ. статья, сост. и коммент. В. Западова. М., 1988. С. 580; Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С. 83.

²⁷⁶ См.: Андюсов Б. Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции. Красноярск, 2004.

²⁷⁷ См. мемуары Т. Е. Перовой «Партизане (так! – А. Т.) Канско-Красноярского и Минусинского фронта. Краткие воспоминания» в: ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 936. Л. 88. О грязных и убогих переселенческих жилищах в соседнем Минусинском уезде писал в мемуарах «И звери, и люди, и боги» известный журналист Ф. Оссендовский, проезжавший в 1920 году через эти места.

²⁷⁸ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1956. С. 82, 50–51, 239.

были убеждены в ангельской природе таких детей. Для умерших до семи лет, считавшихся безгрешными, выработали упрощенный вариант похоронно-поминальной обрядности, причем родительские скорбь и горе были объявлены греховными, поскольку ухудшали загробное существование детей. Стремление обеспечить своему сыну или дочери ангельскую посмертную судьбу было так сильно, что порой провоцировало мать на умышленное лишение ребенка жизни, пока он не вышел из детского возраста²⁷⁹.

Британский историк описывает сельский мир как абсолютно отличающийся от городского. Там, на селе, доминировало примитивное однообразие и отсутствие индивидуальности, поскольку все одинаково одевались и стриглись, ели из одной чашки, спали в одной комнате и (добавим) нередко поголовно болели сифилисом: «Стыдливости не было места в крестьянском мире. Отхожие места находились на открытом воздухе, а городских врачей шокировала крестьянская привычка плевать в глаз человеку, чтобы избавить его от ячменя, кормить детей изо рта в рот и успокаивать младенцев мужского пола, посасывая их половой член»²⁸⁰. Еще в середине 20-х годов три четверти родителей предавались любовным утехам на глазах у детей, что вызывало у первого советского поколения некоторый протест²⁸¹.

В деревенском сознании считалось нормальным и «тихое» уничтожение неудобного родственника. Убийство расценивалось в общине как внутреннее дело семьи, пока оно не угрожало семейству разорением и, таким образом, не касалось всего сельского общества. Например, неудобную жену муж не отпускал назад в отцовский дом, ведь тогда пришлось бы вернуть и приданое, и ее постепенно забивали, причем в расправе могли принять участие все родственники мужа; соседи знали или догадывались о причинах смерти несчастной, но это была общая тайна деревни²⁸².

Распространена была в русских селах практика самосудов, которая означала любую форму расправы с нарушителем общинных правил – вплоть до его убийства; это касалось застигнутых на месте преступления конокрадов, поджигателей, «колдунов», а позднее даже хулиганов. Решение о самосуде выносил сход, немедленно созываемый по обнаружении преступления; приговор тут же приводился в исполнение. Особенно наглядно практика жесточайших самосудов проявилась в периоды крестьянских войн и восстаний XVII–XVIII столетий, Отечественной войны 1812 года, холерных бунтов начала 1830-х годов.

Очень жестокой была разиновщина²⁸³. Пугачёвцы демонстрировали массовый террор и отъявленный садизм по отношению не только к тысячам представителей высших классов²⁸⁴, но и к рабочим заводов, которые они осаждали, а затем грабили и сжигали, сопровождая эти действия массовой резней населения и уводом пленных, особенно женщин. Из 129 заводов Урала пострадало в 1773–1774 годах более половины: повреждено и разграблено – 37, разрушено – 25, уничтожено до основания и не восстановлено – 7. По 60 заводам оказалось убито и пропало без вести 2670 человек, убытки составили 2,77 млн рублей²⁸⁵.

Масштабы уничтожения жителей уральских заводов не могут не впечатлять. Стоявший на реке Белой (приток Камы) Белорецкий чугуноплавильный завод сдался пугачёвцам после

²⁷⁹ Голикова С. В. Отношение к детской смертности в традиционной культуре русских Урала конца XVIII – начала XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1. С. 59–64.

²⁸⁰ Figs O. A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924. London, 1996 (цит. по: Knausgaard K. O. A Literary Road Trip Into the Heart of Russia // The New York Times. 2018. February 23).

²⁸¹ Иорданский Н. И. Черты быта школьников. М., 1925. С. 38.

²⁸² Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1956. С. 189.

²⁸³ Кіц О. Ю. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.

²⁸⁴ Александр Дж. Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Уфа, 2012; «Убиты до смерти в уезде...»: записки Петра Евграфовича Михайлова о событиях Пугачевской войны / Публ. и послесл. И. А. Макарова. Нижний Новгород, 2017.

²⁸⁵ Кашицев Д. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773–1774 годов // Историк-марксист. 1936. № 1. С. 142, 143.

шестинедельной осады в апреле 1774 года. По документам, на заводе было «побито и без вести пропало мужчин 409, женщин 377». На Златоустовском и Саткинском заводах оказалось убито 509 человек, без вести пропало – 490. Воскресенский медеплавильный завод (на реке Тор, в 60 километрах к югу от Стерлитамака) был сожжен повстанцами, уничтожившими 353 мужчин и 311 женщин. На Юрюзанском заводе «побито и умерло» 266 мужчин и 85 женщин, на Кано-Никольском – 166 мужчин и 79 женщин. Потери Симского завода составили 247 мужчин и 61 женщину, Суховязского – 140 человек, на Усть-Катавском заводе убили 58 мужчин и 50 женщин. Рабочих нередко вырезали всех: Ижевский завод был «выжжен до почвы», погибло и пропало 52 служащих и мастеровых, а сколько крестьян – неизвестно; на Уфалейском заводе было убито 62 мастеровых²⁸⁶.

Огромные потери понесли и несопротивлявшиеся горожане. На добровольно передавшемся Пугачёву Богоявленском медеплавильном заводе (район рек Камы, Усолки и Белой) было убито 158 мужчин и 108 женщин. Не избежал аналогичной расправы и перешедший к повстанцам Катав-Ивановский завод: «Повешено, побито и без вести пропало 132 мужчин[ы] и 62 женщины»²⁸⁷. Внушительная численность погибших женщин говорит о том, что пленных заводчан вырезали семьями; также многих пленниц повстанцы-башкиры уводили с собой. При разгроме Казани в июле 1774 года город был разграблен и сожжен – сгорело 25 храмов и три монастыря, 1772 дома; убитыми оказались 162 жителя, 486 пропало без вести. Основную часть жителей, включая женщин, пугачёвцы пытались угнать с собой – 10 тыс. человек²⁸⁸. В подготовительных материалах к «Истории Пугачёва» А. С. Пушкина поименно перечислено несколько десятков священников и церковнослужителей, убитых пугачёвцами, приведены многочисленные примеры ограбления и осквернения церквей, вплоть до превращения их в отхожие места²⁸⁹.

Новый – а на деле скорее старый, дореволюционный – взгляд на Пугачёва постепенно формируется современными историками, которым в целом не очень интересна фигура этого «авантюриста, грабителя, убийцы и похотливого хама»²⁹⁰. Еще Пушкин, опираясь на материалы следствия, дал объективный портрет и самозванца, и его окружения, и его войска как преимущественно авантюристов и разбойников. В Пугачёвском лагере царили доноительство и террор: по малейшему подозрению в том, что кто-то не считает самозванца царем, могли лишить жизни. Сам Пугачёв всегда присутствовал при массовых казнях и нередко ими руководил²⁹¹. Сегодня особенно очевидна тупиковость подобных массовых движений, разорявших огромные территории и беспощадно уничтожавших основных носителей культуры той эпохи – дворян и священников, причем нередко вместе с семьями.

По мнению новейшего биографа, реальный Пугачёв в успех восстания не верил, а потому едва ли всерьез задумывался о будущем Российской империи. Непомерно амбициозный, Пугачёв «постоянно врал», неоднократно перевоплощаясь «в людей, стоящих на социальной лестнице гораздо выше, нежели он сам»²⁹². (Сначала Пугачёв выдавал себя за крестника Петра Великого, потом за старообрядца, атамана, царьградского купца, позднее «дорос» до императора. Так и сибирские партизаны стремительно росли в должностях, превращая себя в командиров дивизий, корпусов, армий и фронтов.) Однако, например, в Башкирии последние 30 лет безмерно идеализируют фигуру юного пугачёвского сподвижника, Салавата Юлаева, как глав-

²⁸⁶ Там же. С. 151, 154, 153, 155, 157, 161, 163.

²⁸⁷ Там же. С. 151, 159.

²⁸⁸ Саначин С. П. «Вторая казанская катастрофа» // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Казань, 2010. Вып. 1. С. 377.

²⁸⁹ Пушкин А. С. История Пугачёва // Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1940. Т. 9. Кн. 2. С. 617–792.

²⁹⁰ Лесин В. И. Силуэты русского бунта. М., 2007. С. 198.

²⁹¹ Трефилов Е. Н. Пугачёв. М., 2015. С. 157–159.

²⁹² Там же. С. 49–51, 238.

ного персонажа национальной истории и опираются на концепцию доминантной роли башкир в Пугачёвском бунте²⁹³.

Специфика сибирских условий широко способствовала очень устойчивой практике самосудов. Описывая нравы сибиряков середины XIX столетия, Н. М. Ядринцев упоминал о многолетнем кровавом противостоянии уголовных ссыльных и местного населения:

Крестьянин не щадит в своей расправе бродягу за преступление, особенно за воровство; за самой незначительной украденной вещью крестьянин часто гонится без устали десятки верст... <...> Расправа за преступления в деревнях делается на виду и целым обществом; даже старухи и ребята принимают в ней участие. Смертные приговоры при этом также не редкость. <...> Привычка расправляться с бродягами смертью последних создала в Сибири систему безразборного истребления бродяг и, наконец, породила бесчеловечный промысел этими убийствами. Это – род охоты за бродягами и обирание убитых... <...> Говорят, что бывали крестьяне, убивавшие по 60, 90 и более человек бродяг²⁹⁴.

Этнографический материал свидетельствует, что патриархальная жестокость, по-прежнему распространенная как в XIX веке, так и в первой четверти XX века, имела древние языческие корни. Исследователи жизни деревни во второй половине XIX века обнаружили факты нередких убийств людей самосудом при совершении разного рода суеверных обрядов: при изгнании нечисти, расправе с колдуньями, обвиненными в наведении «порчи» и болезней, при освящении построек, прежде всего домов, очищении от сглаза, защите от эпидемий²⁹⁵. Подобные расправы переживали и в XX век, когда конфликтность резко усилилась за счет противостояния многочисленных переселенцев обеспеченному старожильческому населению.

Неудивительно, что и российская армия, набранная из крестьян-рекрутов и управляемая офицерами-крепостниками, часто воевала по средневековым нормам, а это в XVIII и XIX столетиях уже вызывало критику европейцев²⁹⁶. В записках шведского офицера о Семилетней войне говорилось о повальном насилии казаков в Пруссии в 1759 году: «...жалобы слышались со всех сторон... [на] этих грабителей, которые, кажется, только для того и воюют, чтобы разбойничать. <...> Я довольно гордо отвечал Шувалову, что... прочие воюющие державы не подражали действиям войск ее величества императрицы, которые выжгли половину прусских деревень; что русская армия делала ужасы во владениях короля...»²⁹⁷ Жители Варшавы навсегда запомнили расправы суворовских войск, разъяренных яростным сопротивлением поляков, над женщинами и детьми во время штурма Пражского предместья²⁹⁸.

Массовые расправы над пленными были очень характерны для Отечественной войны 1812 года, когда огромная часть населения столкнулась с вражеским нашествием «двунадесяти языков». Нередко крестьяне выкупали пленных Великой армии у солдат за немалые по тем временам 2 рубля серебром (цена бутылки шампанского), после чего беспощадно умерщвляли безоружных. Согласно А. И. Михайловскому-Данилевскому, один сельский староста запра-

²⁹³ Бердин А. Т. Салават: бой после смерти. Уфа, 2009; Мауль В. Я. Феномен отсутствующей историографии: Как в начале XXI века изучают историю Пугачёвского бунта // Исторические записки. М., 2018. Вып. 17 (135). С. 122–148.

²⁹⁴ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 492–500.

²⁹⁵ Морозова О. М. Побуждение к смерти как диагноз времени // Cogito: Альманах истории идей. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 3. С. 332–350.

²⁹⁶ Для более раннего времени характерно повсеместное крайне жестокое военное поведение: «Когда Великий Кондэ или Цезарь Борджиа двигали свои войска <...> встречались потом только изуверченные люди, оторванные и разбросанные члены человеческих тел, изнасилованные и замученные женщины...» Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. СПб., 1906. С. 109.

²⁹⁷ Гордт. Записки шведского дворянина // Древняя и Новая Россия. 1880. № 8. С. 723, 724, 740.

²⁹⁸ Геллер М. История Российской империи. М., 1997. Т. 2. С. 201.

шивал барина, каким еще манером следует убивать французов, потому что он уже истощил все способы смертей, ему известные²⁹⁹. А. К. Кузьмин со слов одного из крестьян вспоминал: «Нахватаем их человек десяток и поведем в этот лесок. Там раздадим им лопатки да и скажем: ну, мусьё! ройте себе могилки! Чуть кто выроет, то и свистнешь его дубинкой в голову...»³⁰⁰ Герой Бородин В. И. Левенштерн вспоминал, что, «проезжая мимо одной освобожденной русской деревни, видел, как крестьяне, положив пленных неприятелей в ряд головами на большом поваленном стволе дерева, шли вдоль него и разбивали дубинами сии головы»³⁰¹.

В ответ на подобные истории один из офицеров записал: «Слыша такие рассказы, нельзя было не содрогаться ожесточению Русского народа против своих разорителей: возбужденный фанатизм выходил за пределы человечности. Так в народной войне исчезают всякие правила, и неприятли следуют единственно побуждению ожесточенного сердца – истреблять друг друга утонченным варварством»³⁰². Характерно, что в «Войне и мире» о принципиальном истреблении французов говорит только князь Андрей Болконский: «...ежели бы имел власть... я не брал бы пленных <...> ...это одно изменило бы всю войну... Не брать пленных, а убивать и идти на смерть!»³⁰³

Такой военный знаток, как генерал А. В. Геруа, ставил рядом понятия «отряд» и «банда», упоминая «имена Фигнера, Сеславина, кн. Вадбольского, Василисы-Старостики, со своими отрядами и бандами, работавшими на сообщениях французской армии в 1812 году»³⁰⁴. Дворянин Денис Давыдов в «Дневнике партизанских действий 1812 года» негодовал на жестокости известного партизанского вожака, дворянина немецкого происхождения³⁰⁵ А. С. Фигнера, ссылаясь на свидетельства знавших его людей и считавших кровожадность средством «привязать к себе чернь, всегда алчущую подобного рода зрелища». «Едва он узнал о моих пленных, – пишет Давыдов о Фигнере, – как бросился просить меня, чтобы я позволил растерзать их каким-то новым казакам его, которые, как говорил он, еще не натравлены». Правда, и «сам Давыдов признавал, что по военным обстоятельствам ему приходилось убивать пленных», только он был против хладнокровного уничтожения бывших врагов уже после горячки боя. Тем не менее вестфальский унтер-лейтенант Й. Ваксмут, взятый в плен в октябре 1812 года казаками Давыдова, «описал в... мемуарах, как тяжелораненые и изувеченные пленные были отданы по приказу начальника отряда на растерзание крестьянам... на глазах как партизан, так и остальных пленных»³⁰⁶.

Для действий Фигнера типичным было постоянное истребление пленных наихудшим образом, вплоть до сожжения живьем. Знавшие Фигнера отмечали, что весь его отряд носил разбойничий характер – был собран красноречивыми призывами к грабежам из «праздношатающихся вооруженных людей всякого рода войск... для приобретения добычи», после чего Фигнер «с двумя сотнями разнокалиберных удалцов начал производить свои набеги»³⁰⁷.

²⁹⁹ Цит. по: Шкловский В. Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М., 1928. С. 68.

³⁰⁰ Отечественная война 1812 года глазами современников. М., 2012. С. 98.

³⁰¹ См.: Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 1. [Эл. ресурс]. URL: http://runivers.ru/doc/patriotic_war/articles/452516/ (дата обращения 6 марта 2023 года).

³⁰² Радожницкий И. Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. 1. С. 242–243. С невероятной жестокостью расправлялись с пленными солдатами наполеоновской армии и испанские партизаны.

³⁰³ Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1964. Т. 3–4. С. 187–188.

³⁰⁴ Геруа А. Полчища. София, 1923. С. 275.

³⁰⁵ Наполеон обмолвился о Фигнере так: «Немецкого происхождения, но в деле настоящий татарин» (Троцкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 244).

³⁰⁶ Миловидов Б. П. Партизан А. С. Фигнер и военнопленные Великой армии в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2007. С. 158–159; Wachsmuth J. Geschichte meiner Kriegsgefangenschaft in Russland in den Jahren 1812 und 1813. Magdeburg, 1910. S. 84.

³⁰⁷ Характерно, что Фигнер был убит, когда его отряд просто разбежался при первом же серьезном бое. См.: Русская старина. 1901. Т. 107. С. 207.

Один из подчиненных Фигнера подробно описал уничтожение партии из 180 пленных: Фигнер сначала приказал раздеть их, а потом перебить холодным оружием, чтобы не выдать пальбой расположения отряда. Когда под Можайском в селе князя Вяземского отрядом был обнаружен десяток французов, «Фигнер сейчас развешал их по соснам под селом, как ветчину на солнце вешают». Выдача пленных на растерзание крестьянам тоже была у Фигнера обычным делом³⁰⁸.

При этом есть все основания полагать, что жестокость Фигнера поощрялась высшим военным руководством³⁰⁹. Когда он обратился к генералу А. П. Ермолову с вопросом, как поступать с многочисленными пленными, содержать которых уже нет возможности, «Ермолов отвечал лаконичной запиской: „Вступившим с оружием на русскую землю – смерть“». Так с этого времени «началось жестокое истребление пленных, умерщвляемых тысячами», – утверждал племянник Фигнера, ссылаясь на свой разговор с Ермоловым (позднее прославившимся жестокими расправами над горцами). Служивец Фигнера И. Т. Раджицкий сообщает, что после того, как Фигнер стал в Тарутинский лагерь ежедневно присылать партии по 200–300 пленных, то в Главной квартире «стали уже затрудняться в их помещении и советовали ему истреблять злодеев на месте». Современный исследователь утверждает, что на погибшего Фигнера «и в литературе, и в мемуаристике как бы возлагалась ответственность за жестокости партизан по отношению к пленным, которые... не укладывались в общепринятые европейские нормы...»³¹⁰.

Переживший русскую зиму в Вильно пленный писал о бесчеловечном отношении победителей, которые больных и раненых грабили и выбрасывали на улицу: «Крики на улицах становились все ужаснее, когда, собрав в кучи несчастных... их целыми сотнями запирали в пустые помещения при церквях или монастырях, не давая возможности развести огня, не выдавая пищи по 5 и 6 дней и отказывая даже в воде. Таким образом[,] почти все погибли от холода, голода и жажды. <...> Общий подсчет умерших за четыре месяца моего пребывания в Вильне достигал приблизительно 2000 [пленных] офицеров и 20 000 солдат. И в русских военных госпиталях процент смертности был большой, потому что здесь также развилась госпитальная горячка»³¹¹.

В. И. Левенштерн мимоходом подтверждал, что в Дорогобуже пленные «французы были скучены в церквях и на улицах, где они умирали голодной смертью», и присовокуплял, что положение русских войск «было так же бедственно, как и положение французов». Заняв для ночлега первый попавшийся дом в Дорогобуже и выгнав оттуда дюжину французских квартирантов, Левенштерн наблюдал, как хозяин дома, «ярый патриот», тут же схватил кухонный нож «и убил на моих глазах 5 или 6 французов так быстро, что я не успел помешать этому». Затем «патриот» принялся кричать соседям, чтобы они выходили и помогали резать неприятеля – народ бросился убивать безоружных «топорами, кирками, косами, вилами и всем, что попадало под руку <...> ...на лицах мирных жителей отражалось в эту минуту зверство истых людоедов...». Инициатор резни похвастал офицеру, что прирезал 20 пленных: «Я не сделал ему выговора: патриотизм довел его до фанатизма»³¹². Также Левенштерн сообщал, что взятые в плен во время роковой переправы через Березину от 500 до 600 женщин были заперты в большом сарае и через несколько дней умерли от холода и голода – «в живых осталось всего восемь женщин; матери и дети погибли вместе»³¹³.

³⁰⁸ Миловидов Б. П. Партизан А. С. Фигнер и военнопленные. С. 160–161; Русская старина. 1886. № 6. С. 612; *Грaббе П. Х.* Из памятных записок. М., 1873. С. 97.

³⁰⁹ Кутузов произвел Фигнера в подполковники и в письме к императору восславил «великость духа» этого партизана. См.: *Троцкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов. С. 244, 245.

³¹⁰ Миловидов Б. П. Партизан А. С. Фигнер и военнопленные Великой армии. С. 162–163, 173.

³¹¹ [Иелин Х.-Л. фон.] 1812 г. Записки офицера армии Наполеона фон Иелина. М., 1912. Гл. 2.

³¹² Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1901. Т. 105. № 2. С. 362, 363.

³¹³ Там же. С. 376.

В последние годы стал широко известен факт оставления в Москве в 1812 году 22,5 тыс. раненых при Бородине, большая часть которых сгорела в великом пожаре Первопрестольной, заженной и русскими войсками, которые огнем уничтожали склады, и горожанами, которые почти все ушли из города. Отношение к своим раненым было сходным и в следующей большой войне. Мемуарист сообщил слышанный от Л. Толстого рассказ об одном из эпизодов Крымской кампании: «Когда Малахов курган был взят [французами в 1855 г.] и войска спешно переправлялись на Северную сторону, тяжелораненых оставили на „Павловом мыске“, где была батарея... с которой можно было обстрелять весь город. Когда сообразили, что нельзя ее так отдавать французам, то решили ее взорвать <...> Мысок был взорван с батареей и со всеми ранеными, которых нельзя было увезти...»³¹⁴

Переход к XX столетию ознаменовался кровавой драмой на Дальнем Востоке, о которой Россия забыла, зато до сих пор очень хорошо помнит Китай. Когда к приграничному Благовещенску летом 1900 года вплотную подкатилась стихийная волна бушевавшего в Китае антиевропейского восстания боксеров (ихэтуаней) и со стороны Сахалина (Хэйхэ) по городу было сделано несколько артиллерийских залпов, повлекших жертвы среди населения – погибло пятеро и 15 было ранено, русскими овладела паника, вылившаяся затем в жесточайший погром многочисленных местных китайцев. Только в Благовещенске 4 июля 1900 года казачеством при абсолютном попустительстве властей были изрублены топорами и шашками, застрелены и утоплены в Амуре не менее 3,5 тыс. мирных китайцев, среди которых было множество женщин, детей и стариков³¹⁵.

После расправы в Благовещенске местные жители убивали китайцев и маньчжуров сотнями по всей крестьянской округе; в ответ китайцы пытались высадить десант в Зазейский район. Полицейские приставы сообщали, что «всего в 8 волостях найдено 444 трупа, однако в уголовном деле отмечалось, что это явно заниженные цифры»³¹⁶. Подобные беспричинные убийства, неизменно сопровождавшиеся грабежами и мародерством, увеличили число жертв среди китайцев примерно до 5 тыс. человек. Наказания за зверства были символическими: полковник М. М. Волковинский, приказавший расстрелять в Поярковском станичном округе 85 китайцев с захваченного парохода и собранных в окрестностях, был уволен с военной службы с лишением пенсии и права ношения мундира. Характерно, что благовещенская трагедия встретила довольно равнодушную реакцию современников и скоро забылась³¹⁷. Между тем в 1920-х годах алтайские крестьяне, вспоминая Гражданскую войну, сокрушенно признавали: «Наши ходили в Китай усмирять. Так же галились над народом, как чехи [в Сибири] и французы»³¹⁸.

В годы русской смуты первой четверти XX века частые военные жестокости, вызвавшие повальное обесценивание человеческой жизни, сочетались с опьяняющей обстановкой революционной вседозволенности, из-за чего происходили особенно вопиющие отклонения огромных масс населения, преимущественно мужского, от традиционных нравственных норм.

Эпохи войн и революций крайне способствуют стремительному превращению многих людей, особенно нравственно неразвитых и с определенными психическими наклонностями, в окровавленных скотов: «...Осквернение и уродование трупов, насильствие и истязание жертв,

³¹⁴ Троцкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 211; Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1922. [Эл. ресурс]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/30/mildon30.shtml> (дата обращения 6 марта 2023 года).

³¹⁵ Дятлов В. И. Благовещенская «утопия»: из истории материализации фобий // Евразия. Люди и мифы. М., 2003. С. 123–141; Сорокина Т. Н. Еще раз о благовещенской «утопии» 1900 г. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.): Материалы Международной научной конференции (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). Благовещенск, 2004. С. 295–303.

³¹⁶ Цит. по: Гузей Я. С. Боксерское восстание и синдром «желтой опасности»: антикитайские настроения на российском Дальнем Востоке (1898–1902 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. Вып. 4/2 (72). С. 85.

³¹⁷ Абеленцев В. Н. Амурское казачество XIX–XX вв. Благовещенск, 2005. С. 59–60; Дятлов В. «Благовещенская трагедия»: историческая память и историческая ответственность // Дружба народов. 2012. № 10. С. 173–188.

³¹⁸ Сибирские огни. Новосибирск, 1928. № 1. С. 221.

а подчас даже случаи людоедства, вот неизбежные последствия таких взрывов звероподобной дикости. Избиения Варфоломеевской ночи изобиловали инцидентами подобного рода. <...> Тотчас вслед за убийством Генриха IV тело Равальяка было растерзано народом в куски, который тут же съел его мясо». При этом жаждущая крови толпа легко убивает и своих. Так, в 1871 году, когда парижские коммунары расстреливали заложников, «...один из коммунаров хватал каждого попа поперек тела и перебрасывал через стену. Последний поп оказал сопротивление и упал, увлекая за собою федералиста. Нетерпеливые убийцы не желали ждать и... убили своего товарища так же быстро, как и попа»³¹⁹. Все эти классические черты разнузданности буйной черни³²⁰ очень четко проявились и в отечественном бунтарском движении.

Здесь следует подчеркнуть, что идеологическая и расовая ненависть внутри современного общества может давать плоды, превосходящие в жестокости то, на что способно общество патриархальное. Образцы крайне свирепого поведения во время гражданского противостояния в первой половине XX столетия показали и развитые страны, далеко ушедшие от традиционной патриархальщины: Финляндия, Венгрия, Германия, Испания... Дикие расправы финских войск и их добровольных помощников с красными пленными во время краткой, но ожесточенной вспышки гражданской войны в Финляндии (1918), гораздо более продолжительная война всех против всех в Испании 30-х годов, а также массовый террор нацистов, которые уничтожали население оккупированных территорий в угоду своим расовым принципам, – наглядные тому примеры.

Но в Европе допущение зверств было со стороны государства временной уступкой широким настроениям социального реванша, национализма и мести; затем их пресекали, а виновных в эксцессах ждало возмездие – суровое наказание ряда турецких генералов после геноцида армян 1915 года было осуществлено даже в отсталой Османской империи. В итоге социальные бои на национальной, классовой и религиозной подкладке, подстегнутые Первой мировой войной, оказались не очень продолжительными, не смогли разрушить основ общества. Европейцы сумели пережить эксцессы больших гражданских конфликтов и вернуться в правовое состояние, усовершенствовав государственные и общественные институты.

В России же архаичность социума обусловила гораздо более длительный и жестокий накал вооруженной борьбы, причем государство прямо поощряло гражданскую войну, занимаясь классовым подстрекательством. В ходе грандиозного общественного конфликта отсталое крестьянское население массово пыталось воплотить идеал анархического безначалия на основе принципиального отторжения цивилизационных ценностей. Делалось это путем широкой социальной чистки, когда к чужакам, подлежащим истреблению и экспроприации, относились не столько лица из других наций или военнопленные, сколько представители собственного сословия, оказавшиеся на противоположной стороне. Слабость правового сознания вызвала разгул уголовного и политического криминала, а бессилие общества перед ним не позволило создать эффективную государственность ни Временному правительству, ни белым, ни красным (советское «ресурсное государство» автор считает тупиковым конструктом). Физическая ликвидация и последовательная дискриминация образованных и зажиточных людей в деревне крайне усугубили общественные проблемы, осложнив ход развития в сельской местности на целые десятилетия.

Сегодня отечественные историки активно пытаются понять роль как патриархальщины, так и идеологии в русском бунте, в его «осмысленной бессмысленности», когда различные общественные силы сознательно сделали ставку на растравливание бунтарских традиций с

³¹⁹ Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1893. С. 17–18.

³²⁰ Негативным термином «чернь» именуются не народные низы в целом, а те подонки общества, которые отличаются особенной нравственной неустойчивостью, всегдашней готовностью участвовать в грабежах, погромах и прочем насилии. Также и термин «толпа» относится к «человеческой совокупности, обладающей психической общностью, а не скоплению людей, собранных в одном месте» (см.: *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 124).

целью политического, военного и материального выигрыша. Именно радикальная интеллигенция создала экстремистские партии большевиков, эсеров и анархистов. В 1905 году Максим Горький финансировал восстание в Москве, а в его и М. Ф. Андреевой квартире была мастерская по производству бомб. Одной из боевых дружин в период московского Декабрьского восстания командовал скульптор С. Т. Конёнков, под началом которого действовал 16-летний реалист С. А. Клычков, будущий поэт³²¹.

Историк Б. Н. Миронов отмечает, что модернизация сознания и нравов русской деревни не поспевала за реформами в жизни образованных классов, и указывает, что современники почти единодушно утверждали: простой русский человек – крестьянин или горожанин – нуждался в надзоре, так как был склонен к спонтанности из-за недостатка самоконтроля и дисциплины, индивидуализма и рациональности в поведении. Миронов прав, говоря о неизбежности изменений сознания крестьянства, о чем свидетельствует сибирская его часть – намного более свободная и относившаяся к богатству не как к греху стяжания, но как к закономерному результату напряженного труда. Однако у России не оказалось исторического времени на цивилизованный переход от традиционного общества к гражданскому. Столкновение традиций и инноваций вызывало глубокие колебания психики масс и имело необычайно серьезные последствия в виде кризиса традиционной идентичности, разные уровни которой (общественный, групповой и личностный) интенсивно наслаивались один на другой³²², резко усиливая потенциал конфликтности.

Как подчеркивает В. В. Согрин, русское крепостничество почти свело на нет возможности произрастания буржуазной цивилизации и обусловило то, что даже в начале XX века Россия оставалась преимущественно традиционным обществом. Ментальность различных сословий сохраняла свою антибуржуазность; сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после столыпинской реформы – «черный передел», т. е. экспроприация всех частновладельческих земель – и помещичьих, и выделившихся из общины крестьян – в пользу крестьянской общины. Антибуржуазная концепция справедливого общественного устройства была привнесена крестьянством, являвшимся главным источником формирования рабочего класса, в город и стала основополагающей частью ментальности молодого российского пролетариата. И антибуржуазная революция 1917 года была не импортным продуктом, а чисто русской антимодернизационной революцией³²³.

Хотя русский крестьянин внешне демонстрировал стремление к равенству, «открывшиеся после революции социальные лифты монопольно использовались в интересах собственных или своего окружения», а «широкая их доступность казалась нарушением принципа справедливости». Лозунг свободного труда трактовался как освобождение от всякой работы, а «понимание под работой только физического труда... привело к тому, что он стал признаком социальной принадлежности... к „подлому“ сословию. Стремление избавиться от этого порочащего качества реализовалось в ходе революции, а комплекс социальной неполноценности соблазнял обмениваться этим признаком с ранее привилегированными слоями...»³²⁴.

Партизаны были преимущественно крестьянскими маргиналами, причем данный слой не исчерпывался дезертирами царской, Белой и нередко Красной армий (так сказать, законными маргиналами). Очень многие селяне маргинализировались стихийно, в дурманящей обста-

³²¹ Леонтьев Я., Маторин Е. Красные. М., 2017. С. 738.

³²² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1, 2.

³²³ Согрин В. В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость. Рецензия на: Б. Н. Миронов. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1, 2 // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 144–160.

³²⁴ Морозова О. М. «Эгалитаризм», «коллективизм» и «трудолюбие» русского народа: неочевидная очевидность. С. 407–427.

новке безвластия или слабой власти, не вынося покушений на личную собственность и свободу, понимаемую исключительно как волю. Собственный военный опыт диктовал уверенность, что с унесенной при дезертирстве³²⁵ или купленной винтовкой можно защититься и от соседа, и от государства, одновременно как следует нажившись чужим добром.

Недостаточная легитимность властей, сменивших монархию, их «временность» провоцировали крестьян на анархические захваты государственной и чужой собственности, на бунт против тех, кто пытался вернуть нацию в правовое поле. Крестьянская молодежь, массово получившая военный опыт, оказалась особенно горячим материалом. Люди, прошедшие через фронт, неизбежно сближались мировоззрением с уголовщиной – начинали пренебрежительно относиться не только к чужой жизни, но даже и к собственной, не говоря уже об уважении прав личности и собственности. Военный риск стал частью жизни, а для довольно большого числа людей – и необходимым стимулятором жизненной активности, настоящим наркотиком.

Известно, что в традиционном обществе молодежь строго контролируется старшими, а при ослаблении патриархальных уз видит возможность более вольного поведения и нередко ведет себя по-детски, освобождаясь от присмотра. Перед Первой мировой войной российские чиновники попытались выявить причины растущего хулиганства в традиционалистской среде и сделали вывод, что молодежь хулиганила без осознанных целей – просто так. Как заключает известный современный исследователь, при кризисе традиционного общества «Россия вступила в полосу глобальных „иррациональностей“»³²⁶.

Российская империя, составляя социокультурное целое с Европой, оставалась ее периферией, «а потому наиболее остро реагировала на общеевропейские идейные поветрия и катаклизмы»³²⁷. Согласно В. П. Булдакову, «в отличие от европейской цивилизации, несущей в себе гены модернизации, Россия представляла собой *традиционную империю*» и бралась за непосильную и «абсурдную задачу форматирования социального пространства под собственные немощи». Поскольку «имперское существование на обочине мир-системы тянет к подражательности», «российские верхи тянулись к Европе», а «низы, напротив, были склонны спонтанно отстаивать свою „самость“». Такое «резонирование ритмов европейской и российской истории порождало кризис идентификации»³²⁸.

«...Структуры традиционного общества всеми силами сопротивлялись модернизации. Поэтому реализуемый „сверху“ модернизационный процесс вел к нарастанию конфликтности во всех сферах жизнедеятельности общества... в итоге революция 1917 года стала его традиционалистской реакцией на происходившие в стране изменения»³²⁹. Шла быстрая маргинализация огромных масс – множество семей, разоренных после призыва хозяина в армию или потерявших имущество при военных действиях, беженцы и выселенные из зоны военных действий, дезертиры, безработные, сироты плюс уже имевшиеся маргиналы, численность которых в кризис закономерно увеличивается: люмпены, пьяницы, наркоманы, проститутки, уголовники, ссыльные, революционеры... Для изгоев общества возникал шанс на другую жизнь, и они представляли ее в самых радужных красках.

Первая мировая война продемонстрировала, как в наиболее цивилизованных странах того времени соединились в разрушительный поток не только амбиции политиков и военных, но и широкая популярность национализма, разных утопических учений, а также избыток моло-

³²⁵ При демобилизации или дезертирстве весной 1918 года почти каждый солдат уносил винтовку и патроны с собой. См.: Мемуары Н. Т. Бурькина // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1157. Л. 9; Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. С. 62.

³²⁶ Булдаков В. П. 1917 год: революция и погром // Политическая концептология. 2015. № 3. С. 112.

³²⁷ Цит.: Булдаков В. П. 1917 год: революция и погром. С. 127. См.: Ливен Д. Россия как империя и периферия // Линия судьбы: Сб. статей, очерков, эссе. М., 2007. С. 46; Страда В. Россия как часть и иное Европы // Там же. С. 11.

³²⁸ Булдаков В. П. 1917 год: революция и погром. С. 127.

³²⁹ Селезнев Ф. Революция 1917 г. в свете современных теорий // Российская история. 2018. № 1. С. 174; Шелохаев В. В. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2. С. 18–36.

дежи, означающий повышенную агрессию части общества. Эта война, столкнув в истреблении людей и материальных ценностей почти все развитые нации, подняла целые пласты социальной архаики, разрушая прежде всего представление о ценности человеческой жизни. В книге британского историка дается совершенно определенная оценка влияния мировой войны на общество: «В том, что наступила невообразимая, беспрецедентная моральная деградация, нельзя было сомневаться...»³³⁰

Более отсталые общества переживали эту мировую драму наиболее тяжело, теряя устойчивость социумов. В России активное меньшинство, всегда играющее основную роль в социальных катаклизмах, в период войны и революции выросло и радикализировалось, привлекая на свою сторону огромные массы людей, утративших нравственные ориентиры. Девиантное поведение становится для многих нормой, самосуды, бунты и пьяные погромы – частью революционной культуры толпы³³¹. Активные люмпены заражали своими призывами и примером психологически неустойчивую массу, постоянно колеблющуюся между разрушительным инстинктом буйной деятельности (раз государственная власть ослабла) и паническим инстинктом бегства прочь при малейшей опасности, то и дело превращая ее в бешеное стадо.

В годы Первой мировой войны военные погромы в городах, зачастую вызывавшиеся случайными причинами вроде раздражавшего новобранцев сухого закона, стали нередким явлением. Но и фронтовая дисциплина постоянно нарушалась. От особенностей неустойчивой деревенской психики «шли те резкие перепады в настроениях, когда одна и та же рота или батальон, вчера еще проявлявшие вполне осознанную слаженность действий и самые „высокие“ чувства, на другой день взрывались анархическим пьяным погромом... винных складов или винокуренных заводиков»³³².

На фронте не редкостью были эпизоды расправ солдатни над мирным населением, причем в начале войны это случалось и по инициативе генералов. Начальник штаба Северо-Западного фронта В. А. Орановский 21 ноября 1914 года телеграфировал действовавшему в Восточной Пруссии командующему 10-й армией Ф. В. Сиверсу: «Главкомандующий приказал подтвердить к точному исполнению требование Верховного главнокомандующего при наступлении гнать перед собой всех жителей мужского пола рабочего возраста, начиная с 10 лет». Работавший в Ставке офицер М. К. Лемке отметил, что войска были «вынуждены» прибегнуть к таким мерам из-за «изуверства и вероломства местных жителей»³³³.

Летом 1917 года русская армия отметилась кровавыми погромами в городах Галиции. Печально знаменитый погром в захваченном победителями Калуше произошел в ходе июньского наступления и «стал серьезным предупреждением о полном моральном разложении войск»³³⁴. Аналогичные погромы городов производила русская армия и в Персии, причем даже та (основная) часть солдат, которая не принимала участия в грабежах, тем не менее относилась к ним «как к озорной игре»³³⁵.

Гражданское население тоже активно участвовало в беспорядках. Известно, что в начале XX века пьянство как основной элемент досуга и рабочих, и прочего населения городов Сибири отмечалось во многих свидетельствах³³⁶. Революция резко усилила неустойчивость социума, раздраженного «сухим законом», и винные погромы прокатились от столиц до даль-

³³⁰ Джонсон П. Современность: мир с двадцатых по девяностые годы: В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 22.

³³¹ См.: Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995.

³³² Логинов В. Т. Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 34.

³³³ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). Пг., 1920. С. 667.

³³⁴ Неллинович С. Г. Фронт сплошных митингов // Военно-исторический журнал. 1999. № 2. С. 42.

³³⁵ Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 109.

³³⁶ Фаронов В. Н. Особенности менталитета сибирских рабочих конца XIX – начала XX в. (по материалам Томской губернии) // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, политология». 2012. № 4/2 (76). С. 211.

невосточного захолустья. В Троицке Оренбургской губернии празднование майских дней привело к разгрому винного склада, а затем к введению военного положения, во время которого перепились и казаки, рубившие друг друга шашками; общий итог в уездном городке – до 200 погибших в течение суток³³⁷.

С осени 1917 года пьяных погромов стало резко больше. В Перми к начавшим 4 ноября погром пьяным солдатам гарнизона «пришли на подмогу бабы-солдатки, подростки, не только пьяные, но и трезвые обыватели из простонародья». Город двое суток находился во власти пьяной солдатни. Жертвами оказалось около 100 человек: несколько офицеров и студентов, остальные – сами солдаты-громилы³³⁸. В Оренбурге в середине декабря итогом погрома стало 200 трупов³³⁹.

Пьяные погромы 1917 года в городах и крупных селах сделались повседневностью всей страны. В ноябре они захлестнули Петроград, а затем большинство губернских и уездных центров страны, утихнув только в декабре³⁴⁰. Но и позднее наличие запасов доступного алкоголя сильно влияло на настроение масс: в конце февраля 1918 года рабочие депо Томской дороги едва не разгромили Боготольский совдеп после агитации со стороны одного слесаря, утверждавшего, что совдеповцы растратили деньги и пользуются целой бочкой спирта, а потому их, пьяниц, надо разогнать и спирт отнять³⁴¹.

Дезертирство из огромной армии, где только вчерашних крестьян было свыше 10 млн, а также уклонение от мобилизации стали в 1917–1918 годах важнейшим источником пополнения революционных рядов. В период до Октябрьского переворота численность дезертиров составляла не менее 1,5 млн³⁴². Феномен массового дезертирства превращал значительную часть активного сельского населения в маргиналов-полууголовников, прямо заинтересованных в слабой власти, неспособной разыскивать и карать дезертиров. Отрыв от привычной хозяйственной деятельности, от семьи, неопределенность социального статуса, неясность перспектив дальнейшей социализации, неустроенность в бытовом отношении – все это уродовало крестьянскую психику, порождая настоящих монстров, которых преследовало государство и отторгала (но в то же время и деятельно пополняла за счет потоков все новых дезертиров) деревенская среда³⁴³. Психопатия, как известно, процветает в нестабильных обществах, где личности именно такого склада получают конкурентное преимущество. Их импульсивность, жестокость и отсутствие страха помогают, при риске своей и чужими жизнями, добиваться быстрых выгод; также способности психопатов делают их мастерами манипуляций. Поэтому в революционной и повстанческо-военной среде психопаты преобладали среди руководителей и активистов.

В ходе Первой мировой войны Россия резко «покраснела» – помимо большевиков, экстремистские взгляды разделялись многочисленными эсерами и анархистами, количество которых стремительно росло. В 1917 году огромную революционизирующую роль и в деревне, и в городе сыграли многочисленные дезертиры и отпускники. В. В. Канищев заявил, что успех большевиков в октябре 1917 года зависел не от сознательного пролетариата, а от «анархистски настроенных слоев населения», от «стихийной бунтарской массы». С. В. Яров утверждал, что

³³⁷ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 186.

³³⁸ Нарский И. В. Чего ожидали и что увидели уральские горожане в 1917 году? // Вестник ВЭГУ. Уфа, 2017. № 3 (89). С. 149–150.

³³⁹ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 204.

³⁴⁰ Нарский И., Хмелевская Ю. «Упоение» бунтом в русской революции (на примере разгромов винных складов в России в 1917 году) // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций: Сб. статей / Под ред. Я. Плампера и др. М., 2010. С. 262–263.

³⁴¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 870. Л. 3.

³⁴² Галин В. В. Интервенция и Гражданская война. М., 2004. С. 16.

³⁴³ Сухова О. А. «Бунтующая деревня»: нерегулярный формат Гражданской войны (По материалам Среднего Поволжья) // Доклады Академии военных наук. Саратов, 2009. № 3 (38). С. 129–130.

«в массе своей, за исключением отдельных отрядов рабочих-активистов и красногвардейцев», петроградский пролетариат в Октябрьском перевороте не участвовал³⁴⁴.

Почти весь спектр участников дореволюционной политической борьбы внес лепту в идеологическое обоснование экстремизма и насилия по отношению к оппонентам³⁴⁵. Леонид Андреев в письме П. Н. Милюкову в июле 1919 года отмечал: «Массы были приведены в движение и фанатическое неистовство обещанием *чуда*, необыкновенного праздника, который наступит на земле: кто был ничем, тот будет *всем*. И это завтра – сейчас – сию минуту! И отсюда такое роковое бессилие всех трезвых слов, трезвых программ и честных, но трезвых обещаний...»³⁴⁶ Новейшая книга В. Булдакова и Т. Леонтьевой о Первой мировой войне доказывает, что «революция выросла не столько из развала экономики... сколько из неоправданных ожиданий, связанных с обещанной победой. <...> ...Пришедшие к власти в 1917 году либералы и социалисты не сумели убедить народ продолжать войну, открыв тем самым дорогу революционной утопии»³⁴⁷.

Слабость власти провоцировала экстремистов. В 1915 году министр юстиции И. Г. Щегловитов отмечал: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции»³⁴⁸. Даже огромная часть элиты совершенно не понимала, что принесут большевики. Летом того же 1915 года Анна Ахматова и Николай Гумилёв были «у Ф. К. Сологуба на благотворительном вечере, устроенном Сологубом в пользу ссыльных большевиков. Билеты на вечер стоили по 100 рублей. Были все богачи Петербурга...»³⁴⁹. В июле 1917 года П. Н. Балашов, бывший лидер фракции националистов в Государственной думе и один из крупнейших землевладельцев страны, во время большевистской демонстрации сказал мемуаристу: «Только одного прошу у Бога: чтобы большевики захватили власть. Тогда произойдет небольшое кровопускание, и все будет кончено»³⁵⁰.

Член французской военной миссии в России Пьер Паскаль отметил в дневнике в сентябре 1917 года: «Пажеский корпус голосовал за большевиков», а в октябре: «Вчера г[осподи]н Путилов мне сказал, что он голосовал за большевиков»³⁵¹. Часть верхушки всерьез рассчитывала, что большевики, пытаясь реализовать свои утопии, уничтожат наименее адекватных носителей власти, но и сами будут сразу скомпрометированы и, в свою очередь, вырезаны. Личности попроще тоже считали большевиков преходящим эпизодом, благодаря которому можно будет на фоне слабой власти проявить собственные криминальные наклонности.

«Для дикаря, ребенка и психически больного граница между реальным и фантастическим, возможным и утопическим, – очень призрачна и неопределенна. <...> За пределами небольшого круга их обычной будничной среды начинается мир смещения „реального“ со „сказочным“, фантастики с действительностью»³⁵². Поэтому интенсивная пропагандистская обработка невежественных масс, особенно солдат и матросов, левацкими активистами, упрощенные и доступные для восприятия демагогические призывы, проповедь пораженчества, натравливание черни на имущие классы, жандармов и офицеров – все это оказалось очень

³⁴⁴ Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. С. 104; Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. С. 7.

³⁴⁵ Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997; Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в). М., 2000.

³⁴⁶ Два неизвестных письма Леонида Андреева к П. Н. Милюкову // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб., 1991. Вып. 4. С. 353.

³⁴⁷ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М., 2015.

³⁴⁸ Пайнс Р. Русская революция: В 3 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 333.

³⁴⁹ См.: Лукницкий П. Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Париж, 1991. Т. 1: 1924–1925 гг.

³⁵⁰ Либерман С. И. Построение России Ленина. Hyperion Press, 1978. С. 34.

³⁵¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. London, 1989. С. 36.

³⁵² Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912 (цит. по: Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 176).

действенным, удоблив почву для стихийного неподчинения всякой власти и колоссального всплеска самосудов что в деревне, что в городе.

Россия в 1917 году в подавляющем большинстве голосовала за левые партии и фактическое безвластие. Распространение радикальных идей в лишенном прежних властных скреп патриархальном обществе привело к сумятице, жажде быстро добиться общей справедливости – политической, имущественной, национальной и т. д. – насильственным путем. Несогласным надлежало быть отброшенными с дороги, а то и уничтоженными. Лозунг «Смерть буржуям!» прозвучал на улицах задолго до появления ВЧК³⁵³.

Один солдат-крестьянин выразил распространенное мнение: «...как подумаю, вдруг все на старое обернется, а я и обиды-то своей не выплачу, – тут и звереешь»³⁵⁴. Интеллигенция на месте обожаемого издавна народа смутно, а затем все четче различала выдвинувшуюся в ходе революции на первый план фигуру хама, требовавшего поменяться местами с прежней элитой: «Лакейское требование „побарствовать“ было характерно для всей нашей революции»³⁵⁵. «„Хоть четверть часа, да наши!“ Такова психологическая подкладка большевизма в народной толще», – пояснял белый генерал. Даже ранняя советская пресса осудительно отмечала, что «для вчерашнего раба самое сладко[е] – расплата, а самое святое – злоба»³⁵⁶.

Враждебные красному лагерю мемуаристы справедливо подчеркивали, что большевики привлекли массы своими резкими и агрессивными лозунгами, которые фактически разрешали вооруженный произвол, призывали дезертировать, не повиноваться властям, мстить, грабить и уничтожать «буржуев». Известный меньшевик М. И. Либера в июле 1917 года печатно заявлял, что большевики «объединили самые темные элементы петроградского населения, которые хотят только мародерствовать» и что надо судить коммунистических вождей за провокационный и чисто криминальный лозунг «Грабь награбленное!»³⁵⁷. В революцию шли всевозможные маргиналы – от безработных, попрошаек, хулиганов и пьяниц до дезертиров и бандитов.

Большевистская пропаганда классовой ненависти, призывы грабить пали на благодарную почву, унавоженную вековыми фобиями. Особенно заражали эти лозунги активную часть низов, готовую идти в Красную гвардию, а затем в милицию, РККА, ЧК, продотряды и структуры местной власти, чтобы перестать «быть никем». Большевики предлагали массам, включая настоящих подонков общества, такую систему скоростных социальных лифтов, которой наиболее эффективно пользовались те, кто всегда готов следовать призыву к анархии и разрушению, – люмпенско-криминальные слои.

Противоположный лагерь, напротив, бессильно призывал к порядку, дисциплине, трезвости, самоограничению – к вещам, переставшим быть актуальными для широких слоев населения. Часть мыслящего слоя этот быстрый спуск социума по эволюционной лестнице в Средневековье, к Московской Руси ощущала без иллюзий. Марк Алданов писал, что «...на низах культуры календарь... показывает семнадцатый век»³⁵⁸. Опомнившийся М. Горький в мае 1918 года писал: «Мы, Русь, – анархисты по натуре, мы жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь...»³⁵⁹. В своем знаменитом труде Х. Ортега-и-Гассет в 1930 году указывал, что «и большевизм, и фашизм – ложные зори; они предвещают не новый день, а возврат к архаическому, давно пережитому, они первобытны»³⁶⁰.

³⁵³ Булдаков В. П. Красная смута. С. 427.

³⁵⁴ Федорченко С. Народ на войне. М., 1925. Т. 2. С. 68.

³⁵⁵ Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926. С. 49.

³⁵⁶ Геруа А. Полчища. С. 83; Сибирские огни. Новониколаевск, 1922. № 3. С. 171.

³⁵⁷ Единство. Пг., 1917. 14 июля.

³⁵⁸ Алданов М. А. Огонь и дым. Париж, 1922. С. 53.

³⁵⁹ Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя. Переписка. 1940–1971. М., 2013. С. 27; Горький М. Несвоевременные мысли. Париж, 1971. С. 198.

³⁶⁰ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 153.

В условиях краха традиционной государственности и морали само население, как и администрация, повсеместно и активно использовало насилие в собственных интересах. И это насилие часто выступало в качестве наиболее эффективного средства выживания не только государственных структур, но и самого населения, что свидетельствовало о глубине архаизации общества³⁶¹. Отмечено, что приход во власть необразованных и молодых лидеров придавал ей «особенно жестокий, кровавый характер»³⁶²; по мнению современного историка, повышение доли молодых возрастов в предреволюционные годы способствовало росту преступности из-за тяготения молодежи к маргинализации³⁶³. Упадок и без того некрепкого религиозного чувства способствовал разгулу темных страстей. Терявшая влияние церковь понимала происходящее: в январе 1918 года на Поместном соборе иерархи тревожно говорили о том, что «большевик – крестьянин и рабочий – крепко убежден... что если убивает, то не делает греха»³⁶⁴.

Картину разразившейся вскоре войны всех против всех усложняют эпизоды, которые раскрывают внутреннюю логику коллективной мобилизации на протяжении всей Гражданской войны. С одной стороны, несомненен крах институциональных и моральных норм, а с другой – видно, что «беспощадный» русский бунт не всегда был «бессмысленным»: согласованные мотивы и цели имелись у широкого спектра народных движений – от атаманщины на Украине и в Сибири до басмачей в Центральной Азии и крестьянских восстаний в центре России, для участников которых насилие выглядело эффективным и, безусловно, имело смысл³⁶⁵.

Восточные окраины России отличала значительная специфика, имевшая для судеб региона самое негативное содержание. Сибирь и Дальний Восток истари пополнялись вольным людом, среди которого велика была прослойка уголовного элемента. До 1917 года именно ссыльнопоселенцы давали основной процент наиболее опасной рецидивной преступности³⁶⁶. За XIX век примерно 1 млн уголовников остался в Сибири на постоянное жительство. В канун Февральской революции в Сибири находились десятки тысяч опасных уголовников, а также не менее 9346 политических ссыльных и 485 политкаторжан³⁶⁷. Только на территории будущей Тюменской губернии проживало свыше 100 тыс. крестьян из ссыльнопоселенцев, не имевших, по царским законам, права на земельные доли³⁶⁸ и готовых к насильственному аграрному переделу.

Советскими историками преступность, погромы, убийства в начале XX века рассматривались как борьба трудящихся с эксплуатацией³⁶⁹. Анализ прессы показывает, что серьезная преступность в 1905–1907 годах выросла в разы, охватив все городские и сельские поселения³⁷⁰. В ходе ее предреволюционного скачка уголовный мир пополнился массой отъявлен-

³⁶¹ Нарский И. В. Формы насилия и стратегии выживания населения на Урале в 1917–1922 гг. // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. М., 2003. (Библиотека руссиеведения. Вып. 8: Материалы научной конференции в Челябинске 19–20 апреля 2002 г.) С. 130, 131.

³⁶² Ржевский Л. Коммунизм – это молодость мира... // Синтаксис. Париж, 1987. № 17. С. 41.

³⁶³ Булдаков В. П. Красная смута. С. 23.

³⁶⁴ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Революция, религия, культура: взаимодействие центра и периферии в 1917–1918 гг. // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие. С. 186.

³⁶⁵ Энгельштейн Л. Новая российская революция: возвращаясь к 1917 году // Личность, общество и власть в истории России: Сб. научных статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора В. И. Шишкина / Ред. В. М. Рынков, А. И. Савин и др. Новосибирск, 2018. С. 234.

³⁶⁶ Шиловский Д. М. Криминогенная обстановка на территории Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы гуманитарных наук: Межвузовский сб. научных трудов. Новосибирск, 1999. С. 7.

³⁶⁷ Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / Ред. М. В. Шиловский. Новосибирск, 2009. С. 268; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт. С. 90.

³⁶⁸ Горюшкин Л. М. Рынок рабочей силы в сибирской деревне начала XX в. // Бахрушинские чтения: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1974. С. 143.

³⁶⁹ Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 34.

³⁷⁰ Храмцов А. Б. Преступления в городах Западной Сибири: виды, характер, динамика (1905–1907) // Вопросы истории. 2021. № 8 (1). С. 272–277.

ных преступников из слоев общества, ранее от криминала далеких (новый, еще более мощный подобный скачок дала пореволюционная смута). Отбывавший каторгу с 1911 года за убийство с ограблением П. М. Никифоров в мемуарах отмечал существенные изменения в составе каторжан после 1905 года: пришли арестанты из множества новых грабительских шаек, участники которых «не имели за собой уголовного прошлого и комплектовались за счет безработной молодежи или авантюристически настроенной интеллигенции». Пополнив ряды каторжан, они вытеснили прежних авторитетов за счет интеллекта, «энергии и организованности»³⁷¹.

В 1900–1913 годах число имущественных преступлений в России умножилось в 2 раза, а наиболее опасных, против личности, – в 2,5 раза³⁷². Рост общей преступности стал одним из слагаемых революционного террора, подготовив кадры маргиналов, с разной степенью сознательности откликнувшихся на революционные идеи³⁷³. Это чувствовали и партийные интеллигенты, и боевики. «Идейная уголовщина», исповедуемая красными³⁷⁴, наглядно проявилась в действиях новой власти с первых недель ее установления. Освобождение социума от моральных запретов было важной задачей большевистских вождей.

Современная точка зрения на революционное подполье гласит, что оно «было цинично, довольно безразлично к людским судьбам и жизням, широко пользовалось манипуляциями, провокацией, ложью, демагогией. За всем этим стояли специфические корыстные корпоративные интересы профессиональных революционеров»³⁷⁵. Эти интересы требовали активно использовать и криминал. Интеллектуал А. А. Богданов провозглашал: «Кричат... против экспроприаторов, грабителей, против уголовных... А придет время восстания, и они будут с нами. На баррикадах взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова»³⁷⁶. Рабочий Вано Стуруа на XII съезде РКП(б) восклицал: «Запомним слова т. Ленина, который наивным товарищам, когда они задали вопрос: „что такое коммунистическая мораль?“, – сказал: убивать, уничтожать, камня на камне не оставлять, когда это в пользу революции; но в другом случае гладьте по голове, называйте Александром Македонским, если это в пользу революции»³⁷⁷.

Один из ленинских соратников, говоря о практике революционных контрибуций, негодовал, высказываясь в том смысле, «что не для того делали революцию, чтобы уподобляться кавказским разбойникам, которые берут в плен людей и требуют выкуп». Ленин в ответ лишь подчеркивал утилитарность этого сугубо необходимого процесса: «Согласитесь, есть маленькая разница: кавказские разбойники кладут выкуп себе в карман, а мы его берем для целей революции...»³⁷⁸. Не только И. В. Сталин и Л. Б. Красин были столпами экспроприаций. Будущий глава ВЦИК Я. М. Свердлов весной 1906 года в Перми лично организовал две оказавшиеся безуспешными попытки ограбления сборщиков винной монополии, когда были убиты сборщик и ямщик, а один из грабителей застрелен³⁷⁹.

Тем более легко большевики брали деньги, награбленные уголовниками. Известная уральская банда А. Лбова, совершившая ряд кровавых ограблений, обладала «примитивной революционностью» и помогала большевикам и эсерам крупными суммами, благодаря чему

³⁷¹ Никифоров П. Муравьи революции. М., 1932. С. 227–230.

³⁷² Герцензон А. Борьба с преступностью в РСФСР. М., 1928. С. 14.

³⁷³ Ковтуниченко П. О. Уголовный террор в Прикамье накануне революции 1905–1907 гг. (по материалам неофициальной части Пермских губернских ведомостей) // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 63. С. 151–155.

³⁷⁴ Павлова И. В. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Новосибирск, 1997. Вып. 3. С. 29.

³⁷⁵ Эдельман О. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М., 2016. С. 118–119.

³⁷⁶ Гейфман А. Революционный террор в России. С. 216.

³⁷⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). 15–17 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. С. 506.

³⁷⁸ Затонский В. Водоворот // 7 лет: Октябрьский сборник. Харьков, 1924. С. 139.

³⁷⁹ Глухих И. Три встречи (Воспоминания о т. Свердлове) // Борьба за власть. Пермь, 1923. Т. 1: Дни неоконченной борьбы. С. 105–106.

был организован побег знаменитого боевика-большевика Камо (Тер-Петросяна) из Берлинской тюрьмы³⁸⁰. По мнению исследовательницы А. Гейфман, в начале XX века появился новый тип террориста – идейный разбойник, легко применяющий откровенный криминал в своей революционной работе. Характерно, что окончание первой русской революции отнюдь не означало прекращения революционного террора: с января 1908 по середину мая 1910 года произошло 19 957 террористических актов и экспроприаций, в результате которых были убиты 732 государственных чиновника и 3051 частное лицо, а 1022 чиновника и 2829 частных лиц – ранены³⁸¹.

После 1907 года «уральские горы и леса на несколько лет оказались во власти „лесных братьев“ – членов боевых групп разогнанных радикальных социалистических партий, терроризировавших местное население»³⁸². Сибирский каторжанин писал, что в 1911 году в Иркутской тюрьме появилось пополнение: «Нетерпеливая молодежь, увлекаемая романтикой боевой жизни, часто шла в тайгу, создавала партизанские группы с намерением вести систематическую вооруженную борьбу с самодержавием. <...> Но на практике такие выступления сводились к убийствам мелких полицейских и жандармских чиновников и к экспроприации, в конечном счете носившим характер самоснабжения. Таково по существу было движение лбовцев на Урале, действия боевой дружины в Верхотурском уезде. К этому же свелось и выступление зиминской группы»³⁸³.

Возглавлявшая весной 1919 года Бердянскую уездную ЧК Екатеринославской губернии левая эсерка Н. И. Введенская уважительно писала об уголовниках-анархистах, к чьей помощи широко прибегало большевистско-эсеровское подполье: «А как обойтись без этих представителей общественного подполья, когда у них было оружие, они были ловки и смелы и могли выполнить любое поручение комитета? <...> Ведь знала же я, наши политические – кровь от крови и плоть от плоти уголовных. Кто же шел в подполье бесстрашно на все: на эксы и убийства[,] как не эти же уголовные, под влиянием нашей агитации они только меняли цель своего ремесла»³⁸⁴.

При этом размах революционного криминала значительно превосходил ответные меры государства. Сталин, поклонявшийся силе и террору, притом хорошо знакомый с карательными органами самодержавия, презирал царя и его полицию за мягкотелость. Близкий к Сталину Д. Бедный рассказывал мемуаристке, что однажды на семейном обеде вождь заявил: «Какой ишак был Николай Второй! За все свое царствование он повесил всего каких-нибудь десять тысяч революционеров, главным образом евреев. Это приходится по одному человеку на каждый город. Захоти он быть более щедрым, повесь, ну, хотя бы полмиллиона – никакой революции не было бы, и мы с вами, товарищи, не сидели бы здесь, в Кремле!»³⁸⁵

Сибирь и Дальний Восток входили в число наиболее криминализированных территорий царской России. Несмотря на значительный процент уголовных элементов населения и тревожные тенденции предреволюционных лет, Восточный регион не мог похвастать сильной местной властью. Зарубежный историк отметил недостаточность, «рыхлость» государственно-административной и полицейской системы в сельской местности, не преодоленную и в ходе столыпинских реформ³⁸⁶. Один из старожилов перед революцией говорил политссыльному, что в Сибири «власть притеснительная слабая супротив российской. В зубы никто не тычет, в глаза

³⁸⁰ Семёнов В. Л. Революция и мораль (Лбовщина на Урале). Пермь, 2003. С. 20, 21, 140, 203.

³⁸¹ Гейфман А. Революционный террор в России. С. 15–19.

³⁸² Нарский И. В. Чего ожидали и что увидели уральские горожане в 1917 году? С. 147–148.

³⁸³ Никифоров П. Муравьи революции. С. 159–164.

³⁸⁴ Ермоленко Т. Ф., Морозова О. М. Погоны и будёновки. С. 265, 266.

³⁸⁵ Иорданская М. К. Новый table-talk // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 216.

³⁸⁶ Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции. 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 22–28.

не колет»³⁸⁷. Во многих селах представителей власти, особенно из силовых структур, не было совсем. Образовательный уровень населения оставался крайне низким: в сибирской деревне в 1920 году грамотных в расчете на 1 тыс. человек было только 288 мужчин и 96 женщин³⁸⁸; моральный же уровень не сильно отличался от показателей грамотности. Сибирские старожилы, за исключением старообрядцев, отличались к XX веку невысоким уровнем веры.

Столыпинское переселение затронуло наиболее активную часть российской деревни: за Урал ехали люди с повышенной социальной мотивацией, мобильные, но вовсе не чуждые завистливой враждебности к коренным сибирякам, для которых владение десятком-другим голов крупного скота являлось нормой. Таким образом, в Сибири и на Дальнем Востоке не только стремительно пополнялся слой разбогатевших хозяев, но и взрывным образом подскочила численность тех лиц, кто был не в состоянии быстро поднять свое хозяйство до зажиточного уровня, существовал батрачеством и жаждал силового имущественного уравнивания. Например, в Канском уезде, ставшем в 1919 году одним из центров антиправительственного сопротивления, переселенцев было 76%³⁸⁹. И для «свежих» переселенцев стремление пожить в условиях резкого ослабления государственных и моральных устоев – за счет богатого казачества, крестьян, горожан, а также «инородцев» оказалось серьезнейшим побудительным мотивом участия в красном повстанчестве.

Постепенное размывание патриархальных устоев во второй половине XIX века разрушало привычные семейные и общинные связи, значительно повысило уровень конфликтности и уголовной преступности. Уже в предреволюционные годы тревожно выглядела эскалация насилия в конфликтных ситуациях между сельскими обществами и властью. Так, в 1908–1916 годах в Томской губернии «в 70 случаях, т. е. в каждом четвертом, волнения сопровождались нападением или сопротивлением» по отношению к властям. Если в 1861–1904 годах в этой губернии зафиксировали один случай массовых выступлений, то в 1908–1916 годах – более десяти, с 29 погибшими из числа полицейских, чинов лесной стражи, сельских старост и других представителей администрации (еще 89 было ранено или избито); крестьяне же потеряли убитыми 13 и ранеными 14 человек³⁹⁰. Таким образом, жестокость народная значительно превосходила государственную.

Мировая война стала детонатором нараставшего бунта низов. Слабая буржуазная прослойка оказалась атакована массами, жаждавшими уравнивания; между тем даже в зажиточной Сибири перед Первой мировой войной численность средней и крупной буржуазии составляла всего 60 тыс. человек³⁹¹. Многочисленные демобилизованные и дезертировавшие солдаты – к 1918 году во многих деревнях основная часть трудоспособного мужского населения – были средой, легко превращавшейся в радикально настроенную и крайне агрессивную толпу. С лета 1914 года волна солдатских бунтов стала соединяться с частыми городскими погромами со стороны низов³⁹².

Такая социальная поляризованность в сочетании с обильным уголовным элементом, всегда готовым объединиться в шайки и чутко реагирующим на любое ослабление правоохранительной системы, рождала в социуме напряжение, чреватое анархическим взрывом. «В октябре

³⁸⁷ Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья. С. 127.

³⁸⁸ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. С. 308.

³⁸⁹ Партизанское движение в Сибири / Центархив; подгот. к печ. А. Н. Туруновым. М.; Л., 1925. Т. 1. Приенисейский край. С. 6.

³⁹⁰ Шиловский Д. М. Крестьянские выступления 1861–1916 гг. в Томской губернии как форма правонарушений // Вопросы истории Сибири XX века: Межвузовский сб. научных трудов. Новосибирск, 1999. С. 49.

³⁹¹ Мосина И. Г., Рабинович Г. Х. Буржуазия Сибири в 1907–1914 гг. // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982. С. 111.

³⁹² Шиловский М. В. Массовые беспорядки среди мобилизованных в Сибири во второй половине июля 1914 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 84–88.

1916 года петроградец С. Облеухов писал В. М. Пуришкевичу: „Меня в ужас приводит настроение улицы. <...> Улица превратилась в клуб, где недовольство и возмущение объединяет всех и вся. Нужна только малейшая искра, чтобы начались поголовные погромы“»³⁹³.

Сильно отягчало ситуацию присутствие огромной прослойки маргинализированных профессиональных и полупрофессиональных революционеров: к началу 1917 года в России имелось много более 100 тыс. человек, проникнутых идеей разрушения и прямо причастных к террористическим организациям эсеров³⁹⁴, анархистов и большевиков, причем подавляющая их часть находилась на свободе. Эти личности, и идейные, и беспринципные, но одинаково напитанные энергией отрицания, смешались с уголовниками и различного рода авантюристами, составив кадры революционного элемента. Численность профессиональных уголовников подскочила в результате мартовской амнистии Временного правительства, когда на свободу было выпущено около 90 тыс. осужденных (почти три четверти от числа всех содержавшихся в местах лишения свободы), включая около 15 тыс. бандитов, убийц, грабителей. Количество убийств по стране увеличилось в революционный период в 10 раз, а бандитских нападений и грабежей – в 14 раз³⁹⁵. Свою роль в радикализации социума сыграло и наличие примерно 0,5 млн психических больных³⁹⁶.

Ряд особенностей коммунистической партии (радикализм программы, жесткая внутрипартийная дисциплина, значительная доля молодежи, люмпенов и маргиналов, агрессивная субкультура и др.) являлись своеобразным коэффициентом, увеличивающим степень влияния большевиков на социальные процессы³⁹⁷. Левые эсеры, впоследствии активно работавшие в ВЧК-НКВД, были не менее радикальны, чем большевики, и тоже разделяли идеи глобальной социальной чистки. Приказ командующего большевистскими армиями, воевавшими с войсками Центральной рады, эсера М. А. Муравьёва, отданный 4 февраля 1918 года перед штурмом Киева, среди прочего гласил: «Войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и врагов революции»³⁹⁸. Нарочито расплывчатый термин «враг революции» позволял максимально расширить число подлежащих уничтожению.

Значительная часть общества под влиянием большевистской, левозэсеровской и анархистской пропаганды желала насильственного передела собственности, сочувственно воспринимала идеи не только экспроприаций и дележа «награбленного», но и социальных чисток. Идея таких кампаний по физическому истреблению «врагов» витала в воздухе, подкрепляясь авторитетом большевистских вождей, их заявлениями (от раннего высказывания Ленина об «очистке земли российской от всяких вредных насекомых» до предсмертных его слов вроде «очистим Россию надолго» и «мы еще вернемся к террору»), популяризировалась в прессе и постоянно реализовывалась в самых устрашающих формах.

Идею классового противостояния большевики не привнесли извне. Они только укрепили и развили, четко сформулировали и оформили то, что присутствовало уже в определенном слое городских и сельских жителей. «...Лидеры советской власти являлись носителями того антибуржуазного сознания, которое было широко распространено в разночинской массе...

³⁹³ Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 23.

³⁹⁴ См.: Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.

³⁹⁵ Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980. С. 185; Корецкий Д. А., Пособина Т. А. Современный бандитизм: криминологическая характеристика и меры предупреждения. СПб., 2004. С. 39.

³⁹⁶ Аксёнов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. С. 924.

³⁹⁷ Вебер М. И. Уральская провинция в начале Гражданской войны (на материалах Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии) // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 74.

³⁹⁸ Антонов-Овсеев В. А. Записки о гражданской войне. М., 1924. Т. 1. С. 154.

населения»³⁹⁹, давшей много революционных активистов. Большевики как никто, если говорить словами О. Мандельштама, «считали пульс толпы и верили толпе». Они оседлали анархическую стихию разбуженной черни и, хотя сами нередко страдали от ее необузданности, постепенно все более уверенно растравляли и направляли эту разрушительную мощь против бесчисленных врагов своего режима. Н. Н. Берберова писала, что «сермяжный демос шел в историю, сметая все... на своем пути»⁴⁰⁰. Белый генерал констатировал, что в 1917 году «... народное море кипело волнами зависти, жадности и беспросветного шкурничества темных масс. Этим элементам революции вторили гибкая подлость и недоумие людей более образованных, но по тем или иным соображениям примыкавших к революции»⁴⁰¹.

Историк С. Б. Веселовский фиксировал в дневнике 20-х годов: «Взбунтовавшиеся низы снесли все начисто, не разбирая правых и виноватых, доброе и дурное. В своем существе наша революция глубоко реакционное движение. В основе ее – злоба первобытного, ленивого и распущенного дикаря против дисциплины и субординации...»⁴⁰² Ной Жордания указывал на черты «низовой» архаики, скрывавшиеся под новой политической формой: «...власть советов – это шаг назад, к дореволюционной деревне; это реакция мужика и мужиковатых рабочих против современной формы правления, против западной политической культуры»⁴⁰³.

Крестьянский «черный передел» в европейской части страны в 1917 году уничтожил помещичье хозяйство и, вкупе с кровавыми расправами толпы над офицерами и жандармами сразу после Февраля, показал большевикам огромный потенциал ненависти низших классов к высшим. В Лохвицком уезде Полтавской губернии было разграблено имение известного экономиста М. И. Туган-Барановского, причем его семья рассказывала, что «местный Совет нанял баб, чтобы они рвали и жгли библиотеку»⁴⁰⁴. Мужики стремились разорить городских хозяев начисто, чтобы те никогда уже не вернулись.

С марта 1917 года из лесничеств Алтая в Барнаул шли сообщения о захвате казенных и казачьих земель крестьянами, об их отказе платить за аренду земли⁴⁰⁵. Лесничество Алтайского округа фиксировали полное игнорирование закона Временного правительства от 1 июня 1917 года о лесопользовании: «Крестьяне упорно... захватывают казенные земли и леса или, что чаще делают, делят их „по душам“, рубят и везут. Лесничий за попытку противодействовать этим захватам был арестован и „препровожден при пакете“ в Барнаульский Совет солдатских и рабочих депутатов»⁴⁰⁶.

В конце октября 1917 года атаман одного из казачьих поселков станицы Верхне-Алейской жаловался в Войсковую управу Сибирского казачьего войска на окрестных крестьян: «Нет никакой возможности охранять лес... похитители собираются шайками. При преследовании их, они набрасываются с топорами... Крестьяне... не понимают никаких распоряжений начальства... не делают захватов чужих земель и губления лесов. Но эти отщепенцы, крестьяне разоряют [страну] внутри, а дети ихние и братья самовольствуют на фронте...»⁴⁰⁷

³⁹⁹ Рышков В. М. Репетиция классовой ненависти: сельская жизнь в описаниях корреспондентов кооперативных журналов в предреволюционную и революционную эпоху // Человек – текст – эпоха: Сб. научных статей и материалов / Ред. В. П. Зиновьев и др. Томск, 2008. С. 241.

⁴⁰⁰ Берберова Н. Н. Курсив мой. Нью-Йорк, 1983. Т. 1. С. 94.

⁴⁰¹ Кислицын В. А. В огне Гражданской войны: мемуары. Харбин, 1936. С. 5.

⁴⁰² Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 114.

⁴⁰³ Жордания Н. Большевизм. Берлин, 1922. С. 37, 68.

⁴⁰⁴ «Настал 1918 год, и забунтовала Украина». Из воспоминаний А. С. Яроцкого / Публ. Т. И. Исаева и А. А. Чернобаева // Исторический архив. 2019. № 1. С. 18.

⁴⁰⁵ Клушин Д. В., Скубневский В. А., Храмов А. А. Революционные события на Алтае. Барнаул, 1987. С. 40.

⁴⁰⁶ Борьба трудящихся за установление советской власти на Алтае (1917–1920): Сб. документов / Под ред. Ф. А. Иванова. Барнаул, 1957. С. 39.

⁴⁰⁷ Исаев В. В. Казачество Бийской линии. С. 78.

В городах тоже бушевали толпы; правительство теряло нити управления. В Калуге местные большевики, пользуясь своим влиянием на полковые комитеты гарнизона, 20–21 сентября 1917 года провели – без всяких правил – досрочные выборы совета солдатских депутатов. Итогом стали его большевизация и отмежевание от Совета рабочих и крестьянских депутатов. Отказавшись выполнять требования властей, солдатский совет игнорировал боевые приказы об отправке маршевых рот на фронт, под угрозой погромов вымогал деньги у частных лиц, силой освободил из тюрьмы четырех преступников-анархистов и сместил ее начальника⁴⁰⁸. На основе подобных эпизодов М. В. Шиловским и другими высказано мнение о том, что четкого двоевластия в 1917 году на местах не существовало, а было многовластие различных государственных и самостоятельных структур, таких как правительственные комиссары, комитеты общественной безопасности, советы, городские думы, земства, партийные комитеты⁴⁰⁹.

Большевиками урок растущей народной ненависти был отлично усвоен и всемерно пропагандировался. Чекист М. Я. Лацис откровенно писал об обстановке конца 1917 – первой половины 1918 года: «В те дни объявить гражданина врагом народа было равносильно присуждению к смерти. Революционное правосудие не было еще введено в рамки советского аппарата. Каждый революционно-настроенный гражданин считал своей высшей обязанностью расправиться с врагами народа»⁴¹⁰.

Как это выглядело в глубинке, говорит такой факт. Жители деревни Кочановки Льговского уезда Курской губернии убили в начале 1918 года старого князя Николая Владимировича Гагарина и его зятя, офицера-капитана Чабовского, перебили любимых княжеских собак и зарыли всех убитых вместе с собаками в саду⁴¹¹. По подсчетам С. В. Леонова, с 25 октября 1917 по февраль 1918 года, по неполным сведениям, в ходе антирелигиозных акций было убито свыше 120 представителей церкви и мирян; в Воронеже, Туле, Нижнем Новгороде и городах помельче были расстреляны или разогнаны крестные ходы⁴¹². Волнения в Сормове в марте 1918 года начались с похорон видных местных эсеров Чернова и его жены, убитых красновардейцами⁴¹³. «Известия» весной 1918 года одобительно писали: «Беспощадная гражданская война принимает все более и более широкие размеры... Беднейшие крестьяне села Смирнова решили в борьбе с кулаками применить террор. После того как было убито 12 кулаков, остальные пошли на уступки...»⁴¹⁴.

Высказано обоснованное мнение, что первоначально террор носил еще стихийный, «„инициативный“ характер» и что «большевики делали ставку... на „народный“ (пролетарский) террор... „снизу“, что могло ошеломить их противников куда серьезней, нежели юридически более или менее обоснованное насилие со стороны власти»⁴¹⁵. Однако с первых дней работы советские вожди требовали именно насилия. В телеграмме от 26 ноября 1917 года

⁴⁰⁸ Белова И. Б. Гражданская война в Калужской губернии // Вестник Тверского государственного университета. 2020. № 3. С. 127.

⁴⁰⁹ Звягин С. П., Макарыч С. В. Томская губерния в переломный момент истории: общественно-политическая жизнь в марте 1917 – ноябре 1918 гг. (Рец. на монографию и докторскую диссертацию В. А. Дробченко) // Гуманитарные науки и образование в XXI в. (история, молодежная политика, туризм): Междисциплинарный сб. научных статей / Отв. ред. А. А. Зеленин и др. Кемерово; Орел, 2017. Ч. 1. С. 142.

⁴¹⁰ Лацис М. Тов. Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 83–84.

⁴¹¹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 169. Л. 17.

⁴¹² Леонов С. В. Начало антицерковного террора в период Октябрьской революции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. 2016. Вып. 6 (73). С. 84.

⁴¹³ Шубин А. В. 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019. С. 57.

⁴¹⁴ Известия ВЦИК. 1918. 2 апр.

⁴¹⁵ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 204; Булдаков В. П. Красная смута. С. 872.

главному комиссару Черноморского флота Совнарком требовал: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа»⁴¹⁶.

Среди жителей Сибири, географически сильно оторванной от России и связанной с центром тонкой нитью единственной железнодорожной магистрали, прежде всего сельское население восприняло крушение царской власти и последующие перевороты как возможность совершенно забыть об исполнении каких-либо обязательств по отношению к государству. Большевики и их союзники использовали пассивность крестьянства для сосредоточения усилий по строительству аппарата большевистской диктатуры в городах. Соппротивление мыслящего класса вызывало сильнейшую неприязнь победителей. В Омске железнодорожных чиновников заставили приступить к работе под угрозой расстрела, а 120 человек были преданы суду революционного трибунала. На Кольчугинском руднике совдеп на угрозу забастовки служащих ответил объявлением, что «если кто-то из служащих не выйдет на работу, то будет разыскан и немедленно брошен в шахту». На Анжерских копиях местный совет арестовал весь технический персонал, который был освобожден только после вмешательства губернских властей, опасавшихся полной остановки работ. Ачинский уездный съезд учителей, отказавшийся признать советскую власть, был в конце мая 1918 года распущен местным совдепом, а 14 делегатов арестованы и отправлены на только что возникший Чехословацкий фронт для рытья окопов⁴¹⁷.

Божак черемховских шахтеров анархист А. Н. Буйских непринужденно замечал, что после захвата власти в Черемхово они применяли к своим критикам «оздоровляющий рецепт» – «10 или 15 дней заключения в... собачьем ящике»⁴¹⁸. Желаящих не только арестовывать, но и уничтожать своих противников было более чем достаточно. Мемуарист В. Чащин так вспоминал о председателе Верхнеудинского совета В. М. Серове, убитом белыми: «За... контрреволюционную деятельность было решено арестовать около 200 человек офицеров и прапорщиков. Плохая бы их участь ожидала, но Василий Матвеевич и тут стал на защиту их, стараясь миновать крови, и медлил в отношении ареста и довел тот список до 30 человек, да в сущности и последние 30 человек не были арестованы»⁴¹⁹. Тем не менее есть сведения, что большевики к лету 1918 года успели ликвидировать около 150 жителей Верхнеудинска⁴²⁰.

Практика сибирских коммунистов в конце 1917 и весной–летом 1918 года затронула в большей степени города и окрестные территории, подвергшиеся первым значительным конфискациям имущества, чрезвычайному обложению, реквизициям продовольствия, а также прямым грабежам и арестам. Уже в конце 1917 года в Прибайкалье сетовали на действия «разных самочинных групп», которые «в далеких деревнях, в двухстах верстах от железной дороги, организовывали из солдат, возвратившихся с фронта, „фронтовые комитеты“, „комитеты солдатских депутатов“, вводили налоги... с одной целью – вознаградить вернувшихся с фронта за понесенные ими убытки»⁴²¹. Как вспоминал лидер Каменского совета Алтайской губернии И. В. Громов, в этот период в уезде из-за самозахватов земли переселенцами «нередко происходили драки и убийства»⁴²².

⁴¹⁶ Бобков А. А. Разворот солнца над Аквилонем вручную. Феодосия и феодосийцы в Русской смуте. Год 1918. Феодосия; Симферополь, 2008. С. 112.

⁴¹⁷ Дробченко В. А. Политические позиции сибирской интеллигенции в марте 1917 – ноябре 1918 г. // Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века: Сб. научных трудов. Новосибирск, 2011. С. 94–98.

⁴¹⁸ Буйских А. Н. Революционные очерки. Из воспоминаний за 25 лет. Новониколаевск, 1922. Кн. 1. С. 62–63. Собачьим именовался особый ящик под некоторыми пассажирскими вагонами, предназначенный для перевозки мелких домашних животных.

⁴¹⁹ Красная Голгофа. Сборник, посвященный памяти товарищей, погибших за рабоче-крестьянское дело / Под ред. И. Жуковского и З. Макина. Благовещенск, 1920. С. 87–88.

⁴²⁰ Bisher J. White Terror. P. 57–58.

⁴²¹ Булдаков В. П. Красная смута. С. 204.

⁴²² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1073. Л. 10.

Но в целом глубинка, защищенная расстояниями от реквизиционных отрядов, толком узнать о большевиках не успела. Современный автор заметил, что весной 1918 года сибирское общество переживало спад интереса к политике и ослабление революционаристского настроя, а «сопротивление большевизму в Сибири вплоть до... начала мятежа Чехословацкого корпуса не отличалось ни особой ожесточенностью, ни большим числом жертв», поскольку сибирская деревня еще не втянулась основательно в Гражданскую войну⁴²³. Частые антибольшевистские восстания и выступления обычно не отличались многочисленностью. Однако коммунистическая власть и ее оппоненты летом 1918 года смогли вовлечь активную часть населения в вооруженное противостояние.

---

⁴²³ Ларьков Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири. С. 154–155.

Глава 2

ЗАПРОГРАММИРОВАННОЕ НАСИЛИЕ

*...Ничего в мире не может быть ограниченнее и бесчеловечнее,
как оптовые осуждения целых сословий по надписи, по нравственному
каталогу, по главному характеру цеха. Названия – страшная вещь.
А. Герцен. Былое и думы*

Левый экстремизм в России имел глубокие корни в антибуржуазных настроениях основной части населения, включая многих интеллигентов, воспринявших идеи марксизма в качестве новой и суровой религии (впрочем, еще декабрист П. Пестель в своем конституционном проекте «Русская правда» утверждал, что общественное благо возможно лишь при строгой дисциплине, для чего необходима сильная политическая полиция, способная к массовому сыску). Пример А. Н. Радищева, ужаснувшегося якобинскому террору, оказался не востребованным.

О пристрастном отношении классиков марксизма к насилию, которое они признавали «повивальной бабкой истории», свидетельствуют их вполне определенные высказывания. В мае 1849 года Маркс говорил в «Новой Рейнской газете» о «революционном терроризме» как о единственном средстве «сократить, упростить... кроважную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества» и притом угрожал правительству: «Мы беспощадны и... не будем прикрывать терроризм лицемерными фразами»⁴²⁴. Энгельс в письме соратнику-эмигранту в апреле 1853 года спокойно рассуждал о скорых и беспощадных «коммунистических опытах», диктуемых революционным нетерпением: «...под давлением пролетарских масс... мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы... наступит реакция и... нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже»⁴²⁵.

Марксисты и народники изначально относились к перспективе как национального, так и мужицко-пролетарского террора спокойно. Впитавший гегелевскую идею об «исторических» и «неисторических» народах Энгельс в начале 1849 года уверял, подразумевая в основном славян: «В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом»⁴²⁶. В конце 1858 года Маркс в статье «Об освобождении крестьян в России» предсказывал скорое кровавое крестьянское восстание в ответ на недостаточно радикальные предложения Главного комитета, занимающегося реформой: «...настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории...»⁴²⁷.

Однако ленинцы вели свою генеалогию не только от Маркса с Энгельсом, но и от еще более крайних радикалов – вроде немецкого революционера К. Гейнца (1809–1880), который, по цитате, приводимой А. И. Герценом, полагал, что «...достаточно избить два миллиона человек на земном шаре – и дело революции пойдет как по маслу»⁴²⁸. Правда, Гейнцен выглядел довольно умеренно по сравнению с иными русскими революционерами. О неизбежности грядущего революционного террора в 1852 году писал своей возлюбленной Н. Г. Чернышев-

---

⁴²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. М., 1957. С. 548.

⁴²⁵ Там же. М., 1962. Т. 28. С. 490–491.

⁴²⁶ Там же. Т. 6. С. 186.

⁴²⁷ Там же. М., 1958. Т. 12. С. 701.

⁴²⁸ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах. М., 1956. Т. 10. С. 60.

ский: «Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня»⁴²⁹. А П. Н. Ткачёв, озлобленный тюремным заключением, некоторое время считал, что для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет⁴³⁰.

Поклонялись террору и другие виднейшие русские революционеры. Так, Н. В. Шелгунов писал: «Если... пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно»⁴³¹. А П. Г. Заичневский был уверен: «...прольется река крови... погибнут, может быть, и невинные жертвы... <...> ...Бей императорскую партию... бей на площадях... бей в домах, бей в тесных переулках... бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами»⁴³². Процесс над группой С. Г. Нечаева оказал сильное влияние на тогдашних молодых народников, и сын помещика В. К. Дебогорий-Мокриевич вспоминал: «...в вопросе об убийстве [студента] Иванова после размышлений мы... признали справедливым принцип – „цель оправдывает средства“»⁴³³. Полная аморальность подобных ультрареволюционеров привлекала Ленина⁴³⁴, особенно восхищавшегося фигурой кровавого демагога Нечаева и не забывавшего повторять бакунинско-нечаевский тезис о том, что нравственно все, способствующее торжеству революции.

Большевики буквально молились на опыт террора якобинцев, копируя его, где только возможно. Весьма образованные деятели Французской революции дали множество примеров палаческого неистовства. Якобинец Ошар писал другу после массовой казни: «Какое наслаждение испытал бы ты, если бы видел осуществление национальной справедливости над 209 мерзавцами! Что за зрелище, достойное свободы! Дело пойдет!» Кутон, ратуя в Конвенте за увеличение числа казней, настаивал: «...время, необходимое для наказания врагов, не должно быть больше времени, необходимого для их опознания». Марат каждый день требовал «убийств, убийств и убийств!»⁴³⁵.

Ультрарадикальные настроения были и у многих эсеров: в 1907 году вышла брошюра старого революционера и эсера-максималиста М. А. Энгельгардта (укрывшегося под псевдонимом) «Очистка человечества», где последнее делилось на две подлинные расы – «лучшую», «высшую» и т. п. (расу приличных людей) и «худшую», «низшую» (расу негодяев), причем принадлежность к расе рассматривалась как наследственная. Автор предлагал физически уничтожить всю расу негодяев, к которой относил 7,5 млн сторонников «Союза русского народа»⁴³⁶. В. А. Поссе отмечал, что Энгельгардт был сторонником массового красного террора и в своих статьях периода первой русской революции «даже высчитал, что для укрепления социалистического строя в России необходимо уничтожить не менее двенадцати миллионов контрреволюционеров, к которым он причислял кулаков и почти всех казаков, не говоря уже о помещиках, банкирах, фабрикантах и попах»⁴³⁷.

В большевизме, сочетавшем открытое анархическое стремление к разрушению старого⁴³⁸ и прикрываемое (демагогией о грядущем царстве свободы) тоталитарное намерение строить идеократическую диктатуру, массы увидели ответ на свое желание покончить с прежними

⁴²⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 418–419.

⁴³⁰ Анненская А. Из прошлых лет // Русское богатство. 1913. Кн. 1. С. 62.

⁴³¹ Утопический социализм в России: Сб. документов / Под ред. А. И. Володина. М., 1985. С. 316.

⁴³² Там же. С. 330, 334.

⁴³³ Гамбаров А. В спорах о Нечаеве: к вопросу об исторической реабилитации Нечаева. М.; Л., 1926. С. 27.

⁴³⁴ О Ткачёве как о предшественнике Ленина см.: Karpovich M. A Forerunner of Lenin: P. N. Tkachev // Review of Politics. 1944. Vol. 6. P. 336–350.

⁴³⁵ Сорокин П. А. Социология революции. С. 145, 146.

⁴³⁶ Павлов Ив. [Энгельгардт М. А.] Очистка человечества. М., 1907. С. 24.

⁴³⁷ Поссе В. А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917). М.; Л., 1929. С. 407.

⁴³⁸ В белой прессе был распространен термин «анархо-большевизм».

порядками во имя торжества ничем не ограниченной вольницы. В апреле 1920 года В. И. Вернадский записал в дневнике, что идейное в большевизме оказывается органично связано «с восстановлением пыток, форм рабства и введением смертной казни как систематического способа управления»⁴³⁹.

Современные исследователи, оценивая роль террора в большевистской доктрине, отмечают, что «только большевикам во главе с Лениным удалось соединить радикальный утопизм с исключительно трезвым пониманием механизмов насилия», победа же большевиков была во многом связана с тем, «что они обеспечили гораздо большее государственное насилие по отношению к своим врагам, населению в целом, чем их противники»⁴⁴⁰. Ленин задолго до Октября считал, что лишь массовый, «всенародный» террор способен «обновить» страну.

Хотя большевики не признавали эсеровской политики индивидуального террора, Ленин очень положительно воспринял размах эсеровского бандитизма в годы первой революции, когда тот затронул тысячи военнослужащих и чиновников. Поэтому два года, с лета 1905-го по лето 1907-го, Ленин, по замечанию еще советского историка, «ни разу не характеризовал эсеров как террористов»⁴⁴¹. В сентябре 1906 года он писал, что партийная печать «давно уже... указывала на то, что беспощадное истребление гражданских и военных начальников есть наш долг во время восстания. <...> И та партизанская война, тот массовый террор, который идет в России повсюду почти непрерывно после декабря [1905 года], несомненно помогут научить массы правильной тактике в момент восстания. Социал-демократия должна признать и принять в свою тактику этот массовый террор. Разумеется, организуя и контролируя его...»⁴⁴².

Поражение первой русской революции объяснялось, по мнению Ленина, и недостаточной решительностью восставших. В апреле 1917 года он четко указывал на то, что «пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти». А на III съезде Советов в январе 1918 года Ленин провозгласил: «Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров, – да, мы за такое насилие!»⁴⁴³. Поощряя ограбление высших классов, Ленин 5 февраля 1918 года в Петрограде публично заявил: «Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? – старик ответил: да, мы грабим награбленное»⁴⁴⁴. По итогам революционных лет в «Письме немецким коммунистам» в августе 1921 года Ленин высказался о классовой ненависти: она «самое благородное, самое великое чувство лучших людей из угнетенной и эксплуатируемой массы...»⁴⁴⁵.

Ленин ненавидел не только царскую Россию и Россию при Временном правительстве – он беспощадно отрицал весь мировой порядок вещей. Отношение к России как к спичке для костра мировой революции подразумевало предельно легкое отношение и к судьбам всех, кто окажется свидетелем, а тем более противником социального переворота. Коммунистические лидеры воспринимали себя своеобразными «санитарами истории»: они очищали территории, «зараженные» повстанчеством, анархией, нелояльностью⁴⁴⁶. Троцкий откровенно написал о

⁴³⁹ Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993. С. 208.

⁴⁴⁰ Люкс Л. Интеллигенция и революция: летопись триумфального поражения // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 14; Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997. С. 339.

⁴⁴¹ Афанасьев А. Л. В. И. Ленин об эволюции и деятельности партии социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции: из истории Сибири. Томск, 1976. С. 262–263.

⁴⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1960. Т. 13. С. 373, 375.

⁴⁴³ Там же. М., 1962. Т. 31. С. 147; М., 1962. Т. 35. С. 265; Т. 41. С. 383.

⁴⁴⁴ Там же. Т. 35. С. 327.

⁴⁴⁵ Там же. М., 1964. Т. 44. С. 89.

⁴⁴⁶ Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1998. С. 204.

Ленине, что он, как никто «понимал еще до переворота, что без расправы с имущими классами, без мероприятий самого сурового в истории террора никогда не устоять пролетарской власти...»⁴⁴⁷.

Ленин и многие его соратники были абсолютно согласны с теоретическими обоснованиями красного террора, зафиксированными в таких известных работах, как написанная Троцким брошюра «Терроризм и коммунизм» и бухаринская «Экономика переходного периода». Начальник Главлита П. И. Лебедев-Полянский в декабре 1921 года назвал брошюру Троцкого «прекрасной» – за оправдание в ней коммунистического насилия⁴⁴⁸. Не возражали вожди и идеологи Г. Е. Зиновьеву, печатно объявившему о необходимости истребить десятую часть населения России⁴⁴⁹, враждебную большевикам.

Требую подавления контрреволюции, на V Всероссийском съезде Советов 5 июля 1918 года Ленин заявил: «Ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение»⁴⁵⁰. Придя к власти, большевики тут же легитимизировали террор, сначала де-факто, о чем откровенно писал тот же Лацис, восхищаясь фигурой Ф. Э. Дзержинского, «напросившегося на работу по водворению порядка в стране», занявшего «обрызганное кровью» кресло главы ВЧК и «шедшего в разрез с буквой закона, но действовавшего согласно своему классовому правосознанию и совести»: ситуация первых месяцев после Октября требовала предоставить чекистам право непосредственной расправы⁴⁵¹.

Лацис откровенно поведал о том, как «...жизнь заставила присвоить революционным путем [аппарату ВЧК] право на непосредственные расправы. <...> По предложению Малого Совнаркома, Совнаркомом в мае [1918 года]... принято постановление, объявляющее врагами народа действующие против Советской власти партии. Это постановление не было опубликовано, но о нем знали. <...> ...Поэтому тов. Дзержинский руководствовался партийной директивой и каждый раз применял ее, согласно требованиям момента»⁴⁵².

Руководство партии всегда имело в виду, что террор не только запугивает, но и служит лучшим средством для грандиозных социальных чисток. Задолго до официального объявления красного террора советские деятели на местах развязывали себе руки, ориентируясь где на точечный, а где и на широкомасштабный террор. В январе 1918 года председатель Севастопольского ревкома Ю. П. Гавен приказал расстрелять более 500 офицеров⁴⁵³. Повествуя о своем участии в «Варфоломеевской» ночи в Севастополе в феврале 1918 года, главный комиссар Черноморского флота В. В. Роменец констатировал «жестокую расправу с врагами рабочих и крестьян», когда 386 уничтоженных были выброшены в открытое море⁴⁵⁴. Член Севастопольского совета Рябоконь публично заявлял: «Всю буржуазию надо расстрелять. Теперь мы сильны, вот и режем. Какая же это революция, если не резать буржуев?»⁴⁵⁵ В Ростове, остав-

⁴⁴⁷ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. М., 1990. Т. 1. С. 135.

⁴⁴⁸ Полянский В. [П. И. Лебедев] На литературном фронте: Сб. статей. М., 1924. С. 171.

⁴⁴⁹ Северная коммуна. Пг., 1918. 19 сент. № 109.

⁴⁵⁰ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 212, 213; Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. С. 503, 504.

⁴⁵¹ Лацис М. Тов. Дзержинский и ВЧК. 1926. № 9. С. 81, 83–84, 85.

⁴⁵² Там же. С. 85, 89.

⁴⁵³ Родина. 1992. № 4. С. 100–101.

⁴⁵⁴ Пученков А. С. 1920 год: агония белого Крыма // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век / Сост. А. А. Иванов. СПб., 2018. С. 197.

⁴⁵⁵ Королёв В. И. Черноморская трагедия (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). Симферополь, 1994. С. 62.

ленном белыми в феврале 1918 года, было убито, по сведениям самих большевиков, около 3 тыс. офицеров⁴⁵⁶ – примерно каждый пятый военный.

Еще в декабре 1917 – январе 1918 года, например, по Екатеринбург ушла волна обысков и арестов: только 14 декабря арестовали около 100 человек, изъяв большое количество ценностей⁴⁵⁷. Дальше жестокость преследований нарастала. В январе 1918 года уральцы арестовали и при конвоировании застрелили двоюродного брата Ленина – кадета Виктора Ардашева – и долго это скрывали, несмотря на запрос вождя о судьбе родственника. Когда же ответ пришел, в нем значилось, что В. А. Ардашев «убит при попытке к бегству» – выстрелами в лицо и грудь. Полгода спустя был убит и племянник Ардашева Юрий – как офицер⁴⁵⁸.

Момент, когда почувствовалась целесообразность именно массовых казней, наступил очень скоро, и летом 1918 года вожди большевиков стали требовать больше крови. В письме Г. Е. Зиновьеву 26 июня 1918 года Ленин, обвиняя его и других членов Петроградского комитета РКП(б) в мягкотелости, настойчиво призвал «поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров...»⁴⁵⁹. Я. М. Свердлов на V Всероссийском съезде Советов 5 июля 1918 года с воодушевлением призвал «к самому резкому усилению массового террора против врагов Советской власти», уверяя, что «самые широкие круги рабочих и крестьян отнесутся с полным одобрением к таким мероприятиям, как отрубание головы, как расстрел контрреволюционных генералов и других контрреволюционеров»⁴⁶⁰.

Ленин, столкнувшись с параличом хлебозаготовок, распространял террор на провинцию и 11 августа 1918 года телеграфировал в Пензу, требуя в ответ на «кулацкое» восстание массовых публичных казней: «Повесить (неприменно повесить, дабы *народ* видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. <...> Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: *душат* и задушат кровопийц-кулаков. <...> Р. S. Найдите людей *потверже*»⁴⁶¹. Здесь мы видим, пожалуй, первый крупный конкретный лимит на уничтожение населения, данный верховной властью (пусть и проигнорированный недостаточно «твердыми» пензенцами, у которых на деле просто не было ресурсов для подавления восстания). Современный историк счел возможным так откомментировать ленинские пассажи: это-де «объяснимая реакция политического деятеля и эмоционального человека, который действовал в экстремальных условиях, под влиянием информации, полученной от доверенного источника и требовавшей незамедлительных мер. Она свидетельствует о его решимости и твердости, какие были присущи большевистскому руководству в целом и позволили победить своих политических противников»⁴⁶².

Развивая идеи вождей, М. Я. Лацис в августе 1918 года во всеуслышание заявил: «Установившиеся обычаи войны... по которым пленные не расстреливаются и прочее, все это только

⁴⁵⁶ Антонов-Овсенко В. А. Записки о гражданской войне. Т. 1. С. 266.

⁴⁵⁷ Кручинин А. М. Красный террор в Екатеринбурге: очерк о действиях советских репрессивных органов в декабре 1917 – июле 1918 гг. // Веси. 2018. № 9. С. 33.

⁴⁵⁸ Смыкалин А. С. Убийство двоюродного брата В. И. Ленина в январе 1918 г. в Екатеринбурге // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 115–119; Книга памяти: Екатеринбург репрессированный. С. 45.

⁴⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1965. Т. 50. С. 106.

⁴⁶⁰ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. 4–10 июля 1918 г. М., 1919. С. 49–50.

⁴⁶¹ Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 57.

⁴⁶² Кондрашин В. В. О телеграммах В. И. Ленина в Пензу в связи с крестьянским восстанием в селе Кучки // Российская история. 2020. № 2. С. 95. Ревизионизм Кондрашина охватывает все больше тем: от похвал Сталину за Гражданскую войну и борьбу с вредителями в сельском хозяйстве при помощи чекистов в МТС до уверений в том, что политика военного коммунизма исходила в основном не из доктрины, а из необходимости и была единственным спасением. См.: Он же. Экономическая политика советской власти в годы Гражданской войны // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории: Сб. материалов международной научной конференции / Сост. В. И. Голдин и др. М., 2020. С. 112–124.

смешно: вырезать всех раненых в боях против тебя – вот <...> ...смысл гражданской войны»⁴⁶³. После объявления красного террора в Петрограде там действовали, помимо чекистов, и самоорганизованные террористические рабочие отряды, помогавшие ПетроЧК. Большевик завода «Новый Лесснер» С. П. Петров писал, как рабочие объявили эсерам ответный террор: «Мы тогда не стеснялись – заядлых врагов топили в барках на Лисьем Носу... В день операции... ребята собираются вечером, я информирую их о том, что придется делать»⁴⁶⁴.

Выступивший осенью 1920 года на беспартийной рабочей конференции в Одессе С. И. Сырцов, защищая доклад председателя губЧК, сослался на мнение о недостаточной решительности яacobинцев при расправе над буржуазией, высказанное Марксом, Энгельсом «и другими» (не названными в газетном отчете) революционными деятелями. Сырцов процитировал их фразы, «в которых яркой чертой проходит мысль о необходимости применения террора». Меншевики же, протестовавшие против чекистских расправ, он обвинил в том, что они «не возражают против утверждения власти рабочих, но не хотят приложить своих рук к грязной кровавой работе, связанной с утверждением этой власти»⁴⁶⁵.

Уже после окончания Гражданской войны разрушительная беспощадность вождя пролетариата инстинктивно ощущалась, например, провинциальными художниками: «В Семипалатинске в одном клубе Ленин изображен в образе Ст. Разина с кистенем в руках...»⁴⁶⁶ Но и те авторы, чей вклад в отечественную культуру несомненен, поддались угару самоистребления и усердно размахивали литературным кистенем. Литературовед-марксист П. С. Коган, авансом благословляя будущее появление миллионов трупов, сразу после свержения царизма писал: «Как ни ужасна революция, как ни тяжело смотреть на... эти миллионы жертв, через которые шествует история, но если она начало бездны, в которую низвергнется весь этот расслабленный, никчемный мир, то ее надо благословлять». Вся пролетарская этика была нацелена на допущение миллионов жертв, «они закладывались в программу, нравственно санкционировались»⁴⁶⁷.

Творческая молодежь особенно охотно подхватывала идеи всеобъемлющего террора-чистки, навязываемые пропагандой. С. Есенин утверждал, что всегда чувствовал себя гораздо левее большевиков⁴⁶⁸. Поэт В. Князев осенью 1918 года требовал ставить к стенке контрреволюционеров («пуля в висок – и тело в песок»), В. Маяковский шел дальше, к идеям П. Ткачёва, требуя в «150 000 000» во имя революции безбрежного террора и уничтожения всех стариков: «Стар – убивать. На пепельницы черепа!» Зрелый Н. Клюев в стихотворении «Товарищ» (1918) не отставал: «Убийца красный – святей потира...»

Антибуржуазный пафос рождал в революционной среде теории, восходившие к ткачёвским и опиравшиеся на мнения, которые негласно обсуждались в большевистской верхушке. Нарком юстиции левый эсер И. Штейнберг сердито сказал Ленину, что его политика превращает Наркомат юстиции в наркомат социального уничтожения. В ответ вождь энергично заявил, что это совершенно верно, но по соображениям корректности придется оставить прежнее название⁴⁶⁹. Поэтому не удивляет, что в провинциальной прессе можно было встретить самые радикальные предложения. Например, публицист Э. С. Енчмен в брошюре, изданной Северо-Кавказским ревкомом, указывал на неизбежность «окончательного истребления, полного уничтожения буржуазии, включая и буржуазных интеллигентов»⁴⁷⁰.

⁴⁶³ Лацис М. Законы гражданской войны не писаны // Известия ВЦИК. 1918. 23 авг. № 181.

⁴⁶⁴ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 489.

⁴⁶⁵ Известия Одесского губревкома. 1920. 19 окт. № 276.

⁴⁶⁶ Копылов Н. На перевале // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 1. С. 162.

⁴⁶⁷ Михайлова М. Марксисты без будущего: марксизм и русская литературная критика (1890–1910-е гг.). М., 2017. С. 115.

⁴⁶⁸ Есенин С. А. Собр. соч. в пяти томах. М., 1968. Т. 5. С. 221.

⁴⁶⁹ Steinberg I. In the Workshop of the Revolution. London, 1955. P. 145.

⁴⁷⁰ Енчмен Э. Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» (Проект организации Революционно-Научного Совета

Идеи Енчмена и прочих не повисли в пустоте. Очевидно их влияние, как и влияние самой практики красного террора, и на молодого Андрея Платонова. Будущий классик неоднократно обосновывал в провинциальной прессе, в том числе и уже после провозглашения нэпа, необходимость немедленного массового террора: «Для осуществления коммунизма необходимо полное, поголовное истребление живой базы капитализма – буржуазии, как суммы живых личностей. <...> Только класс способный на великую ненависть, на великое зло, на преступление перед прошлым... способен победить и способен к счастью и добру. <...> Пролетарий не должен бояться стать убийцей и преступником и должен обрести в себе силу к этому»⁴⁷¹.

Прежняя эпоха была объявлена преступной, а низшие классы не только получили от власти разрешение на уничтожение высших, но и поощрялись к этому. В Советской России была сразу воспроизведена восточная деспотия «Чингисханов с телеграфом», поскольку революция рабов не может дать что-то более совершенное, чем система всеобщего холопства. Невольно вспоминается формула Сталина, декретированная в начале 30-х годов в пользу идеи революционных скачков, принудительно сменявших все эпохи, – ссылка на якобы революцию рабов, сокрушившую античный Рим⁴⁷². И если первый Рим сокрушили варвары, то третий Рим действительно оказался уничтожен охлосом, возглавленным радикальными интеллигентами. По мнению А. В. Блюма, большевики с целью деморализации общества обращались преимущественно к охлосу, «ставшему питательной средой и основной силой» Октябрьского переворота. Соглашусь и с точкой зрения Л. С. Клейна об охлократическом характере организации советской власти, а также с утверждением В. П. Булдакова, что сталинская деспотия выросла из революционной охлократии⁴⁷³.

Республики и введения системы физиологических паспортов). Пятигорск, 1920. С. 43.

⁴⁷¹ Платонов А. Коммунизм и сердце человека (В порядке дискуссии) // Свободный пахарь. Задонск, 1922. 6 янв. С. 3–4.

⁴⁷² См. скорый отклик: Мишулин А. В. Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в I веке до н. э. М., 1936.

⁴⁷³ Блюм А. В. От неолита до Главлита. М., 2009. Л. 55; Клейн Л. С. Трудно быть Клейном. С. 299; Булдаков В. П. От постреволюционного хаоса к сталинской диктатуре // Уроки Октября и практики советской системы, 1920–1950-е годы: история сталинизма. Материалы X Международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М., 2018. С. 156–166.

Часть II. От советского криминала к партизанскому

Глава 3

КРИМИНАЛ И ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Большевики спокойно проигнорировали предостережение от использования люмпенов, высказанное Энгельсом в предисловии к «Крестьянской войне в Германии»: «Всякий рабочий вождь, пользующийся этими босяками как своей гвардией или опирающийся на них, уже одним этим доказывает, что он предатель движения»⁴⁷⁴. Недаром еще в 1905 году Ленин писал о максимальном стремлении объять революционной работой всех, включая маргиналов: в большевистские комитеты должны войти «и крестьяне, и пауперы, и интеллигенты, и проститутки... и солдаты, и учителя, и рабочие...»⁴⁷⁵.

Советы были выдвинуты большевиками как форма марксистской диктатуры пролетариата, отрицавшей государство и нуждавшейся в народной власти и классовой армии в виде Красной гвардии. Практика быстро доказала, что террористические призывы Ленина и его соратников уничтожить старый мир насилием в отношении собственников и грабежом не остались абстракцией. Видный военный теоретик и исследователь Н. Головин впоследствии отмечал: «...страшную силу приобретали брошенные Лениным лозунги: „Грабь награбленное“ и “Режь буржуа”. Весь преступный элемент привлекался и в ряды большевиков и становился их соратниками. <...> Ленин получал многочисленнейший кадр сотрудников, которые были вездесущи и которые автоматически, в силу патологической психики масс, становились везде вожаками толп»⁴⁷⁶.

По мнению Н. С. Ларькова, организованность и своего рода разделение труда между маргинальными группами, когда профессиональные революционеры – мозговой центр, рабочие – социальная база леворадикалов, а солдаты – ударная сила, позволили большевикам почти беспрепятственно установить контроль над огромным Сибирским регионом, хотя на выборах в Учредительное собрание они получили здесь лишь 10% голосов. «Сравнительно небольшие, но наиболее активные, социально мобильные, амбициозно настроенные политические группы и слои населения навязывали свою волю основной его массе»⁴⁷⁷. Однако в это «разделение труда» непременно следует включить и воздействие криминального элемента, особенно активного в Сибири и на Дальнем Востоке.

Известны эпизоды, когда большевики умело действовали шантажом ради освобождения «классово близких» уголовников. Алтайский большевик Г. П. Теребило вспоминал, как в феврале 1918 года Славгородский совдеп послал в Карасукскую волость своего судью, который потребовал от местных «кулаков» освободить бедняков, арестованных за кражи. Ему стали угрожать. В ответ судья заявил о наличии в волости «контрреволюционного восстания». К нему на помощь приехал представитель уездного совета, и они вдвоем, столкнувшись с противодействием крестьян, отправили фиктивную телеграмму в Славгород с требованием при-

---

⁴⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 16. С. 418.

⁴⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1960. Т. 11. С. 223.

⁴⁷⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 1. М., 2011. С. 268.

⁴⁷⁷ Ларьков Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири. С. 44, 163.

слать отряд в 200 бойцов с пулеметами. Когда коммунисты рассказали об этом собравшимся крестьянам, те тут же повиновались и освободили арестованных воров⁴⁷⁸.

Британский дипломат и разведчик писал: «В эту раннюю эпоху большевизма опасность для телесной неприкосновенности и жизни исходила не от правящей партии, а от анархистских банд...»⁴⁷⁹ По мнению современного историка, пресловутое «триумфальное шествие Советской власти» в начальный период Гражданской войны было на деле «процессом беспорядочной расправы анархизирующих масс с контрреволюционерами – скорее потенциальными»⁴⁸⁰. Белое движение стало логичной самозащитой жизни и имущества от революционного насилия. Так, масштабное выступление донского казачества против красных являлось ответом на эпизоды большевистского террора против офицеров-казаков, священников и на повсеместное мародерство красногвардейцев⁴⁸¹.

В показаниях комсостава отряда А. С. Бакича прямо указывается на террор как причину присоединения офицерства к белым. Так, генерал-майор А. С. Шеметов утверждал, что он два с половиной месяца скрывался в лесу – до самого восстания чехословаков, – поскольку уральское население расправлялось с офицерами и их семьями. А когда 12 казаков станицы Петропавловской Оренбургского войска ушли добровольно сдаваться в станицу Карагольскую, их там зарубили. Всего же в Карагольской и Урлядинской было убито 20 казаков. Поводом для генерал-майора И. И. Терванда (Смольнина) присоединиться к белым стал «массовый расстрел без суда и следствия офицерства» в Саратовской губернии⁴⁸². Первый глава Совета рабочих депутатов в Петербурге Г. С. Хрусталёв-Носарь летом 1918 года писал, что «на развалинах былого величия» воцарились «опьяненный свободой илот и красногвардейская уголовщина...»⁴⁸³.

Придя к власти, большевики тут же узаконили террор, сначала де-факто, усиленно разжигая классовую ненависть. Военно-революционный комитет поселка Мотовилиха Пермской губернии в конце 1918 года печатно провозглашал: «Наши революционные совесть и долг велят нам расправляться со всеми палачами Русской и Международной революции, будь то сознательные палачи – буржуа, капиталисты и их наймиты, или бессознательные – темные рабочие и крестьяне»⁴⁸⁴. В апреле 1920 года Ленин вполне откровенно, как и позднее Бухарин, разъяснил значение казней классово близких, но «отсталых» лиц: «Про эти расстрелы мы открыто говорили... что мы насилие не прячем, потому что мы сознаем, что из старого общества без принуждения отсталой части пролетариата мы выйти не сможем»⁴⁸⁵. Л. Б. Каменев в июне 1920 года на пленуме Моссовета провозгласил: «Мы не буржуазия, а социалистическая республика и можем производить опыты, которых не в силах производить ни одно государство»⁴⁸⁶.

На местах эти социальные опыты производились политиками, которые управляли взбесившимися низами и нередко были тесно связаны с уголовщиной. В Харбине амнистированные каторжники с разрешения министра юстиции П. Н. Переверзева в 1917 году организовали

⁴⁷⁸ Папков С. А. Сибирская провинция в XX веке. Краснозёрский район в контексте российской истории. 2-е изд. Новосибирск, 2011. С. 28–29.

⁴⁷⁹ Локкарт Р. Буря над Россией. Рига, 1933. С. 227.

⁴⁸⁰ Булдаков В. П. Красная смута. С. 444.

⁴⁸¹ Holquist P. Making War, Forging Revolution. P. 148–151.

⁴⁸² Дело генерала Бакича: Сб. документов и материалов / Отв. ред. Д. Г. Симонов, А. И. Савин. Новосибирск, 2022. С. 100, 181.

⁴⁸³ Сверчков Д. Ф. Г. С. Носарь-Хрусталёв. Опыт политической биографии. Л., 1925. С. 47.

⁴⁸⁴ Известия. Пермь, 1918. 13 дек. (цит. по: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 392).

⁴⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1963. Т. 40. С. 308.

⁴⁸⁶ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. С. 240.

свой профсоюз⁴⁸⁷. В Барнауле в состав гордумы попал амнистированный в марте 1917 года каторжанин-уголовник Фролов, записавшийся в социал-демократы; по городу расхаживали и другие амнистированные уголовники с красными бантами на груди. Летом 1917 года депутат Томского народного собрания Л. А. Пичугин в селе Алтайском Бийского уезда не стеснялся в средствах: «С красными знаменами он и его приверженцы ходили по селу и арестовывали всех, стоящих на их пути»⁴⁸⁸.

Во властных структурах большевиков то и дело мелькали криминальные, опустившиеся личности, растратчики и мародеры, проводившие время в кутежах. Председатель Бакинского СНК С. Г. Шаумян в опубликованном газетном отчете о заседании Бакинского совета признавал, что к ним идет работать всякая шваль⁴⁸⁹. Он же 23 июня 1918 года предупреждал Ленина: «В Туркестане у нас не очень благополучно. Я говорю сейчас об ответственных работниках. Сюда приехала делегация во главе с „Чрезвычайным Комиссаром“ Дунаевым. Публика очень подозрительная. Пьянствуют, развратничают, тратят десятки тысяч. Приехавший на днях оттуда наш товарищ передает, что это общее явление в Ташкенте»⁴⁹⁰.

Знаток Туркестана Г. И. Сафаров пояснял, что в этом регионе до 1917 года не было левых партий и что они торопливо организовались из городских низов только с появлением Советов, из-за чего «партии большевиков и левых эсеров с первых же дней сделались пристанищем значительного количества авантюристов, карьеристов и просто уголовных элементов»⁴⁹¹. Грабежи со стороны русских красногвардейцев на фоне голода в селе привели к тому, что «...в мусульманской среде складывалось то роковое настроение по отношению к советской власти, которое выражалось в краткой формуле: „Скоро ли кончится русская слободка?“ – Русская слободка означала голодную смерть, красногвардейский налет на сложившийся веками национальный быт, расправы без разбора, поголовные конфискации и реквизиции, самочинные обыски»⁴⁹².

В большевистских совдепах и ревкомах Степного края и Туркестана заседали авантюристы и проходимцы всех мастей. О председателе Перовского уездисполкома Сырдарьинской области Сафаров писал: «В Перовске [современная Кызыл-Орда] сидел... [Иосиф] Гержот, приговоренный потом Реввоентрибуналом Туркфронта к расстрелу за свои „художества“, которые тысячам и десяткам тысяч киргиз стоили жизни»⁴⁹³. Гержот, скромный чиновник почтово-телеграфной конторы, став в конце 1917 года председателем Перовского уездного совдепа, безраздельно и жестоко правил уездом до октября 1919 года. Именно здесь на территории Туркестанской республики – раньше, чем где бы то ни было, – началось проведение военно-коммунистических мер по реквизиции частной собственности, когда насильно забирали последнее, вплоть до юрт. Казахскому кочевому населению, составлявшему подавляющее большинство жителей Перовского уезда, пришлось бежать, и при этой вынужденной откочевке многие погибли. Как свидетельствовали очевидцы, «...Перовский исполком наводил ужас на население уезда. Все те, кто осмеливался указывать на неправильность действий со стороны исполкома, расстреливались»⁴⁹⁴.

⁴⁸⁷ Воспоминания из архива генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата (часть 1) / Публ. А. В. Луговой // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 196.

⁴⁸⁸ Сибирская жизнь. Томск, 1917. 4 октября. № 215; 22 июня. № 132. (Цит. по: Захарова К. Л. Мимикрия как способ политической адаптации в постфевральском политическом пространстве Сибири (март–октябрь 1917 г.) // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: Сб. статей. Новосибирск, 2015. С. 59.)

⁴⁸⁹ Морозова О. М., Трошина Т. И. Тыл войны без фронта. С. 16.

⁴⁹⁰ Ленин и Шаумян: Сб. документов / Сост. Х. А. Барсегян. Ереван, 1980. С. 151–152.

⁴⁹¹ Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). М., 1921. С. 115.

⁴⁹² Там же. С. 132–133.

⁴⁹³ Цит. по: Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). Алматы, 1996. С. 157.

⁴⁹⁴ Медеубаев Е. И. Власть и социальные порядки в Степном крае и Туркестане в 1917–1921 гг.: механизмы и практики революционного насилия // 1917 год в российской провинции: Сб. научных статей международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Великой российской революции / Ред. О. А. Сухова. Пенза, 2017. С. 166–167.

Прочие руководители Перовского уезда подобрались под статью Гержоту: председатель уездкома партии Трефилов, председатель уездЧК Архипов, председатель продкомитета Дворцов, зампредисполкома Чипков. Все они вместе с Гержотом были арестованы Особой Чрезвычайной комиссией ТурЦИКа в декабре 1919 года. В соседнем с Перовским Казалинском уезде в марте следующего года эта комиссия расследовала преступную деятельность Османа Мирева на посту товарища председателя уездисполкома⁴⁹⁵.

Один из основателей казахской государственности и литературы Сакен Сейфуллин тоже, возможно, оказался причастен к криминалу, что не помешало ему стать главой правительства республики. Советский работник Д. Адилев показывал в ОГПУ: «Через нашу степь в Ташкент проезжал Сейфуллин. <...> Он отобрал у одного казаха деньги, попал в тюрьму. <...> Он после освобождения доказывал свою невиновность и вот на этом съезде [в декабре 1922 года] попал в председатели Совнаркома»⁴⁹⁶.

По свежим следам сами коммунисты национальных окраин очень резко оценивали деятельность собственных комитетов. А. Байтурсынов в статье «Революция и киргизы», опубликованной в газете «Жизнь национальностей» в ноябре 1919 года, писал так: «Наводила же на киргизов (казахов. – А. Т.) ужас октябрьская революция своими внешними проявлениями. <...> ...Насилиями, грабежами, злоупотреблениями и своеобразной диктатурой власти. Говоря короче, движение на окраинах часто представляло собой не революцию (как обычно она понимается), а полнейшую анархию»⁴⁹⁷. В 1920 году председатель ЦИК Калмыкии А. Чапчаев констатировал: «Большевизм калмыки понимали как вандализм, стремящийся все разрушить, уничтожить и сокрушить...»⁴⁹⁸

Низкие моральные качества были природными для коммунистической номенклатуры как для антиэлиты – в большинстве регионов СССР даже 10 лет спустя после победы коммунистов то и дело фиксировались властные «гнойники» с вопиющими случаями полного разложения подолгу безнаказанно безобразничавших представителей правящих структур. Обильное проникновение авантюрно-карьеристского и люмпенского элемента во власть стало характерным для всех регионов страны с первых месяцев после коммунистического переворота.

В хакаской части Минусинского уезда новая власть состояла из амнистированных при Временном правительстве уголовных ссыльных: «отпущенные с заводов», они «были единственными представителями соввласти». В этом качестве советские работники не только конфисковали в свою пользу много скота туземного населения и даже орошенные и засеянные ими поля в Усть-Абаканской степи, но и притесняли хакасов организацией искусственных потрав, конфискуя за это часть скота⁴⁹⁹.

Большевик Кирилл Матюх в 1905 году за участие в терактах на территории Нежинского уезда Полтавской губернии был сослан в Туруханский край, откуда дважды бежал, а затем оказался «освобожден по ошибке». В конце 1917 года К. И. Матюх стал членом Красноярского совета⁵⁰⁰. Матрос-большевик П. Д. Старостин в 1906 году был осужден в Севастополе за участие в восстании на 20 лет каторги. В 1914-м бежал, арестован в Чите и дополнительно осужден «за грабеж почты – заставила необходимость». В 1917 году был амнистирован и служил в 18-м Сибирском стрелковом полку. В 1918-м Старостин снова вступил в компартию и стал членом Томского губисполкома, затем партизанил, воевал с отрядами Г. М. Семёнова. А потом ухитрился пролезть к белым и устроился комендантом лагерей военнопленных в Благовещенске. В

⁴⁹⁵ Там же. С. 167–168.

⁴⁹⁶ Движение Алаш (документы, следственные материалы, переписка). Алматы, 2011. Кн. 1. С. 44 (на казахском яз.).

⁴⁹⁷ Медеубаев Е. И. Власть и социальные порядки в Степном крае и Туркестане. С. 164.

⁴⁹⁸ Чапчаев А. Выступления, речи, доклады: Сб. документов. Элиста, 1990. С. 11.

⁴⁹⁹ ГАО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 161. Л. 287–287 об.

⁵⁰⁰ Там же. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 961. Л. 2, 5.

ноябре 1919 года из Хабаровска Старостин прибыл в Новониколаевск, где сначала скрывался, а сразу после прихода красных снова оказался в «родной» пенитенциарной системе – заведующим домами принудработ⁵⁰¹.

Один из барнаульских большевиков-красногвардейцев, который прошел с боями всю Сибирь, самокритично писал о событиях первой половины 1918 года: «...если разбираться здраво в положении прошлого [при] первой Сов[етской] Власти, ведь какой только сволочи не налипло в то время к ней, я... не ошибусь, что 90% было в ней уголовного элемента и различных брехунов...»⁵⁰² И здесь нет особого преувеличения: представитель Наркомата продовольствия в Западной Сибири Г. А. Усиевич, характеризовавшийся товарищами как «беспощадный к врагам», летом 1918 года заявлял, что реквизиция хлеба для столиц не дала ожидаемых результатов, «так как реквизиционные отряды представляют собой пьяные банды»⁵⁰³, а наркомпрод А. Цюрупа 1 июня 1918 года телеграфировал в Омск требование проверить сведения ВЧК, согласно которым в конце марта на станции Омск имелось до миллиона пудов муки, «которая, не будучи отправленной в Россию, куда-то утекла»⁵⁰⁴.

Другой советский работник пояснял Совнарком, куда «утекало» продовольствие:

Я ездил в Сибирь, в Омск, в Краевой Совет по поручению Вятск[ого] продов[ольственного] комит[ета], за хлебом для обсеменения всей губернии. Хлеба там много, есть чем прокормить всю Россию, но нам дали крохи... везде взятки и взятки не как прежде, [а] от 500 до 5000 [руб.] за вагон, и благодаря взяткам вместо хлеба везут табак (взятка 15 т[ыс.] за вагон), вот вам диктатура пролетариата! Раньше если и брали, то брали по чину и уж не так зверски⁵⁰⁵.

Нелицеприятно высказался о «первой» советской власти и А. Т. Иванов – один из вождей армии А. Д. Кравченко в Енисейской губернии, эсер-максималист, бывший организатор «разбойных шак», террорист и поджигатель помещичьих имений, осужденный в 1911 году всего лишь к ссылке: «...такая власть на местах создавала анархию... <...> Крестьянство избирало власть для того, чтобы было с кого требовать себе..., а так как потребности были разнообразны, то, естественно, дело все сводилось к мелочам и придирам. И трудно было властям угодить своему хозяину-обществу. И была не власть на местах, а безвластие. <...> И эта анархия дала возможность сорганизоваться белогвардейщине»⁵⁰⁶. Делегат от петропавловских большевиков на Западно-Сибирском съезде РСДРП(б) в мае 1918 года признал, что к ним после взятия власти «примкнула часть темных элементов», но в начале текущего года была проведена чистка парторганизации и «примазавшиеся элементы были выкинуты»⁵⁰⁷.

Власть была сильно поражена криминальным элементом, который оказался замечен в рядах красногвардейцев и партизан, ЧК и милиции, органах партийной и государственной власти. Это было характерно для всей России, захлестнутой агрессивной люмпенской стихией. Ниже будет показано, какие личности, скрыв даже самые тяжкие преступления, выдвигались в ходе социального переворота, составляя значительную часть вождей и их окружения в период «первой» советской власти (нередко сохраняя номенклатурное положение и после разоблачения).

⁵⁰¹ Там же. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 69. Л. 279–281 об.

⁵⁰² Там же. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 766. Л. 110 об.

⁵⁰³ Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 57.

⁵⁰⁴ Кокоулин В. Г. Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 – май 1918 г.). Новосибирск, 2016. С. 361.

⁵⁰⁵ Дробинин К. М. Опомнитесь! Что вы творите!.. // Слово. 1991. № 4. С. 79.

⁵⁰⁶ Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 358.

⁵⁰⁷ Курьшиев И. В., Гривенная Л. А. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства. С. 18.

Часть политических активистов начинала с обычного хулиганства. Главный партизан Крыма А. В. Мокроусов (1887–1959) в юности был известным на всю округу хулиганом и пьяницей, потом стал анархистом-боевиком, бежавшим от суда в Южную Америку. В своих мемуарах Мокроусов хвастливо поведал, как, плавая матросом на разных судах, без всякого повода убил «классового врага». Присмотрев в одном из вояжей богатого пассажира, он вдруг испытал приступ неукротимой ярости: «И такая меня злость взяла на этого гада, что готов был грызть корабельную цепь», – писал он потом в автобиографии. Ночью, дождавшись, когда «буржуй» вышел на палубу, Мокроусов ударил его по затылку и выбросил за борт, а затем, по собственному признанию, «от радости... даже пустился впрыскаду, так после этого... стало легко и свободно»⁵⁰⁸.

Из дневниковых записей Ю. В. Трифонова следует, что его отец и дядя, Валентин и Евгений Трифоновы, крупные военно-политические деятели Гражданской войны, «...были сначала хулиганами в Темернике. Евгений носил красный пояс, и за поясом – нож»⁵⁰⁹. От хулиганства братья перешли к разбоям: Евгений в 1903 году дезертировал из казачьей сотни и в составе шайки ростовских бандитов грабил городские окраины, а в 1904-м вступил в ряды РСДРП(б); что касается В. А. Трифонова, то этот большевик в 1905 году командовал боевой дружиной в Ростове и в 1906-м был выслан в Сибирь за «участие в группе, образованной с целью совершения грабежей и разбоев»⁵¹⁰. Есть информация и о хулиганской юности видного красногвардейского командира в Западной Сибири П. Ф. Сухова⁵¹¹.

Часть будущих вождей после отбытия наказания, видя силу государства и разочарование общества вспышкой насилия в ходе революции 1905–1907 годов, отходила от антиправительственной деятельности, поджидая своего часа. Так, будущий глава Челябинского совета и Оренбургского губисполкома С. М. Цвиллинг совсем юным, в 1908 году, был осужден на 12 лет тюрьмы за «экспроприацию» – повторный грабеж аптеки, освобожден досрочно и до самого 1917 года не занимался революционной работой, ограничившись симулированием болезни, чтобы не попасть на фронт⁵¹².

Польский социалист А. Р. Формайстер, осужденный в 1906 году на 20 лет каторги за грабеж, отягченный убийством беременной женщины, в 1917 году был освобожден и сколотил банду, которая занималась вооруженными налетами в Москве. Затем с помощью друзей-коммунистов Формайстер перешел в ВЧК и много лет занимал ответственные должности в контрразведке и разведке ОГПУ⁵¹³. В сентябре 1918 года вновь созданную Нижнетагильскую ЧК возглавил местный рабочий Андрей Пузеев, но уже через несколько дней вскрылась его причастность к убийству женщины в дореволюционное время, за что он получил 12 лет каторжных работ, но скрылся от наказания. А. Е. Пузеева сняли с должности и исключили из партии⁵¹⁴.

Токарь Мотовилихинского завода А. П. Пилюгин (1887–1959) вступил в РСДРП в 1905 году, но вскоре был отправлен на каторгу за убийство рабочего. В 1917 году, освободившись по амнистии, объявил убийство политическим и как старый большевик сделал карьеру: был членом коллегии Пермской губЧК и заведомо управления Пермской губернии. Другой юный уголовник, рабочий И. А. Куклев (Разин) (1889–1967), тоже имел большевистский стаж с 1905

⁵⁰⁸ Ченнык С. «Готов был грызть корабельную цепь» и убивать // Первая Крымская: Информационно-аналитическая газета. 2005. 5–11 авг. № 85.

⁵⁰⁹ Трифонов Ю. Из дневников и рабочих тетрадей // Дружба народов. 1999. № 1. С. 83–84.

⁵¹⁰ Сведения И. Алабина. См. эл. ресурс: URL: <http://novochoerkassk.net/viewtopic.php?f=29&t=68368#p1063755> (дата обращения 6 марта 2023 года).

⁵¹¹ [Эл. ресурс]. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/81988> (дата обращения 6 марта 2023 года).

⁵¹² Сафонов Д. А. Цвиллинг: легенда и реальность. Оренбург, 2006. С. 18–22, 27, 29.

⁵¹³ Папчинский А. А., Тумишис М. А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001. С. 95–103.

⁵¹⁴ Кашиш В. В. Феномен создания органов госбезопасности на нижнетагильском заводе в 1918 году // Органы государственной безопасности на защите Отечества. Одиннадцатые уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области: Сб. научных статей. Екатеринбург, 2018. С. 123.

года, но с 1907-го отбывал каторгу за вульгарный грабеж. В 1917 году был амнистирован и сразу выбран в совет, командовал партизанским отрядом под Иваново-Вознесенском, служил в РККА и ВЧК. В отставку он вышел полковником юстиции и даже получил место на Новодевичьем кладбище⁵¹⁵.

Латыш-большевик Т. И. Козловский в 1907 году был осужден военным судом в Риге на 20 лет каторги за разбой и нападение на рижскую пивную лавку. Это преступление было признано настолько тяжким, что даже амнистия Керенского, несмотря на поданное прошение, разбойника не коснулась. Освободившись в конце 1917 года, Теодор Козловский немедленно восстановился в большевистской партии и до лета 1918 года работал в профсоюзах Западной Сибири, а при белых был организатором подполья. С 1919 года он подвизался в Особом отделе ВЧК 5-й армии, а в 1921–1923 годах уже являлся зампредела Ташкентской ЧК и начальником Амударьинского облотдела ГПУ⁵¹⁶.

Среди активных подпольщиков Черемховской организации в Иркутской губернии в 1919 году был И. С. Пестун, позднее член штаба партизанского отряда Л. Табакова. В начале 30-х годов этот бывший участник захвата Зимнего дворца работал председателем районной контрольной комиссии ВКП(б) в Иркутске и обвинялся в сокрытии уголовного прошлого. Выяснилось, что в январе 1908 года Игнатий Пестун, выдававший себя впоследствии за десятника боевой дружины в Петербурге (в которой якобы состоял в конце 1905 года), был осужден окружным судом к смертной казни, замененной 20 годами каторги, «за разбойное нападение с целью ограбления частной квартиры» и вооруженное сопротивление при задержании и до 1917 года находился в заключении. Также его обвиняли в подаче «прошения на высочайшее имя» о помиловании. Власти ограничились снятием Пестуна с ответственной работы и оставили в партии⁵¹⁷.

Первый лидер Якутского ревкома и глава Ревштаба в конце 1919 – начале 1920 года Х. А. Гладунов ранее был коммунистом-экспроприатором, а потом попался на изготовлении фальшивых денег, за что получил каторжные работы. Летом 1918 года он деятельно участвовал в разгоне якутских властей, лично застрелив и ограбив мирового судью и следователя Ф. Н. Банковского, затем стал начальником милиции, а при бегстве от белых похитил кассу совдепа – 32 тыс. рублей. Оказавшись в тюрьме, Харитон Гладунов написал товарищам, обвинявшим его в краже, красноречивую записку: «Черкните, кому и сколько я должен дать»⁵¹⁸. Самого Гладунова, впрочем, его товарищи уже к лету 1920 года с ответственной работы устранили⁵¹⁹, но чистоты рядов не добились. Председатель Якутской губЧК в 1921 году и глава ревтрибунала С. Ф. Литвинов, как уверял один из видных местных большевиков, в прошлом являлся «атаманом шайки разбойников», а к 1922 году оказался владельцем изрядного количества драгоценностей и мехов – и те и другие были награблены у арестованных⁵²⁰.

После захвата в декабре 1919 года большевиками власти в Охотске (1500 километров севернее Хабаровска) они провели террор, активным деятелем которого был председатель одновременно следственной комиссии и ревтрибунала некий Швед – известный как «подделыватель золота из меди»⁵²¹.

⁵¹⁵ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 159, 201; Ф. 17. Оп. 41. Д. 26 (сведения К. В. Скоркина).

⁵¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории [далее – РГАНИ]. Ф. 6. Оп. 1. Д. 157. Л. 147.

⁵¹⁷ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 939. Л. 97–97 об.; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 233. Л. 1, 2. В августе 1938 года Пестун, на тот момент заведовавший Иркутским горземлетрестом, был арестован по статье 58-7-11 УК и год спустя освобожден с прекращением дела.

⁵¹⁸ Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра». С. 157.

⁵¹⁹ Впоследствии Гладунов работал на золотых приисках и в 1926 году вместе с женой был убит бандитами.

⁵²⁰ Из письма М. Афанасьева-Дьячковского «О прошлом» в ЦК РКП(б) от 19 июня 1923 г. // ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 684а. Л. 158 об.

⁵²¹ Гутман А. Я. [Ган А.] Гибель Николаевска на Амуре: страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин, 1924. С. 275.

А министром транспорта и одним из лидеров правительства Дальневосточной республики был анархо-синдикалист В. С. Шатов – бывший эсдек-экспроприатор, в 1906 году участвовавший в ограблении киевской сберкассы, что принесло революционерам 15 тыс. рублей, и бежавший затем в Соединенные Штаты⁵²². Американские социалисты, хорошо знавшие этого энергичного рабочего вожака, отмечали также «дикую разнузданность» его характера⁵²³, в связи с которой Шатову сначала пришлось в бытность комендантом Петрограда побывать в конце 1918 года под арестом за пьяный дебош, а год спустя бегло ознакомиться с режимом столичной Бутырки. Американский разведчик К. Каламатиано, сидевший в одно время с ним, отметил: «Интересно дело Шатова – сидел за крупную взятку, слишком веселую жизнь, разврат и т. д., был одним из видных „деятелей“ в Петр[ограде], выпущен через несколько дней и сделан член[ом] Сиб[ирского] правительства!»⁵²⁴

Достоверность заметок информированного арестанта Каламатиано подтверждается материалами Петроградской ЧК, арестовавшей вместе с Шатовым его актрис-содержанок. Так, 18-летняя балерина Т. Горская призналась, что сначала жила с чекистом Н. И. Бахманом, а с февраля 1919 года сошлась с Шатовым, который платил ей за ночь 2 тыс. рублей, посещая каждые две недели. В домовый комитет бедноты шли заявления жильцов о грандиозных кутежах в трех квартирах дома на Коломенской, которые, вероятно, и навели чекистов на след высокопоставленного жуира. Актрисы и поставщики алкоголя отсидели за красивую жизнь по несколько месяцев, после чего 31 августа 1920 года дело на них прекратили с зачетом предварительного заключения, постановив в отношении Шатова следствие продолжать⁵²⁵.

Но тот уже давно успешно руководил делами на другом конце страны, даже в формально другом государстве. В начале 1920 года Шатов, освобожденный по личному поручительству И. В. Сталина перед Политбюро ЦК⁵²⁶, вынужденно сменил Петроград на Сибирь и Дальний Восток, где более года являлся одной из ключевых политических фигур ДВР. Власть нередко одергивала короткой опалой зарвавшихся своих, а потом снова гладила по голове и назначала на крупные посты.

Одним из виднейших большевиков Приморья, лидером фракции РКП(б) и уполномоченным правительства ДВР во Владивостоке являлся Р. А. Цейтлин – известный до революции харбинский контрабандист опиума, возивший его крупными партиями в Москву из Маньчжурии с помощью целой сети агентов (вероятно, он так пополнял партийную кассу) и не раз сидевший в китайских тюрьмах. Энергично готовивший свержение меркуловского правительства и сначала скрывавшийся в японском штабе, Цейтлин был застрелен 16 октября 1921 года тремя офицерами на конспиративной квартире⁵²⁷.

Хватало бывших террористов, экспроприаторов, жуликов и на всех прочих этажах власти Дальневосточного региона. Комиссар горной промышленности Николаевска-на-Амуре в 1918 году коммунист И. А. Будрин, зверски пытавший николаевцев с целью вымогательства золота, до революции судился за растрату. Адвокат В. Н. Чайванов, в августе 1920 года назначенный генконсулом ДВР в Монголии, а затем работавший управляющим делами ГПУ в Москве, в 1917 году в Иркутске был исключен из адвокатского сословия за растрату⁵²⁸. С криминальным миром был связан К. В. Русский (Бреслав), назначенный в декабре 1920 года (при коалиционном правительстве Приморья под руководством В. Г. Антонова) заместителем начальника

⁵²² АУФСБ НСО. Д. П-2853 (АСД по обвинению В. С. Шатова, 1936–1937). Т. 1. Л. 38.

⁵²³ Вильямс А. Р. Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917–1918. М., 2006. С. 55.

⁵²⁴ Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев / Сост., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2010. С. 242.

⁵²⁵ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-9964. Т. 17. Л. 21, 22, 38, 43 об., 59–65, 135, 142–144, 204 (сведения доктора исторических наук В. С. Измозика).

⁵²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 6. Л. 1 (указано кандидатом исторических наук И. А. Курляндским).

⁵²⁷ Гутман А. Я. [Ган А.] Гибель Николаевска на Амуре; РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 470. Л. 12.

⁵²⁸ Гутман А. Я. [Ган А.] Гибель Николаевска на Амуре. С. 233; Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра». С. 186.

Политохраны. Ранее Русский арестовывался за уголовный проступок, а весной 1923 года его исключили из РКП(б) за связь с «уголовной шайкой анархистов-максималистов»⁵²⁹.

Теракты во имя революции считались высшим подтверждением партийной лояльности. Председатель Читинской следственной комиссии А. П. Вагжанов в 1904 году вместе с сообщниками убил «provokatora»⁵³⁰. Работник Никольск-Уссурийской городской управы и член Народного собрания А. С. Лапа, в 1921 году работавший директором ГПО ДВР, имел «заслуженное» прошлое: в городе Конотопе Черниговской губернии после первой русской революции «сошелся с максималистами и с т. Панисицким организовали убийство жандарма Гусаква» (1907 год), а в феврале 1911 года скитавшийся по стране Лапа «поступил в Никольск-Уссурийские ж[елезно]д[орожные] мастерские, где[,] кажется[,] к июню месяцу организовал убийство ротмистра Яковлева, которое убийство кончилось только ранением». Несмотря на то что Лапа в 1917–1918 годах «участвовал во враждебных соввласти выступлениях», он был принят в члены РКП(б) и сделал карьеру⁵³¹.

Будущий премьер Дальневосточной республики П. М. Никифоров в 1909 году организовал с двумя солдатами кровавую «экспроприацию» почты на Иркутско-Ленском тракте. Как вспоминал Никифоров, «забрали только небольшую сумму, рублей двести, и два револьвера». Однако после ареста экспроприатора приговорили к повешению, заменив затем смертную казнь на 12 лет каторжных работ. (Для сравнения: сокамерник Никифорова получил шесть лет каторги за покушение на чиновника – заведомо более тяжкое преступление, чем грабеж на скромную сумму.) Компетентный эмигрантский источник поясняет причину сурового приговора: при «эксе» были убиты почтальоны, чьи револьверы, вероятно, и достались налетчикам. Мемуаристу, который с симпатией описывал матерых уголовников-смертников, сопротивлявшихся охране Иркутской тюрьмы, вспоминать о двух трупах за две сотни рублей показалось неудобным...⁵³²

В конце 1909 года будущий секретарь Дальбюро ЦК РКП(б) П. Ф. Анохин был приговорен Санкт-Петербургским военно-окружным судом к повешению за покушение на жандарма, затем помилован и отправлен на каторжные работы. Командир партизанского отряда, член Учредительного собрания и Народного собрания ДВР, военком пограничных войск ДВР П. А. Аносов в 1907 году получил 10 лет за попытку «экспроприации» кассы и хранение бомб⁵³³. (Впрочем, и благополучно работавшие при Колчаке управляющие Иркутской губернией и Нижнеудинским уездом эсеры П. Д. Яковлев и М. А. Кравков тоже судились при царской власти за экспроприации и хранение взрывчатки.)

Часть разоблачительных сведений об уголовниках на советской службе тогда же попадала в прессу. Известный благовещенский большевик Ф. Н. Мухин, свергший в начале 1918 года эсеровскую власть в Амурской области, участвовал в изготовлении и сбыте фальшивых денег, за что его подельники отправились на каторгу, а Мухин, вероятно за помощь следствию, через два месяца вышел на свободу. Владелец кузнечной мастерской, он арестовывался в 1908 и 1914 годах за подлог и на второй раз получил год арестантских работ. Исключенный из партии в июле 1917 года как бывший уголовник, Мухин уже в ноябре объяснял, что совершал преступления «ради спасения от голодной смерти своих товарищей, терпевших нужду». Общее

⁵²⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 297. Л. 68.

⁵³⁰ Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1957. С. 241–245.

⁵³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 17666. Л. 2 (автобиография А. С. Лапы); Ф. 372. Оп. 1. Д. 207а. Л. 66.

⁵³² Никифоров П. Муравьи революции. С. 128, 133–135, 158–164; Гутман А. Я. [Ган А.] Гибель Николаевска на Амуре. С. 18.

⁵³³ Василевский В. И., Жеребцов Г. А. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 4 т. Новосибирск, 2004. Т. 2. С. 54.

собрание большевиков Благовещенска, выслушав Мухина, признало его «вполне искупившим свое прошлое» и восстановило в партии⁵³⁴.

Одна из газет утверждала, что безграмотный Михайлов, назначенный красногвардейцами 27 февраля 1918 года начальником милиции Кузнецка, был содержателем городских кабака и публичного дома⁵³⁵. Член Красноярского совета В. Г. Солдатов в юности прошел через тюрьму и каторгу как убийца отца (за издевательства над матерью), потом, уже в армии, был осужден за хулиганскую выходку в красноярском театре, затем активно действовал в Красной гвардии, а после ее разгрома в Даурии скрылся и выдавал себя за организатора подполья в Минусинском уезде. Однако, выставив летом 1919 года свою кандидатуру в гласные Минусинской городской думы, был разоблачен как судимый за мошенничество. Впрочем, после возвращения красных его карьера, несмотря на три уголовные судимости, развивалась уверенно⁵³⁶.

Комендантом Иркутска летом 1918 года стал недавно примкнувший к большевикам уголовник А. Шевцов, отбывавший в свое время бессрочную каторгу. В составе Центросибири (ЦИК Советов Сибири) был левый эсер и «ненормальный морфинист» Г. Цветков – один из создателей Красной гвардии на Забайкальской железной дороге. После неудачной попытки установления советской власти в Чите Цветков вернулся в Иркутск и 20 января 1918 года был задержан пьяным в бильярдной за то, что застрелил партнера по игре. Через несколько дней он был исключен из состава Центросибири, и следы убийцы на этом теряются. Начальником Главштаба Красной гвардии после Цветкова стал Н. И. Арцыбашев – по сведениям прессы, «не менее известный в Иркутске рыцарь зеленого поля» (т. е. бильярдист)⁵³⁷. Зампредседателя Комиссии по борьбе с контрреволюцией Иркутского губисполкома К. Т. Лагошный, анархо-коммунист, в 1910 году был осужден на 2 года 8 месяцев каторги за рассылку угрожающих писем с требованием денег для партийных целей⁵³⁸.

В Иркутской губернии уголовный Михеев (турок по национальности, «был общим любимцем среди бывших уголовных ссыльных черемховцев») стал председателем Черемховского совета, но очень обиделся на статью в иркутской газете, где его прямо называли уголовником, и «ушел от работы на время, ругая всех политиков и проклиная законы». В состав Черемховского совета входил и некто Кузнецов – «коллега» Михеева по каторге (оба погибли летом 1918 года в боях с белыми)⁵³⁹. В начале 1918 года уголовники, заявив о принадлежности к анархизму, образовали и совет, и Красную гвардию в селе Троицком Голуметской волости Черемховского уезда, вскоре вызвав своими бесчинствами восстание крестьян.

Причастные к убийствам нередко проникали в большевистские правоохранительные структуры. Типичная в данном смысле фигура – К. А. Лихтарович (1897–1937). Этот белорус из дворян города Вильно, имевший среднее образование и участвовавший в мировой войне, за убийство генерала на Юго-Западном фронте 14 февраля 1917 года был осужден к расстрелу, но вскоре оказался помилован в связи с амнистией. Вступил в РСДРП(б), с мая по июнь 1918 года служил в Красной гвардии, будучи членом следственной комиссии и следователем по особо важным делам Бийского совдепа. С 18 июня 1918 года по 1 января 1920-го сидел в тюрьме, следственной комиссией Временного Сибирского правительства был осужден на 15 лет каторги. В 1920 году являлся временно исполняющим должность секретаря Бийского уезд-

⁵³⁴ Шишкин В. И. Мухин Федор Никанорович // Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия в трех томах. Т. 2. С. 530.

⁵³⁵ История Кузбасса: в трех томах. Кемерово, 2021. Т. 2. Кн. 1. С. 254.

⁵³⁶ Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее. С. 476–477.

⁵³⁷ Хипхенов Г. И. Правда и «кривда» о красных отрядах. С. 159, 160, 253.

⁵³⁸ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 403. Л. 19–20; Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев / Под ред. М. М. Константинова. М., 1934. С. 345.

⁵³⁹ Буйских А. Н. Революционные очерки. Кн. 1. С. 98.

ного ревкома, начальником Бийской горюездной милиции. В 1922 году Лихтаровича исключили из РКП(б) за служебные преступления и нарушение партдисциплины⁵⁴⁰.

Чисто уголовные преступления ответственных коммунистов начались немедленно после захвата власти. Известный большевик и член Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов Бляшко, в прошлом сотрудник газеты «Красноярский рабочий», 26 ноября 1917 года в пассажирском поезде на перегоне Зыково–Сорокино убил с целью ограбления девушку. Избитого толпой и арестованного, его, однако, вскоре освободили под денежный залог. Позднее Красноярский народно-революционный трибунал приговорил убийцу к незначительному наказанию – полутора годам заключения с заменой штрафом в 6 тыс. рублей. А 25 декабря 1917 года «распоряжением совдепа на свободу из Красноярской тюрьмы вышли арестанты, содержащиеся за кражи и самогоноварение»⁵⁴¹.

Убийства не мешали карьере. Георгий Абросимов, работавший в 1917–1918 годах секретарем Хабаровского крайсовета, вспоминал (в 1962 году) об убийстве священника как об «интересном случае». Осенью 1917 года, в период выборов депутатов Учредительного собрания, этот молодой агитатор расклеивал в Хабаровске большевистские плакаты и вступил в конфликт со священником Михайловым: «Прочитав плакат, поп... обозвал [меня] „нехристом“, „германским шпионом“, „богоотступником“ и т. д. <...> Я не выдержал (молодость, горячность, усталость) – выстрелил в него. <...> Что ж, одним гадом на свете стало меньше»⁵⁴².

Уголовные убийства совершали и первые лица регионов. Показательна судьба В. И. Устиновича, большевика с 1904 года, который, несмотря на скверную репутацию в революционной среде, в 1918 году стал председателем Алтайского губисполкома и начальником барнаульской Красной гвардии. Удачно бежавший от белых после переворота, он получил назначение начальником мобилизационного отдела штаба Северного фронта, а затем возглавил Вологодский горком РКП(б) – как раз в период проведения жесточайшего красного террора: летом и осенью 1918 года в 56-тысячной Вологде было арестовано более 2 тыс. человек⁵⁴³. Кровавая вседозволенность прямо сказалась на облике первого коммуниста Вологды. Пригласив вечером 21 октября к себе в номер гостиницы якобы для работы с документами сотрудницу аппарата губисполкома, 22-летнюю Клавдию Димакову, пьяный Устинович ее изнасиловал. Утром жертва пригрозила насильнику: «Ты жить не будешь, вино было отравлено» (за несколько дней до этого в Вологде одна из жительниц отравила шестерых красноармейцев). Невменяемый от спиртного, Устинович тут же выстрелил Димаковой в лоб и убил наповал. Преступника почти сразу исключили из партии, а 3 ноября 1918 года он был спешно расстрелян по приговору Реввоен трибунала 6-й армии⁵⁴⁴.

Новая власть повсеместно выглядела сборищем уголовников (идейных и обычных), призывавших громить «буржуев» и уничтожать «врагов народа». Продовольственные отряды из революционных солдат и матросов, во множестве и с неограниченными полномочиями посылаемые Лениным и Свердловым из Петрограда и Москвы в провинцию, нередко заодно свергали местную власть и устанавливали советские порядки. Так, в декабре 1917 года советскую власть в Кустанае ввел прибывший за хлебом отряд из 50 балтийских матросов во главе с В. М.

⁵⁴⁰ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 53а. Л. 180; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 148. Л. 13; Гришаев В. Ф. Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). Барнаул, 1999. С. 45, 53, 62.

⁵⁴¹ Шекшеев А. П. Уголовная стихия на Енисее. С. 97.

⁵⁴² [Эл. ресурс]. URL: <http://naslednik-dv.livejournal.com/68473.html> (дата обращения 6 марта 2023 года). Сведения хабаровского краеведа А. С. Колесникова.

⁵⁴³ Маликов В. На Северном плацдарме. Вологда, 1963. С. 142.

⁵⁴⁴ Булдаков В. П. Красная смута. С. 489; Морозова О. М., Трошина Т. И. Тыл войны без фронта. С. 239 (ошибочно именуется Усталовичем); ГАРФ. Ф. 1005. [Архивно-следственное дело (далее – АСД) по обвинению В. И. Устиновича, сведения Ю. И. Гончарова]. [Эл. ресурс]. URL: <http://siberia.forum24.ru/?1-9-240-00000102-000-0-0-1403871646> (дата обращения 6 марта 2023 года).

Чекмарёвым⁵⁴⁵. Известны и карательные набеги красногвардейцев на те местные органы власти, которые игнорировали большевистские распоряжения либо свержали советы. В декабре 1917 года отряд екатеринбургских и уфалейских красногвардейцев внезапным налетом объявился в Тюмени и разогнал «кулацкий совет». За четыре дня своего пребывания в Тюмени красные забрали у местного населения золотые монеты и вещи (примерно на 20 млн рублей) и увезли в Екатеринбург⁵⁴⁶.

В Вятке некоторое время действовали сразу три пришлых вооруженных отряда, что породило целый ряд болезненных конфликтов. Так, летучий отряд Л. Журбы, по воспоминаниям большевика П. Федяева, в феврале–марте 1918 года без ведома Котельнического уездного исполкома «взыскивал с буржуазии контрибуцию, проводил конфискацию товаров и продуктов, расстреливая грабителей без суда и следствия...». В Котельничах Журба незаконно расстрелял 20 горожан и собрал с населения 312 тыс. рублей. Глава Уральского облисполкома А. Г. Белобородов сообщил, что Журба получил огромные полномочия от центральной власти и арест его невозможен. Следствие поэтому пришлось проводить «осторожно», причем выяснилось: «...имеется целая сеть преступных организаций, которая связана с Пермью». Белобородов известил В. И. Ленина, Н. И. Подвойского и Л. Д. Троцкого о деятельности Журбы, но мер к задержанию последнего принято не было⁵⁴⁷. Очевидно, что здесь сработал ленинский принцип опоры на «людей потверже» – им всегда находилось применение.

В конце марта 1918 года вятские большевики постановили реорганизовать местную Красную гвардию, пронизанную уголовным элементом и занимавшуюся самочинными арестами, обысками и конфискациями⁵⁴⁸. Как заявил один из расследователей, весной 1918 года в Вятке «...власть была гнила. Да и не власть то была, а пьяная компания, развращавшая матросов»⁵⁴⁹. Вятский советский работник в апреле 1918 года восклицал в письме к секретарю Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу: «Из кого состоят Советы и Красная гвардия? Здесь [в Пермской губернии] я нагляделся, это всё отбросы общества, хулиганы, воры, пьяницы, убийцы»⁵⁵⁰.

Не очень многочисленные сибирские революционеры местного происхождения были маргинальными людьми, отвергавшими правила общежития и спокойно относившимися к уголовщине. В алтайской Волчихе, насчитывавшей к 1917 году 1350 дворов, проживали осужденные в период первой русской революции большевик Семён Усырев и его брат, Павел Усырев (эсер с 1904 года, отбывший 12-летнюю каторгу, член Учредительного собрания), а также неграмотный местный крестьянин Дмитрий по кличке Моргун, который ранее отбыл ссылку в Нарыме. Население Волчихи помнило бурный период первой русской революции, что, по словам мемуариста, вылилось в те «практические мероприятия 1914 года, во время мобилизации», которые проводили, «разбивая винные лавки, гоняясь за лесной стражей и полицией». Таким образом, многие села к 1917 году имели своих хорошо знакомых «вождей»⁵⁵¹, готовых к погромам и классовой резне именно как к «практическим мероприятиям».

Бывало, что местные советы спокойно относились к уголовным шайкам или персонам, не препятствуя их бесчинствам. Схваченный и осужденный еще при самодержавии «знаменитый» уголовник Дзюрга весной 1917 года оказался по амнистии на свободе и организовал

⁵⁴⁵ Гвоздев К. А. В степях кустанайских // Из истории Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане. Алма-Ата, 1962. (Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Т. 13.) С. 161.

⁵⁴⁶ Порошова О. С. Репрезентация вооруженного противостояния в условиях Гражданской войны в воспоминаниях рабочих/большевиков Урала // История в эгодокументах: исследования и источники / Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. Екатеринбург, 2014. С. 110; Кононенко А. А. К вопросу об установлении советской власти в Тюмени в 1918 году // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 2. С. 223.

⁵⁴⁷ Тимкин Ю. Н. «Лапинская авантюра» в Вятке в марте 1918 г. // Вопросы истории. 2017. № 8. С. 52–53.

⁵⁴⁸ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 220.

⁵⁴⁹ Тимкин Ю. Н. «Лапинская авантюра» в Вятке. С. 44–56.

⁵⁵⁰ Дробинин К. М. Опомнитесь! Что вы творите! С. 79.

⁵⁵¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1039. Л. 5.

новую шайку, неплохо уживавшуюся с красными властями Енисейской губернии. Эта банда, совершившая до 30 убийств, долго наводила ужас на жителей северной части Минусинского уезда. И только после бегства красных летом 1918 года Дзюрга был сразу арестован на руднике «Юлия» и доставлен в Минусинск⁵⁵². Один из видных сторонников большевиков в уездном городе Берёзове Тобольской губернии, бухгалтер П. И. Сосунов, в марте 1918 года подрался в кинотеатре с солдатом, «ярым монархистом», и застрелил его из револьвера, причем от одного из выстрелов также погиб посторонний человек. Избежав наказания, Сосунов вскоре участвовал в большевистском перевороте⁵⁵³.

Большевики по всей стране сознательно использовали криминал в своих целях, взамен разрешая ему грабежи и насилие. В мае–июне 1918 года Шадринский уезд Пермской губернии был охвачен огнем крестьянских восстаний. Мемуарист писал про «аресты, обыски, расстрелы... грабежи, выпуск из тюрьмы уголовных преступников, даже таких, как Петров и Кокшаров...»⁵⁵⁴. Действительно, М. Х. Петров (матрос-анархист, бывший член ЦК Балтфлота, местный комиссар административно-уголовного отдела) и Н. В. Кокшаров (уездный комиссар народного образования) в апреле 1918 года были арестованы за грабежи шадринских «буржуев». Тем не менее, чтобы справиться с нарастающим социальным протестом, шадринские большевики разрешили этой двойке набрать из местных уголовников добровольческий «Прорывной партизанский отряд левых эсеров и анархистов», помогли вооружить и экипировать его. В июне 1918 года в отряде Петрова было 70 штыков, что составляло 8% общей численности войск красных на Шадринском направлении⁵⁵⁵. Составленный из случайных и криминальных персонажей отряд пьянствовал, в боях почти не участвовал и вскоре разбежался, причем арестованных «прорывников» белые со временем отпустили под денежный залог. Для характеристики шадринских следственных и военных красных властей отметим, что изъятое у Петрова при аресте золото и серебро бесследно исчезло; через год с небольшим Петров вернулся в Шадринск и был повышен в должности, подвизаясь уездным военкомом⁵⁵⁶.

Жестокость новых порядков неуклонно нарастала. Даже в сравнительно «вегетарианские» первые месяцы 1918 года, когда органы ВЧК были слабы, произвол большевистской власти, опиравшейся на отряды красногвардейцев и милицию, не ограничивался массовыми реквизициями, конфискациями, закрытием оппозиционных газет, произвольными арестами. Уже в конце 1917 года и начале 1918-го красные с исключительной жестокостью истребляли офицеров, священников, интеллигенцию, казаков на территориях Крыма⁵⁵⁷, Придонья, Украины, Туркестана, уничтожив тысячи людей. В других регионах террор разгорался медленнее, но не было в России таких мест, где не происходили бы многочисленные самосуды на почве имущественной и политической вражды⁵⁵⁸.

Например, одним из первых актов уничтожения большевиками своих противников в Прикамье стало тайное убийство в Кунгуре в ночь на 6 (19) февраля 1918 года (с последующим утоплением тел в проруби) супругов Агеевых за якобы «участие в заговоре против Советской власти». Видный местный деятель и благотворитель А. Г. Агеев возглавлял Кунгурское отделение партии кадетов. Дом Агеевых был разграблен; заодно с ними убили еще семерых горожан.

⁵⁵² Шекшеев А. П. Уголовная стихия на Енисее. С. 102.

⁵⁵³ Цысь В. В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны. С. 50, 51.

⁵⁵⁴ Кашевиков М. С. Красная страничка из истории 4-го Уральского полка (Далматовский бой 11-го июля 1918 г.). По воспоминаниям участников и архивным материалам. Шадринск, 1928. С. 16.

⁵⁵⁵ Вебер М. И. Уральская провинция в начале Гражданской войны. С. 74.

⁵⁵⁶ Вебер М. И. «Громкий по названию, но жалкий по своему делу и печальной памяти» // Вестник музея истории Екатеринбурга. 2016. Вып. 2. С. 6–7.

⁵⁵⁷ См.: Соколов Д. В. Таврида, обгаренная кровью. Большевизация Крыма и Черноморского флота в марте 1917 – мае 1918 г. М., 2013.

⁵⁵⁸ Трошина Т. И. Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России) // Российская история. 2012. № 2. С. 193–201.

Руководил расправой начальник карательного отряда и будущий видный пермский чекист А. Л. Борчанинов⁵⁵⁹. А на городском кладбище Оренбурга, по сведениям местных эсеров, менее чем за полгода большевистского правления оказалось погребено до 400 расстрелянных офицеров и чиновников⁵⁶⁰.

Казачество было атаковано не только на юге, но и на Урале и в Сибири. Пресловутые «посланцы промышленных центров и рабочих поселков», выбивавшие продовольствие, особенно жестоко обращались с казачьим населением. Вытеснив 18 января 1918 года из Оренбурга верные атаману Дутову силы, большевики сразу произвели аресты «врагов», в которые зачисляли без разбора всех «бывших»; в течение одного дня в Оренбурге арестовали свыше 100 офицеров, часть которых позднее была расстреляна⁵⁶¹. В начале 1918 года на территории Оренбургского казачьего войска хозяйничали десятки красногвардейских отрядов. Делегатами I Оренбургского губсъезда Советов они прямо именовались «бандой хулиганов»⁵⁶². Верхнеуральский и Троицкий уезды, где казаки усиленно отбивались от продотрядов, получили за это красный террор не только с казнями по малейшему поводу, но и с артобстрелами станиц – к началу лета 1918 года «было сожжено около 4 тыс. жилых и хозяйственных построек в 19 станицах». Современный автор оценивает террор продотрядов как «составную часть войны города против деревни», сопротивлявшейся большевикам⁵⁶³.

В июне 1918 года главнокомандующий партизанскими силами на Южном Урале подъесаул И. Д. Каширин издал следующее воззвание:

В контрреволюционных станицах и поселках не оставлю камня на камне. Думай, пролетарий, и вырезай ножами, косами, прокалывай вилами, руби топорами эту сволочь, что идут за чехословаками во главе с мерзавцами-офицерами. В доказательство того, что говорю не слово, а дело, привожу пример восставшего во главе с кучкой бандитов поселка Кидышевский, который артиллерийским огнем революционных войск, моих отрядов уничтожен дотла. Казаки-богачи и господа офицеры, знайте: мы не расстреливаем вас, нет, нам жалко пуль на такую сволочь, как вы, мы рубим вас и отдаем на съедение собакам⁵⁶⁴.

Коммунисты жестоко преследователи и националистов, уклонявшихся от их влияния. В феврале 1918 года Цвиллинг приказал арестовать организаторов башкирских добровольческих отрядов в Таналыково-Баймаке. «...Прибывший 21 февраля из Орска отряд красногвардейцев под командой Баранова... после всевозможных пыток расстрелял арестованных», которых было «от 20 до 25 человек, в том числе 2 члена Башкирского правительства, военный врач, прапорщик Магазов и юрист Идельбаев, 4 польских офицера и солдаты добровольческого отряда». Перед расстрелом пьяные красногвардейцы издевались над арестованными, после расстрела шевелившиеся «были добиты и заколоты штыками»⁵⁶⁵.

Если взять другие национальные районы России, то на территории Восточного Туркестана большевики не пускали мусульман в органы власти и вооруженной рукой в январе 1918

⁵⁵⁹ Быстрых Т. «Пьяный обыск». Неизвестные страницы биографии пермского чекиста А. Л. Борчанинова // Вечерняя Пермь. 1990. 7 июля; Одогов В. Кровавый вторник // Искра. Кунгур. 2018. 6 февр. С. 4.

⁵⁶⁰ Сафонов Д. А. Легенда о «казачьем мятеже» // 1743. Историко-литературный альманах. Оренбург, 2000. № 1. С. 57.

⁵⁶¹ Борисов В. Г. Факты и мифы из жизни С. М. Цвиллинга // Исторические чтения. Челябинск, 1998. Вып. 4: Материалы научной региональной конференции «Крушение царизма и гражданская война на Урале» (1997). С. 201.

⁵⁶² Махрова Т. К. Казачество Урала и власть. М., 2004. С. 251.

⁵⁶³ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 217.

⁵⁶⁴ Махрова Т. К., Морозов Е. Г., Братанов Н. М. Казачество и Советская власть // Челябинская область: энциклопедия в 7 томах. Челябинск, 2004. Т. 3. С. 26.

⁵⁶⁵ Хусаинов А. С. Февральский инцидент 1918 года в Таналыково-Баймаке // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 3. С. 1075–1079.

года ликвидировали Туркестанскую (Кокандскую) автономию, причем февральский штурм Коканда русско-армянскими отрядами закончился убийством порядка 3 тыс. человек, разрушением и сожжением почти всей мусульманской части города, которую предварительно и с разрешения командования красные войска грабили в течение трех дней⁵⁶⁶. Секретарь ЦК КП(б) Туркестана И. Сольц писал, что в ходе восьмидневных боев за Кокандскую автономию, охарактеризованных им как бойня безоружных полупролетарских и мелкобуржуазных мусульманских масс, «родилось басмачество как широкое национальное движение, направленное против русской власти»⁵⁶⁷.

Вскоре последовал авантюристический поход председателя СНК Туркеспублики Ф. И. Колесова с целью захвата Бухарского эмирата. Появление красновардейских частей в Бухаре и окрестностях сопровождалось массовыми грабежами, мародерством и убийствами мирного населения, которое в итоге оказалось крайне озлоблено против русских. Командующий группой войск РККА в Фергане М. Сафонов, анализируя причины роста повстанчества, отмечал, что «ограбленные родственники убитых и изнасилованных, избитые» превращались в кровных мстителей, примыкая к басмачам⁵⁶⁸.

Рано началась Гражданская война и на территории современного Казахстана. Семиреченский войсковой атаман А. М. Ионов писал в апреле 1919 года А. В. Колчаку о драматических последствиях столыпинского переселения в область до 200 тыс. «отбросов Европейской России», главной движущей силой которых стала зависть к зажиточным казакам и крестьянам-старожилам⁵⁶⁹. В Семиреченской области с конца 1917 года велась почти непрерывная борьба красновардейских отрядов (преимущественно из новоселов) с формированиями Семиреченского казачьего войска. Против казачества шла война на уничтожение. Когда в апреле 1918 года казаки во главе с хорунжим Бортниковым совершили налет на город Верный, освободив войскового атамана, в ответ по решению областного совнаркома был проведен террор против интеллигенции и «богатого класса»: в Верненской тюрьме убили до 40 человек, в том числе члена Турккомитета О. А. Шкапского, видного общественника, «исключительно энергии которого Семиречье обязано введением городских и земских самоуправлений»⁵⁷⁰.

К концу мая 1918 года советские войска за отказ отдать хлеб разгромили казачьи станицы, примыкавшие к Верному. В станицах красные убивали всех офицеров, священников, интеллигентов, многих рядовых казаков. В Больше-Алматинской станице каратели вывели всех сдавшихся мужчин на площадь и расстреляли. Разграбив хозяйства, большевики сожгли станицы, выселки и хутора, оставив без крова 6 тыс. семей. Для окончательного подавления в Северное Семиречье из Верного в начале июня был направлен красновардейский отряд И. Е. Мамонтова численностью в 1200 сабель. Двигаясь на север, каратели оставляли «реку крови от истребления казаков и их сочувственников»: 19 июня произвели массовые казни в станице Копальской, затем разгромили три крупных селения на тракте от Сергиополя к китайскому городу Чугучаку (станцию Урджарскую и старожильческие села Маканчи и Бахты), причем остававшиеся на месте жители были перебиты, а «окрестные киргизы (казахи. — А. Т.), не успевшие откочевать, вырезаны большевиками включительно до грудных младенцев»⁵⁷¹.

В богатом поселке Маканчи (Ивановское) красные 14 июля убили всех обнаруженных женщин и детей, забросав их телами колодцы, а сам поселок сожгли. Разложение трупов в жару сделало уничтоженное селение в полном смысле мертвым местом: из белых частей 16

⁵⁶⁶ Подпрятков Н. В. Борьба против Советской власти в Восточном Туркестане в 1917–1921 гг. // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: Материалы научно-практической конференции. Пермь, 1998. С. 15.

⁵⁶⁷ Известия ЦИК Туркеспублики. 1921. 25 мая.

⁵⁶⁸ Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.). С. 134–135.

⁵⁶⁹ Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. С. 216.

⁵⁷⁰ Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994. С. 58.

⁵⁷¹ Там же. С. 47.

августа 1918 года докладывали, что занять сожженный Маканчи не удалось, поскольку там «все... заполнено трупами и даже в колодцах, почему подойти к Маканчам нельзя». В этом поселке был «зверски сожжен» и член Учредительного собрания алашординец Отунчи Альджанов. Больше всего пострадала Садырская волость Лепсинского уезда, где вырезали свыше 5 тыс. жителей. Военные сводки белых отмечали: «Большевиками уничтожены целые киргизские волости»⁵⁷².

Бешеное вырезание казахского населения Семиречья объяснялось не только его враждебностью к большевикам, но и свежей памятью о жестокостях восстания 1916 года⁵⁷³, когда в Туркестане пострадало 8 тыс. русских семей, из которых 6 тыс. потеряли все имущество (особенно в Семиречье). Дипломатический чиновник писал, что дома беззащитных русских переселенцев Семиречья казахами сжигались, имущество расхищалось, «мужское население беспощадно вырезалось, а женщины и дети уводились в горы, где подвергались всяческим надругательствам...»⁵⁷⁴. В Семиреченской области за 1916 год было сожжено 1300 усадеб, убито 1905 русских, а 1105 пропало без вести (в основном исчезли женщины, уведенные в плен)⁵⁷⁵. Вернувшиеся с фронта в 1918 году русские крестьяне-переселенцы яростно мстили казахскому населению за разорение своих хозяйств в ходе восстания.

Сведения о невиданном красном терроре в Семиречье немедленно и широко распространились. Российский консул в Урумчи А. Л. Дьяков телеграфировал в Пекин 19 июня, что большевики «... в Верном и уезде учинили зверства[,] небывалые доселе нигде. Каторжане заседают комиссарами, грабят, убивают противников, сжигают живьем и насилуют массу женщин. Ужас Семиречья небывалый. Китайских подданных мусульман перебито пока свыше тысячи». О том же писал и российский консул в Кульдже: большевики Семиречья – лица с уголовным прошлым, которые поголовно истребляют казаков и мусульман, сжигают живьем брошенных при бегстве женщин⁵⁷⁶. Местное казачество и представители казахской Алаш-Орды 29 июня 1918 года телеграфировали в штаб Степного Сибирского корпуса, Семиреченскому войсковому атаману и в Алаш-Орду: «В Верненском уезде совершенно уничтожены станицы Малая, Большая, Каскелен, Тастак, некоторые киргизские, старожильческие селения. Большая часть населения без различия полов, возраста вырезана большевиками... По декрету облсовета казаки лишены звания, земли и общественных прав и киргизы ограничены в правах»⁵⁷⁷.

В ответ белые, разгромившие отряд И. Е. Мамонтова, не брали пленных, уничтожали население переселенческих сел, поддержавших большевиков (из 150 тыс. новоселов Семиречья от 10 до 15 тыс. присоединились, по данным М. Тынышпаева, к большевикам), а впоследствии так объясняли упорство красных, яростно защищавших город Верный: «Среди казаков (наиболее богатая часть населения), считавших себя собственниками края, была пропаганда уничтожения всего не казахского населения. Это известно всему краю. Поэтому теперь большевики на все призывы сложить оружие отвечают: „Отступать нам некуда... сдаваться не можем, потому что нас перебьют безоружных“»⁵⁷⁸.

⁵⁷² Движение Алаш: Сб. документов и материалов. Алматы, 2005. Т. 2. С. 315–323; Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. С. 58.

⁵⁷³ Ганин А. В. Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1 (7). С. 94–124.

⁵⁷⁴ Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 605–606; Чиркин С. В. Двадцать лет службы на Востоке: записки царского дипломата. М., 2006. С. 256.

⁵⁷⁵ Зорин А. Н. Революционное движение в Киргизии (северная часть). Фрунзе, 1931. С. 18, 19; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. документов / Ред. А. В. Пяковский. М., 1960. С. 64, 88–90, 271, 415.

⁵⁷⁶ Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М., 2011. С. 416–417.

⁵⁷⁷ Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. С. 52–53.

⁵⁷⁸ Симонов Д. Г. Белогвардейские вооруженные формирования на Семиреченском фронте в 1918 году // Материалы Международной научно-практической конференции «Роль архивных документов в исследовании социально-политического и культурного развития страны». Семей (Семипалатинск), 2010. С. 95–113; Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия.

В июне 1919 года комитет экономической политики колчаковского правительства отметил, что к весне убытки оседлого населения области составили 185 млн рублей, а одних казахов при уничтожении целых аулов было убито до 10 тыс.⁵⁷⁹ Тем летом в районе селений Петропавловское и Черкасское были сосредоточены беженцы – члены семей большевиков, окруженные войсками Б. В. Анненкова, – до 40 тыс. душ на 40 квадратных верстах. В конце августа генерал-майор Н. М. Щербаков сообщал, что накал противостояния старожилов и новоселов на Семиреченском фронте приобрел крайние формы: «...буквально все бабы и дети принимают участие в борьбе... при атаках бабы с вилами прикалывают наших раненых. Я сам лично наблюдал, когда дети занимались подносом патронов и т. д.»⁵⁸⁰

Большевики подтверждали, что конфликт в Казахстане не подчиняется их идеологическим схемам. Работник Главного штаба войск Туркеспублики, обследовав в июле 1919 года Семиреченский Северный фронт, докладывал: «...борьба происходит не партийная, а просто вражда казаков с крестьянством, людей, борющихся за идею коммунизма, слишком малый процент». Фронтной лектор Трофимов сообщал в политотдел Семиреченского Севфронта, что «о партии и ее задачах большинство армейцев или совсем никакого представления не имело, или имело уродливые, невыгодные для партии понятия...», причем «настроение громадного большинства фронтовиков... было остро-враждебным»⁵⁸¹.

Ниже мы оспорим мнение известного исследователя М. В. Шиловского о том, что «первая» советская власть в Сибири «при всех ее изъянах и пороках не практиковала массового насилия, прежде всего в силу своей слабости»⁵⁸². Так, большой кровью сопровождалось установление советской власти в Иркутске. Юнкера и казаки с 8 по 17 декабря 1917 года вели в городе жестокие бои с большевиками, на стороне которых выступило немало уголовников. Красногвардейцы не только обстреливали Иркутск из орудий, но и совершили массу грабежей, поджогов, убийств и изнасилований. Подкрепления красных, задавивших юнкеров численностью, прибывали порой без оружия, но зато с четкими планами мародерства, пустыми мешками и повозками. В результате боев погибло свыше тысячи человек, включая до 200 гражданских лиц⁵⁸³.

Чтобы заставить сдаться «буржуев», черемховские анархисты зажгли центр Иркутска. Красный штаб «ворчал на это, что черемховцы допускают недопустимые приемы борьбы, что в другое время это было бы подведено под ст[атьи] уголовных законов. Но черемховцы знали, что цель оправдывает средства...»⁵⁸⁴. Другой мемуарист рассказал о беспощадности и к своим, когда юнкера «...человек пятьдесят [наших] пленных посадили на крышу своего штаба, чтобы мы не обстреливали его. Обстрел мы не прекращали. Человек двенадцать убили»⁵⁸⁵.

Бессудные расправы при «первой» советской власти происходили повсюду и в городах, и в сельской местности, а отношение к многочисленным арестованным изначально не отличалось гуманностью. В конце января 1918 года солдаты 39-го полка в Томске самосудом убили и ранили 10 арестованных. Вышедший из Иркутска в январе 1918 года небольшой красный отряд, достигнув Киренска, мародерствовал и расстрелял целый ряд местных жите-

С. 58.

⁵⁷⁹ Эхо. Владивосток, 1919. 27 июня. № 92.

⁵⁸⁰ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 590. Л. 3 об.

⁵⁸¹ Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти. С. 243.

⁵⁸² Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири. С. 162.

⁵⁸³ Новиков П., Романов А. Заготовка жёрнова на собственную шею: приключения борцов за советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке // Родина. 2011. № 2. С. 98.

⁵⁸⁴ Буйских А. Н. Революционные очерки. Кн. 1. С. 55.

⁵⁸⁵ Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 93.

лей⁵⁸⁶. А крупный отряд черемховских рабочих-анархистов, выступивший в конце 1917 года на Иркутск, публично, с целью «воспитания» своих отрядовцев, расправился в пути с тремя пойманными разведчиками: «После допроса офицеры были расстреляны при всех черемховцах...» (здесь же автор мемуаров указывал, что впоследствии сами черемховцы, захваченные белыми в плен, мирно содержались в Иркутске в качестве заложников)⁵⁸⁷.

Пробиравшихся на Дальний Восток к Г. М. Семёнову весной 1918 года офицеров и кадетов часто вылавливали и расстреливали: на станции Слюдянка (в 100 верстах от Иркутска) было уничтожено до 400 офицеров⁵⁸⁸. В достоверность этой цифры, приведенной А. В. Колчаком, верить можно: так, 12 марта на этой станции по распоряжению комиссара Дашкова были задержаны и расстреляны девять кадетов Иркутского корпуса в возрасте от 13 до 16 лет и прапорщик Вторушин⁵⁸⁹.

В Омске в ответ на огромную, почти 10-тысячную религиозную процессию 18 февраля 1918 года, протестовавшую против ареста епископа Сильвестра и намерений властей конфисковать ряд церковных зданий, красные объявили город на осадном положении и в течение трех дней разгоняли стихийные митинги протеста, избивая горожан прикладами винтовок. При подавлении беспорядков красногвардейцы совершили «дикое убийство» дьякона Н. Цикуры⁵⁹⁰, а находившийся в Омске продовольственный отряд петроградских матросов на месте расстрелял, по признанию властей, без всякого суда и следствия нескольких протестовавших⁵⁹¹.

В резолюции о борьбе с контрреволюцией Омский совет пригрозил, что все активные противники советской власти «будут беспощадно расстреливаться отрядами Совета на месте преступления»⁵⁹². С другой стороны, местные власти испытали некоторое смущение именно из-за подобных бессудных убийств и грабежей со стороны матросского карательного отряда. Председатель Западно-Сибирского совета рабочих депутатов Н. Н. Яковлев инициировал принятие резолюции, осуждавшей матросские самосуды; характерно, что эсеры-максималисты выступили против подобного осуждения крайних мер борьбы с классовыми врагами⁵⁹³.

В марте 1918 года начальник штаба Красной гвардии В. Злобин с карателями «1-го Северного морского отряда» юного латыша-эсера М. А. Запкуса по подозрению в организации антисоветского восстания расстреляли в Тюмени «близ каталажной тюрьмы без соблюдения формальностей 14 горожан, среди которых были помощник начальника уголовной милиции Кальченко и прапорщик Сарычев». Действовавший под черным знаменем отряд Запкуса установил в Тюмени советскую власть и конфисковал ценности у зажиточных горожан (вскоре уральские власти арестовали Запкуса, но его судьба, как и судьба награбленного золота, до сих пор неизвестна)⁵⁹⁴. В июле вся Тюмень хоронила двух замученных сыновей видного горожанина А. И. Колокольникова, младшему из которых было 14 лет: после экзекуции еще живые юноши были брошены в тюремный колодец и забросаны землей⁵⁹⁵. К маю того же года относятся сообщения меньшевистской прессы о пытках и порке резиной в красной Тюмени; там

⁵⁸⁶ Ларьков Н. С. В вихре кровавом // Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 252; Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921) / Ред. В. Т. Агалаков и др. Иркутск, 1987. С. 22, 136.

⁵⁸⁷ ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 6–7.

⁵⁸⁸ Арестант пятой камеры. М., 1990. С. 377.

⁵⁸⁹ Корнеев Д. Корпус, не сделавший ни одного выпуска // Русский Восток. 2001. Сент. № 41–42.

⁵⁹⁰ Булдаков В. П. Красная смута. С. 451; Сушко А. В. «Поповский мятеж» 1918 г. в Омске: к оценкам религиозности населения в эпоху Русской смуты // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Материалы IV Международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 г., Омск). Омск, 2021. С. 296.

⁵⁹¹ Пролетарий. Омск, 1918. 1 марта. № 9.

⁵⁹² Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917–1920 гг.). Омск, 1952. С. 75.

⁵⁹³ Помозов О. А. День освобождения Сибири. Томск, 2014. С. 324–325.

⁵⁹⁴ Кононенко А. А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1922 гг. Тюмень, 2011. С. 79–90.

⁵⁹⁵ Петрушин А. А. Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова. Тюмень, 2011. С. 244, 60.

же комендант, прапорщик Битюгов, был в июле опознан местными как виновник арестов и расстрелов многих офицеров⁵⁹⁶.

После крестного хода в Тобольске 15 апреля 1918 года был арестован возглавлявший протестное шествие епископ Гермоген (Долганёв), жестоко убитый два месяца спустя. А в Туринске тем летом было объявлено военное положение, и прибывший из Тюмени красногвардейский отряд юнца В. В. Моторина «прежде всего ограбил купцов, объявив реквизицию золота, серебра, меди „и всего прочего“», а потом «стал наводить на жителей страх своей бестолковой... стрельбой на улицах в кого попало»⁵⁹⁷.

Весной того же года томские коммунисты практиковали постоянные аресты подозрительных, объявили город на осадном положении и угрожали в случае мятежа снести его артиллерийским огнем. Красные патрули стреляли во всех, кто осмеливался идти по улице ночью⁵⁹⁸. Член областной организации штабс-капитан Лаптев в Томске, будучи арестован большевиками, подвергся пыткам, но не выдал товарищей. В конце мая томские чекисты схватили несколько членов подпольной офицерской организации: прапорщика С. Н. Николаева, поручиков С. Прохорова-Кондакова и Максимова, вольноопределяющегося эсера И. П. Иванова, священника (бывшего офицера) Н. А. Златомрежева. После пыточного допроса их зверски убили конвоиры-красногвардейцы, бросив трупы в Томь (у Иванова был выбит глаз, у Прохорова-Кондакова – оба глаза выколоты)⁵⁹⁹. А в Барнауле 11 июня, при подавлении выступления офицерской организации, были добиты раненые повстанцы и погибли от рук красногвардейцев некоторые жители, не причастные к мятежу⁶⁰⁰.

Вообще, самосуды процветали повсеместно и продвигались как снизу, так и сверху. Низы самостоятельно уничтожали уголовных преступников и тех, кто подозревался в каком-либо криминале; советские верхи инициировали расправы над политическими врагами и снисходительно относились к бессудной ликвидации уголовных. Многочисленные примеры крестьянских расправ описывала тогдашняя пресса: например, в январе 1918 года в селе Боровлянка Барнаульского уезда мужики схватили четверку хулиганствовавших подростков и самосудом обезглавили троих, а четвертому порезали шею и проломили череп. В старообрядческом (!) селе Верх-Убинском Змеиногорского уезда только за Масленицу было убито семь человек, из-за повального пьяного хулиганства стало опасно вечером выйти на улицу, а одного молодого крестьянина за изнасилование (или только попытку) самосудом удавили прямо в волостном правлении⁶⁰¹. Демобилизованные наводили порядок как могли: в одном из забайкальских сел вернувшиеся солдаты вынесли смертный приговор дезертиру, арестованному в пьяном виде и сознававшемуся в убийствах. Его казнили прямо в зале волостного правления, а потом произвели, согласно публикации в газете, «чистку среди местных патентованных хулиганов»⁶⁰².

Делопроизводитель Каинского совдепа вспоминал о событиях первой половины 1918 года и первых шагах большевиков: «Было хорошо, но были самосуды, учиняемые массами над виновными и невинными»⁶⁰³. Минусинский большевик писал об организации трибунала в городе в декабре 1917 года: «Отсутствие в деревнях какой бы то ни было судебной власти и воз-

⁵⁹⁶ Мельгунов С. П. Красный террор в России, 1918–1923. М., 1990. С. 122; Филимонов Б. Б. На путях к Уралу. Поход Степных полков. Лето 1918 г. Шанхай, 1934. С. 88–89.

⁵⁹⁷ Вельский В. Навстречу свержению (страничка из воспоминаний) // Заря. Омск, 1919. 25 мая. № 109. С. 2.

⁵⁹⁸ Кирилов А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. Вып. 3. С. 38, 39.

⁵⁹⁹ Вегман В. Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске // Сибирские огни. Новониколаевск, 1923. № 1–2. С. 135; Ларьков Н. Рождение Сибирской белой гвардии. С. 197; Помозов О. А. День освобождения Сибири. С. 440.

⁶⁰⁰ Краснощёков А. А. Восстание в Барнауле 11 июня 1918 г. // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. С. 98–99.

⁶⁰¹ Афанасьев П. А. «Алтайские инквизиторы»: самосуд в среде алтайского крестьянства в 1917 г. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 2017. С. 49–54; Булдаков В. П. Красная смута. С. 207; Алтайский луч. Барнаул, 1918. 3 апр.

⁶⁰² Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Революция, религия, культура. С. 182.

⁶⁰³ Материалы Куйбышевского краеведческого музея Новосибирской области (сведения С. П. Березовского).

вращение с фронта деморализованных, распущенных солдат, про[из]водило массу преступлений, заставивших крестьян прибегать к самосудам, стихийно пронесшимся по всему уезду»⁶⁰⁴. Руководители Тарского уездного совета в апреле 1918 года телеграфировали вышестоящим властям: «Положение критическое. Происходят самосуды. Погромы. Судебный аппарат нормально не функционирует»⁶⁰⁵.

Зараженные красным бандитизмом, местные власти нередко сами были инициаторами самосудов. Писатели И. Вольнов с А. Новиковым-Прибоем (в компании с Максимом Пешковым) в 1918 году ездили на Алтай за хлебом для Москвы: «В одном селе Вольнов наблюдал, как местная власть в лице бывших моряков и солдат приговорили женщину к смерти, ибо соседи подозревали ее в колдовстве. Приговоренную живую зарыли в землю, при этом население не возмутилось»⁶⁰⁶. Один из руководителей Томского совета, А. И. Беленец, вспоминал о бессудных расправах с мешочниками на железной дороге, конфисковывать имущество которых были отправлены воинские и красногвардейские отряды численностью до 400 бойцов: «Явных спекулянтов тут же арестовывали, а пытавшихся оказать сопротивление с оружием в руках расстреливали на месте»⁶⁰⁷.

Когда 6 марта 1918 года состоялся Учредительный Горно-Алтайский краевой съезд инородческих и крестьянских депутатов, было принято решение о выделении Горного Алтая в самостоятельный Каракорум-Алтайский округ, а затем и республику. Бийский совет сразу же высказался против появления округа и постоянно информировал вышестоящие органы власти о его «контрреволюционности». В трех волостях Горного Алтая (Мыютинской, Шебалинской и Быстринской) в апреле и мае 1918 года произошли вооруженные столкновения красногвардейцев Бийского совдепа с отрядами Каракорум-Алтайской управы. Председатель Шебалинского совдепа В. И. Плетнёв «инсценировал перед Бийским совдепом грозящую опасность [для] Советской власти» и добился посылки карательного отряда, который по пути в Шебалино произвел расправу и в Мыютинской волости. Через месяц, 21 мая, в Мыюте опять произошло вооруженное столкновение красногвардейцев Плетнёва и каракорумцев. Местный священник писал: «У нас в Мыюте было полное сражение. <...> Из алтайцев убито 7 человек (а может[,] и больше)... После бойни ловили и били алтайцев прикладами»⁶⁰⁸. Только под давлением вышестоящих органов Бийский совдеп вынужден был прекратить вооруженные выступления против Каракорума.

После разоружения минусинскими красногвардейцами казаков А. А. Сотникова (атамана Енисейского казачьего войска) большевик А. И. Перфильев в марте 1918 года во главе небольшого отряда был командирован в крупную казачью станицу Каратуз «для карательных целей». «Исполнив возложенное задание», отряд Перфильева вернулся в Минусинск, привезя «массу трофеев и военнопленных офицеров»⁶⁰⁹.

В Новониколаевске в конце марта 1918 года, когда красногвардейцы пытались разоружить эшелон ехавших якобы к Г. М. Семёнову 70 демобилизованных балтийских матросов, из-за общей паники было введено военное положение. При «разоружении» матросы не пострадали, зато было убито восемь пассажиров и 26 – ранено. Красногвардейцы смогли арестовать 32 матроса, которые быстро были освобождены оставшимися, прошли маршем по центру

⁶⁰⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 830. Л. 1.

⁶⁰⁵ См.: Пьянова О. А. Создание и деятельность революционных трибуналов в Западной Сибири. Декабрь 1917 – май-июнь 1918 гг. // Проблемы истории Сибири: Сб. научных статей к 80-летию со дня рождения М. Е. Бударина. Омск, 2000.

⁶⁰⁶ Миокин М. В., Юдин В. А. Публицистические аспекты русской прозы 1920–1930-х годов. Тверь, 1998. С. 5.

⁶⁰⁷ Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь Томска в 1917–1919 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 145.

⁶⁰⁸ Майдурова Н. А. Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 гг. От Горной Думы к Каракоруму. Горно-Алтайск, 2002. С. 94–96.

⁶⁰⁹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 830. Л. 3–4.

города и уехали. Организатор Красной гвардии и заведующий военным отделом уездисполкома И. П. Ботко, воспользовавшись военным положением, собственноручно участвовал в ряде убийств. Одна из камер гауптвахты бывшего 17-го Сибирского стрелкового запасного полка в Военном городке в мае 1918 года выглядела так:

Полы и нары покрыты запекшейся кровью. Доски нар и на другой своей стороне, когда их перевернули, оказались сплошь покрыты кровью... истыканы штыками... на стенах – брызги крови. Общее мнение говорит об убитых здесь во время осадного положения грабителях, ворах-рецидивистах, хулиганствующих красногвардейцах и армейцах, снятых с поезда «семёновцах»... Определенно известно об убийстве во время осадного положения бывшего помнач уголовного розыска (при царском правительстве) Миллера и делопроизводителя Новониколаевской городской управы [анархиста] Калинина... По словам случайно задержанных... Миллер был арестован и возмущался обилием лично ему известного уголовного элемента в рядах красногвардейцев⁶¹⁰.

После отмены осадного положения выяснилось, что вещи, конфискованные у «подозрительных» граждан, свозились в Дом революции и принимались там без всякой описи. Аресты сопровождались издевательствами, побоями, а двое безоружных, не оказывавших сопротивления, были застрелены. О комиссаре контрразведки Новониколаевского совдепа И. М. Амстердамском, убитом в начале 1919 года конвоирами, в следственных материалах говорилось, что по его «указанию... производились расстрелы офицеров и других лиц[,] и в частности околоточного надзирателя Миллера». В мае 1918 года большевики убили бывшего новониколаевского полицмейстера В. А. Бойчевского⁶¹¹.

Убийства, многочисленные избиения и грабежи были произведены по приказу руководителей Новониколаевского военно-революционного штаба Ф. И. Горбаня и С. А. Шварца, которых местные власти отстранили от должностей, исключили из партии и отдали под суд. Вскоре выяснилось, что Горбань и Шварц также присваивали себе конфискованное имущество, пьянствовали и дебоширили⁶¹², но какого-либо наказания они не понесли. В 1923 году Шварц вспоминал о размахе обысков и конфискаций: члены штаба отвечали за приемку не только оружия и обмундирования, но также золота и других ценностей. Шварц признал три случая убийств: при попытке бежать был застрелен красноармейцем Закурдаевым анархист Калинин, якобы имевший при себе шифрованную телеграмму; был убит Миллер (его Шварц повысил до бывшего «начальника охранки»); милиционеры ликвидировали группу уголовников, известив штаб уже после расстрела⁶¹³.

Как писал в 1924 году известный историк-социалист Н. А. Рожков, основная масса русских рабочих в революционные годы была настроена анархистски и максималистски⁶¹⁴. То же относилось и к солдатам: В. Д. Вегман отмечал выраженную анархичность солдатской массы, когда 70-тысячный гарнизон в Томске в 1917 году состоял из крестьян и поддерживал эсеров, но в действительности был «анархически настроен»⁶¹⁵. В Красную гвардию, через отряды кото-

⁶¹⁰ Сибирская жизнь. Томск, 1918. 13 июня. № 35.

⁶¹¹ Судебная хроника // Военные ведомости. Новониколаевск, 1919. 21 февр. № 70; Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. С. 196.

⁶¹² Помозов О. А. День освобождения Сибири. С. 328, 355.

⁶¹³ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 18. Д. 12775. Л. 14–15.

⁶¹⁴ Волобуев О. В. Н. А. Рожков и послеоктябрьский меньшевизм // Вестник Тверского государственного университета. 2010. Вып. 2. С. 43.

⁶¹⁵ Сибирские огни. Новосибирск, 1928. № 1. С. 275. См. также: Шекшеев А. П. Революция и солдатский плебс (О влиянии солдатской массы на революцию в Енисейской губернии) // Культура и социум. Абакан, 2002. С. 57–70.

рой к весне 1918 года прошло свыше 250 тыс. человек⁶¹⁶, пролетарии шли не столько ради идеи Советов, сколько за жалованьем, оружием, обмундированием и, разумеется, личной властью. Содержались эти охранные отряды в значительной степени за счет реквизиций, взимаемых с населения⁶¹⁷.

В апреле 1918 года житель Успенской волости Иманского уезда Приморской губернии К. Радзивилль писал во ВЦИК о том, что во многих местах красногвардейцы «не защитники советской власти, а губители», поскольку их не отбирают сельские общества из достойных людей, а они сами «пишутся как попало» в отряды⁶¹⁸. Среди пролетарских боевиков было много неустойчивой молодежи. Так, Василий Шпицер, 16-летний слесарь, в 1918 году записался в Красную гвардию в городе Таре и, по собственному признанию во время партийной чистки 1929 года, сделал это «конечно, не по убеждению, а потому что там давали лошадь и оружие»⁶¹⁹.

Биографии активных участников и вожаков Красной гвардии – это портреты маргинализированных личностей, увидевших в обстановке Гражданской войны возможность сделать военную и политическую карьеру, не обременяя себя моральными запретами. Среди них были и революционеры с большим стажем, и «новые красные» (о тесных связях легендарного «авторитета» Н. А. Каландаришвили, известного как Дед⁶²⁰, с уголовным миром будет сказано ниже).

Сын рижанина-домовладельца А. К. Озолин бросил коммерческое училище и в 19-летнем возрасте стал боевиком-террористом Рижского комитета большевиков. Он вспоминал: «В 1906 году в марте, во время экономической забастовки... убит мой отец – как штрейкбрехер. И не жаль. И хочется сказать матери: „Чего же ты плачешь – не стоит“. <...> Полоса покушений, засад, перестрелок, патрулей и арестов. В ночь с 9 на 10 июня 1907 года я арестован по обвинению в участии в нескольких террористич[еских] актах и через 8 месяцев осужден в числе пяти человек к смертной казни через повешение. Однако ввиду несовершеннолетия всех обвиняемых – смертная казнь отменяется... А два товарища убиты при аресте... В 1910 году меня в числе 37 человек за попытку к бегству отправляют из Рижского центра в штрафную Псковскую каторжную тюрьму. В 1912 году в итоге хлопот матери сокращается срок моего заключения на 10 лет». В декабре 1917 года Озолин участвовал в боях с юнкерами в Иркутске, затем занимался организацией Гмыльской крестьянской боевой дружины (из фронтовиков) для борьбы с атаманом Семёновым, а весной 1918 года командовал «отрядом при подавлении первого в Иркутской губернии [антисоветского] Голуметовского восстания [в селе Троицком]». Впоследствии Озолин руководил Олонцевской губЧК, Алтайским и Иркутским губотделами ОГПУ, но спился и был уволен; в 1937 году его ждали арест и смерть в тюрьме⁶²¹.

Анархист-коммунист С. В. Шкитов (1887 – после 1967) с 1905 года включился в революционное движение в Красноярске и в 1907 году, по его словам, «лично участвовал в убийстве начальника Красноярской тюрьмы Смирнова, старшего городского Юсупова, в Благовещенске при задержании убил городского и ранил агента охранного отделения, участвовал в нескольких экспроприациях в 1908–1909 годах», арестовывался, бежал, жил на нелегальном положении. В 1917–1918 годах он красногвардеец, участвует в боях в Иркутске и подавлении выступления казаков Сотникова в Красноярске, затем арестован по обвинению в убийстве красногвардейца, но месяц спустя освобожден и уезжает в деревню. В конце 1919 года Шкитов примыкает к

⁶¹⁶ *Верхось В. П.* К вопросу о численности Красной гвардии // Вопросы истории КПСС. 1971. № 10. С. 106.

⁶¹⁷ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. С. 128.

⁶¹⁸ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 72. Л. 102.

⁶¹⁹ ГАО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 939. Л. 4 об., 12–23.

⁶²⁰ Крестьяне и белые именovali его Карандашом.

⁶²¹ ГАО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 333 (ЛД). Л. 1–11; *Тепляков А. Г.* Портреты сибирских чекистов (1920–1953 гг.) // Возвращение памяти. Новосибирск, 1997. Вып. 3. С. 71.

большевикам в Красноярске, поступает в начале 1920 года в губЧК и подвизается исполнителем смертных приговоров, делая в итоге неплохую карьеру в ВЧК-НКВД⁶²².

Видный красногвардейский командир и большевик с 1917 года Ю. Г. Циркунов оказывался на военной службе несколько раз: в 1903 году этот недавно выпущенный из училища офицер был выгнан из армии решением полкового товарищеского суда за то, что ударил кием сослуживца (тот обыграл его, пьяного, на 25 руб. золотом) и отказался извиниться. С этого момента Циркунов долго жил изгоем, а восстановившись в офицерах в годы мировой войны, стал пораженцем, отметив в автобиографии: «... после братания с немцами все перестали подавать мне руку»; в конце 1917 года он дезертировал⁶²³. Подобные Циркунову маргиналы были обильно представлены в руководстве красногвардейских частей, а также среди активистов⁶²⁴.

Некоторые видные большевики начали свою деятельность с работы на царскую полицию. Так, П. Ф. Сухов, выходец из семьи зажиточных служащих уральских заводов, отчисленный из гимназии за постоянную неуспеваемость, связался с подпольем и распространял нелегальщину. Позднее он был завербован охранкой и отправлен при «первой же возможности» в Кузбасс, где сперва собирал сведения, а в 1917 году стал секретарем и членом Кольчугинского совдепа⁶²⁵.

Один из политических оппонентов резко, но вполне верно охарактеризовал большевистскую гвардию как «составленную из уголовных преступников, из подонков рабочего класса, озверевшей черни больших городов и из солдат[-]дезертиров»⁶²⁶. Красногвардейские отряды, формировавшиеся из городских низов, с густой примесью авантюристов, хулиганья и уголовников, действительно практически повсеместно являлись люмпенизированным вооруженным сбродом, мародерствовавшим и торговавшим собственным оружием.

Из воспоминаний, оставленных в 1920-х годах красными командирами, комиссарами и рядовыми, можно увидеть, что их подразделения иной раз представляли собой «банды Стеньки Разина» или «разбойничьи обозы» с женщинами, для которых «их временные мужья... запускают руки в крестьянские сундуки, чтобы подарить платок или платье». По воспоминаниям бывших красноармейцев севера России, «отдельными... [их] отрядами производились большие безобразия», что «оттолкнуло население, и красные отряды были выгнаны из ряда волостей», а «крестьяне потихоньку получали оружие от белогвардейцев и убивали красноармейцев»⁶²⁷.

На национальных окраинах бывшей империи, в других регионах ситуация в смысле люмпенизированности красногвардейских толп принципиально не отличалась. Так, по мнению одного из русских офицеров, красные отряды Бакинского совета весной и летом 1918 года состояли из «бездомной и разнузданной рвани» в лице дезертиров и беженцев. Командир одного из таких батальонов, разбежавшихся под ударами противника, жаловался Бакинскому совету на недисциплинированность 700 своих бойцов, которые массово сбегали с позиций, мародерствовали, насиловали как женщин, так и «молодых подростков»⁶²⁸. В конце мая 1918 года Всеукраинский большевистский комитет был вынужден отправить в ЦК РКП(б) жалобу на массовое насилие советских войск, констатируя, что даже многие рабочие отвернулись от

⁶²² Тепляков А. Г. Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х гг. М., 2007. С. 24.

⁶²³ ГАНО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3710. Л. 17 об.; Гришаев В. Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995. С. 168.

⁶²⁴ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 9. Д. 2965. Л. 208–208 об.; ГАТО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 845. Л. 24; Государственный архив Алтайского края [далее – ГААК]. Ф. П-92. Оп. 2. Д. 5. Л. 23, 24.

⁶²⁵ Гордон Е. В. Из истории Гражданской войны на Алтае: Рейд отряда Петра Сухова // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 320.

⁶²⁶ Зайцев И. М. Соловки. Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти. Шанхай, 1931. С. 9.

⁶²⁷ Морозова О. М., Трошина Т. И. Тыл войны без фронта. С. 157.

⁶²⁸ Безугольный А. Ю. Бакинская коммуна и ее армия: социалистические цели – националистические средства // Вестник Евразии. 2006. Вып. 3. С. 111, 118.

советской власти из-за бандитских грабежей, производимых «разложившимися советскими отрядами»⁶²⁹.

Один из советских активистов в Оренбурге вспоминал: «Некоторые товарищи говорили, что наши отряды состояли в большинстве из отбросов, из темного элемента. ...Правильнее будет, если мы скажем, что в отрядах были лица далеко не из честного элемента и даже с уголовным прошлым». И когда в июле 1918 года красные под натиском казаков оставили Оренбург, то из 700 красногвардейцев ушли только 152, а почти 80% остались в городе, не опасаясь белых⁶³⁰. Характеризуя свой отряд черемховских рабочих (до 3 тыс. человек), один из его командиров, П. Ф. Попов, признавал: «Правда, была часть уголовников. Я считаю, что мы не найдем ни одного отряда красногвардейцев, в котором не было бы уголовного элемента. [Он] ...шел в отряд для приобретения оружия... легкого обогащения, легкой наживы»⁶³¹.

Прибежищем уголовных был и отряд Н. А. Каландаришвили. Пресса сообщала, что В. Медвяцкий, участвовавший в формировании черемховских красных отрядов, отправляемых в Иркутск на подавление юнкерского мятежа, в свое время «наделал в Слюдянке много тяжких общественных преступлений, за что и должен был оставить Слюдянку». В 1918 году он и трое его сыновей занимали ряд должностей в 1-м Иркутском кавдивизионе Каландаришвили. Цирковой борец В. Аранович вступил в иркутскую Красную гвардию в конце 1917 года, участвовал в декабрьских боях, а весной 1918-го во время драки с офицером в бильярдной убил противника. Чтобы скрыться от возмездия, записался в 1-й кавдивизион Каландаришвили, позднее сдался белым в Голумети (в 20-х годах Аранович вернулся к прежней профессии и постепенно дорос до директора читинского цирка). Один из организаторов отряда Каландаришвили, Г. Шармазанов, был 15 апреля 1917 года заключен в Иркутскую тюрьму по обвинению в покушении на убийство, но скоро оказался освобожден и примкнул к Деду. В мае 1918 года он был убит в перестрелке с милицией. Немолодой уже И. В. Ионов, житель станции Байкал, судился за изнасилование, пошел в отряд Каландаришвили из-за денежного жалованья, осенью 1918 года дезертировал. А. М. Максименко, отбывший каторжные работы за убийство, служил во 2-м эскадроне⁶³².

«Одним из любимых занятий эскадронщиков Каландаришвили, кроме реквизиции лошадей (по нынешним реалиям – автомобилей), было вымогательство денежных средств за „контрреволюционную деятельность“. Обычно анархисты, узнав о встрече состоятельных горожан за игрой в карты, навевались на квартиру и вынуждали игроков откупаться, грозя в противном случае арестовать их за контрреволюционное сборище». В подобных эпизодах участвовали и командир дивизиона А. Караев, и будущий автор опубликованных воспоминаний о Каландаришвили – М. Церетели. «За другой такой же эпизод в августе 1918 года был расстрелян полуэскадронный 2-го эскадрона, бывший подпоручик А. Сокольников...» В центре города среди бела дня был убит князь Эрестов, пытавшийся сопротивляться похищению своей лошади каландаришвильтцами Чеквиладзе и Титовым: «Следует ли говорить, что убийцы не понесли никакого наказания»⁶³³. Анархисты не только не выдавали своих милиции, но и в ряде случаев сами ее преследовали.

⁶²⁹ Большевицские организации Украины. Организационно-партийная деятельность. Февраль 1917 – июль 1918: Сб. документов и материалов. Киев, 1990. С. 651.

⁶³⁰ Сафонов Д. А. «Опора режима»: проблема защиты коммунистической власти в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2020. № 12 (1). С. 46.

⁶³¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 631.

⁶³² Хипхенов Г. И. Герой должен быть один? Ф. Лавров и Н. Каландаришвили // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 153; [Эл. ресурс]. URL: <http://wap.siberia.forum24.ru/?1-3-0-00000072-000-0-0-1557419364> (дата обращения 6 марта 2023 года); Хипхенов Г. И. 1-й Иркутский кавалерийский дивизион (полк). С. 103, 120, 123, 124.

⁶³³ Хипхенов Г. И. Герой должен быть один? С. 153, 154.

Наиболее характерным проявлением красного террора в период «первой» советской власти стали кровавые события в 75-тысячном Благовещенске, где в марте 1918 года произошел анархический «погром буржуазии», в ходе которого погибло – по максимальной оценке – до 1,5 тыс. служащих, офицеров, коммерсантов⁶³⁴ и случайных лиц. В советской литературе этот эпизод замалчивался, и даже в новейшей академической «Истории Дальнего Востока России» о погроме нет ни слова⁶³⁵. Современный историк со ссылкой на советскую литературу приводит данные о менее чем 300 погибших и 500 раненых с обеих сторон⁶³⁶. Не смогли отыскать всех жертв и составители новейшего сборника об этой трагедии, которые на основании архивов, включая метрические книги, и газет зафиксировали гибель почти 500 горожан и до 200 военных; порядка 3 тыс. горожан бежали в Китай. Поименно учтено 373 погибших и 326 раненых, но на деле жертв было гораздо больше: в захоронение на территории судостроительного завода легли 93 безымянных трупа, а главной могилой стала поляна посреди Амура⁶³⁷.

О благовещенских событиях мельком упоминал в печати коммунист А. А. Ширямов, объясняя жестокости погромщиков исключительно мстью: «Мстить! В силу этого принципа была устроена резня в Благовещенске после мятежа эс-эров...»⁶³⁸. Однако сторонники атамана Гамова оставили в живых всех арестованных руководителей совета, попытавшегося захватить власть в областном центре. Поводом для беспощадного мщения послужил сам факт выступления против большевиков.

Войсковой атаман И. М. Гамов, депутат Госдумы, близкий к эсерам, с октября 1917 по март 1918 года фактически возглавлял Амурскую область. Параллельная власть в лице большевиков и анархистов опиралась на красногвардейцев, которые не пользовались авторитетом среди населения. Исполком Благовещенского совета 29 января 1918 года был вынужден принять постановление о борьбе с теми, кто, именуя себя красногвардейцами, использует это как маску «в грязных разбойничьих деяниях»⁶³⁹. Подготавливая взятие власти, Благовещенский совет 17 февраля 1918 года арестовал 22 офицера, обвинявшихся в качестве активных участников антисоветского заговора. Начались бессудные расправы. Пресса отмечала, что в марте 1919 года в городе удалось было арестовать одного из видных красногвардейских комиссаров, «который лично расстрелял несколько благовещенцев во время февральского переворота в 1918 году», но тот смог бежать из-под стражи⁶⁴⁰. Ответом на нелегитимные действия совета стал стремительный антибольшевистский переворот, известный как Гамовский мятеж. Казаки захватили город, арестовав весь состав облисполкома во главе с Ф. Н. Мухиным, а также свыше 500 красногвардейцев. Это было одно из первых крупных выступлений против советской власти в России⁶⁴¹.

Несколько сотен красных отступили из города в Астрахановку, где организовали ревштаб. Из районов на помощь большевикам пришла крестьянская беднота, а из Хабаровска прибыли по железной дороге 700 красногвардейцев. Много приисковых рабочих, железнодорожников, крестьян откликнулось на призывы ревштаба стать добровольцами. Из одной Ивановки пришли 300 крестьян, и наутро из Астрахановки были готовы идти на Благовещенск 2 тыс. человек⁶⁴². Вскоре в Астрахановке собралось порядка 10–12 тыс. вооруженных крас-

⁶³⁴ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 197; Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 94.

⁶³⁵ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. С. 175.

⁶³⁶ Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 г. Новосибирск, 2010. С. 47.

⁶³⁷ Благовещенск. Март 1918 года / Сост. В. Абеленцев, А. Телюк и др. Благовещенск, 2018.

⁶³⁸ Пролетарская революция. 1924. № 6. С. 269.

⁶³⁹ Голос труда. Благовещенск, 1918. 31 янв. № 232.

⁶⁴⁰ Эхо. Владивосток, 1919. 4 апр. № 29.

⁶⁴¹ Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 120–121.

⁶⁴² Безродных И. Амур в огне. Хабаровск, 1935. С. 15.

ных, которыми руководили прибывшие из Хабаровска члены Далькрайисполкома советов М. И. Губельман и П. Минаев.

Напротив, основная масса казачества заняла выжидательную позицию и не поддержала Гамова. Так, жители станицы Константиновской постановили: «Во избежание пролития братской крови в активную борьбу с большевиками не вступать». Советские войска начали наступление 12 марта и, имея большой перевес в силах, уже к девяти часам утра заняли всю восточную часть города. Двое суток спустя он был захвачен. И только 22 марта на территории архиерейской дачи, вблизи Чепуринского завода состоялись похороны белых и красных – в двух братских могилах под общим курганом. Владивостокский историк А. Д. Самойлов еще в 1969 году кратко отмечал в диссертации, что погибших с советской стороны было 265, а с белой – в несколько раз больше⁶⁴³, т. е. не менее 700–1000 человек. Пресса весной 1919 года сообщала, что при власти красных «...из местного населения расстреляно свыше 1000 человек. Начаты раскопки могил. Большая часть учащейся молодежи после взятия города вступила в ряды нашей армии добровольцами»⁶⁴⁴.

Сын известного меньшевика Л. Г. Дейча Яков Лович описал в документальном романе погром города: «Зазейские крестьяне – из разных богатых Тамбовок, Толстовок, Ивановок, Красноярковых, Кутиловых – ехали [в Благовещенск] на телегах, с удобствами. <...> На тротуарах, у заборов, на крыльцах домов – трупы, трупы, трупы. Шел повальный грабеж. Врывались, убивали, отнимали все ценное, а то, что нельзя было взять с собою сразу, грузили потом на подводы»⁶⁴⁵.

Дикую ночь первых погромов с 12 на 13 марта А. М. Краснощёков, освобожденный из тюрьмы вечером и увидевший, что «идти по улице опасно – свои же могут убить», согласно его дневнику, «провел в чьей-то безлюдной избе», а утром предпочел покинуть разграбляемый город и тайно пробрался в красный штаб в Астрахановке. В телеграмме, тут же отправленной в Хабаровск, он и другие партийные лидеры сообщали о захвате Благовещенска и попытках (без подробностей) наведения порядка: «Принимаются революционные меры борьбы с эксцессами»⁶⁴⁶. Об «эксцессах» известно из воспоминаний очевидцев: во время погрома на улицах города валялись раздетые донага трупы «буржуев»; была расстреляна целая группа гимназистов. Издатель, коммерсант, журналист и поэт Ф. Ф. Коротаев был застрелен среди бела дня на улице⁶⁴⁷. Один из популярнейших в Благовещенске людей, эсер, поэт и издатель сатирического журнала «Дятел, беспартийный» Ф. И. Чудаков и его жена, зная о страшной гибели ряда знакомых, не вынесли мук ожидания прихода погромщиков и 13 марта, убив сначала шестилетнюю дочь, покончили с собой. Из оставленной записки было видно, что они чувствовали связь разразившейся катастрофы с теми радикальными идеями, которые исповедовали: «Уходим от вас честными и чистыми. На наших руках нет крови... Да здравствует Разум»⁶⁴⁸.

Жестокости победителей в захваченном Благовещенске подтверждаются архивными данными. Полпред ГПУ по Сибири И. П. Павлуновский в записке И. С. Уншлихту от 22 ноября 1922 года, в которой предполагал значительное развитие бандитизма на Дальнем Востоке после его советизации, отмечал анархичность местного пролетариата и давал яркую ретроспектив-

⁶⁴³ Трут В. П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 63; Сведения А. Д. Самойлова.

⁶⁴⁴ Эхо. Владивосток, 1919. 18 марта. № 15.

⁶⁴⁵ Лович Я. Л. Враги. М., 2007. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.litres.ru/yakov-lovich/vragi/chitat-onlayn/> (дата обращения 6 марта 2023 года).

⁶⁴⁶ Мухачёв Б. И. Дневник А. М. Краснощёкова (по новым архивным документам) // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 4. С. 16.

⁶⁴⁷ Чудаков Ф. «Чаша страданья допита до дна!...»: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Сост., предисл., коммент. А. Урманова. Владивосток, 2016. С. 592.

⁶⁴⁸ Донских О. А. Остров Элтон, или Одна счастливая русская жизнь. Новосибирск, 2006. С. 21; Амур: Литературный альманах БГПУ / Благовещенский государственный педагогический университет. Благовещенск, 2008. № 7. С. 55.

ную характеристику благовещенским погромщикам, причем, как и А. Ширямов, употреблял термин «резня». При этом чекист не упоминал ни о какой мести, а видел в событиях социальную чистку. Приисковых рабочих, составлявших ядро погромщиков, он характеризовал как тип «таежного рабочего-хищника», указывая: «По составу это прежде всего наследие каторги, уголовный элемент, далее – разного рода бродячий люд, привыкший к тайге, дезертиры, безработные из городов и т. д.» Почти все амурские прииски после революции были захвачены рабочими, которые сами распоряжались добытым золотом, сбывая его в основном китайцам, поскольку те платили дороже. После свержения советской власти многие из этих рабочих ушли в тайгу, партизанили и «дали... ряд опаснейших анархических отрядов»⁶⁴⁹.

Как писал Павлуновский, поводом к погрому стала попытка благовещенских эсеров «устроить восстание и захватить город в свои руки», в ответ на что «масса рабочих с приисков хлынула в город, взяла его штурмом и устроила поголовную резню (буржуазии „вообще“). Ходили отрядами из дома в дом и вырезали всех заподозренных в восстании и сочувствующих им. Между прочим, вырезали почти весь состав Благовещенского Городского Управления, особенно крошили спецов и служащих горных контор»⁶⁵⁰.

Население обычно ненавидело красных штурмовиков как яркий символ революционного произвола и нередко выступало против него. В декабре 1917 года значительная часть жителей Петрограда мечтала «увидеть на углах [немецких] шутцманов вместо проклятых красногвардейцев»⁶⁵¹, а Анна Ахматова писала, что в те дни «в тоске самоубийства народ гостей немецких ждал». В марте 1918 года Городская дума Владивостока официально заявила, что бессильна бороться с грабежами и разбоями, «так как то же делают самочинные организации: красная гвардия и лига благоустройства города»; думцы указывали на незаконные аресты биржевого комитета, начальников почты и Доброфлота⁶⁵². Чиновник и лидер кадетов Николаевска-на-Амуре Световидов был убит красногвардейцем, а участники похорон жертвы были за высказывание протеста разогнаны прямо на кладбище⁶⁵³.

В Минусинске также в марте 1918 года возникли беспорядки на почве антибольшевистской агитации после жестокого убийства (с ограблением) инженера-путейца Н. С. Берсенева восемью бойцами командира красногвардейцев Е. А. Глухих, который впоследствии признал этот факт⁶⁵⁴. Несколько позже уездный совет отмечал, что среди красногвардейцев, баллотировавшихся в его состав, было несколько уголовников⁶⁵⁵. Население Красноярска, как вспоминал один из красногвардейцев, называло их кровопийцами и разбойниками. О боевых и моральных качествах вооруженной опоры коммунистов последние сами высказывались очень откровенно. Так, один из большевиков Канска весной 1918 года публично заявил: Красная гвардия «доказала, что никуда не годится»⁶⁵⁶.

Железнодорожные милиционеры в ночь на 16 февраля 1918 года на станции Красноярск с трудом отбили налет почти 20 грабителей, среди которых преобладали красногвардейцы⁶⁵⁷. В марте того же года красноярские большевики отмечали, что из-за спешки с формированием частей Красной гвардии в нее вошли «многие темные личности», а И. Л. Наханович, выступая 31 мая на Западно-Сибирской партконференции, заявил, что томские большевики допустили

⁶⁴⁹ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 76. Л. 74.

⁶⁵⁰ Там же.

⁶⁵¹ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. СПб., 2000. С. 213.

⁶⁵² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 72. Л. 21 об.

⁶⁵³ Птицын С. А. Николаевск в 20-м. С. 28–29.

⁶⁵⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 830. Л. 4; Шекшеев А. П. Уголовная стихия на Енисее. С. 99–100.

⁶⁵⁵ Известия Минусинского объединенного комитета Советов. 1918. 29 мая.

⁶⁵⁶ Мармышев А. В., Елисеев А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 31, 29.

⁶⁵⁷ Гроза над Енисеем: Русская революция в Енисейской губернии / Ред. А. Г. Елисеев и др. Красноярск, 2017. С. 366.

проникновение в красногвардейские отряды «темного элемента»⁶⁵⁸. Однако власти старались защищать репутацию своей охраны: той же весной омич П. Рогачёв получил от трибунала три месяца общественных работ за публичное оскорбление красногвардейцев – поскольку назвал их грабителями, и заявил, что в ряды Красной гвардии «не пойдет ни один порядочный человек»⁶⁵⁹. Это мнение было всеобщим. Так, барнаульцы смотрели на красногвардейцев, по их же мемуарам, «с презрением и насмешкой», как на лодырей и бродяг, причем даже рабочие говорили: «Вы – дармоеды и грабители, там ни одного порядочного человека нет»⁶⁶⁰.

Мемуарист сообщал: красногвардейцы повсеместно были до того распушенны, что «спали на часах возле складов оружия, и у них из-под носа [офицеры] вывозили пулеметы и ружья». В Томске белые заговорщики даже покупали пулеметы у красных⁶⁶¹. Читинская Красная гвардия, по мнению председателя Забайкальского облисполкома советов В. Н. Соколова, возглавлялась «почти целиком анархическими элементами с густой примесью бывшей каторжной уголовщины»⁶⁶².

Аналогично выглядел и отряд черемховских рабочих Д. М. Третьякова и А. Н. Буйских. После участия в декабрьских боях 1917 года в Иркутске отряд был отправлен на восток устанавливать советскую власть и, прибыв в марте 1918 года в богатые купеческие Троицкосавск и Кяхту, произвел, по словам одного из участников, «очень крепкую реквизицию». В ответ на требование властей навести в отряде порядок черемховцы блокировали местную Красную гвардию в казарме и арестовали членов совета. Отряд анархистов настолько увлекся грабежами, что в апреле Центросибирь вернула черемховцев в Иркутск, заменив отрядом Н. В. Соколова из Верхнеудинска. Но часть третьяковцев осталась в Троицкосавске, продолжая мародерствовать и пьянствовать. Когда почти все красногвардейцы ушли, оставшихся в городе – командира Грайцера и его приближенных – горожане арестовали и отправили в Черемхово⁶⁶³.

Между тем основная часть третьяковского отряда, захватив в заложники местных купцов, поддерживавших атамана Семёнова, подъехала к Иркутску, где встретила неласковый прием: «...Иркутск имел сведения, что наш отряд занимался мародерством, около семафора нам было предложено сдать оружие. Наше командование выполнило волю отряда[,] и это вполне понятно в то время – простое голосование и никаких гвоздей – не согласились на разоружение. Потом, когда [нам] пригрозили, что стоят орудия, пулеметы, что одно из двух, или держать бой[,] или сдаваться, решили разоружиться. Часть оружия сдали, часть спрятали в вагонах...» Руководители отряда Третьяков и К. М. Кошкин были арестованы, но затем смогли освободиться⁶⁶⁴; отобранное оружие отряду вернули. Позднее руководители черемховского отряда признавали: при приближении красногвардейцев к тому или иному селу крестьяне обычно бежали от них «как от банды»⁶⁶⁵.

⁶⁵⁸ Павлова И. В. Красная гвардия в Сибири. Новосибирск, 1983. С. 84, 86.

⁶⁵⁹ Кокоулин В. Г. Омск в годы революций. С. 333.

⁶⁶⁰ Кокоулин В. Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма». С. 96.

⁶⁶¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин. 1921. Т. 1. С. 63; Вегман В. Сибирские контрреволюционные организации 1918 г. // Сибирские огни. Новосибирск, 1928. № 1. С. 136.

⁶⁶² Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. С. 102; Жигалин Я. П. Партизанские отряды занимали города. Барнаул, 1965. С. 28–29.

⁶⁶³ Доклад П. Ф. Попова в Иркутске, 1934 // ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 10; Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии. С. 169; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся – теория и практика. Омск, 1996. Ч. 2: 1918–1925. С. 5–6.

⁶⁶⁴ Такие кратковременные аресты Ф. Лаврова, Е. Пережогина и других подобных им вожakov подтверждают тогдашнюю практику советских властей, избегавших настоящей изоляции анархистских лидеров и (безуспешно) пытавшихся перевоспитывать их с помощью недолгого заключения.

⁶⁶⁵ ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 10, 11, 72.

На станции Могоча в Восточном Забайкалье красногвардейский анархистский отряд председателя местного совета (и бывшего торговца) В. А. Смолина и военкома Л. Н. Мордоховича арестовал членов исполкома Могочинского совета, после чего вояки ограбили кассу и стали останавливать поезда, арестовывая подозрительных пассажиров, отбирая деньги и ценности у всех остальных. В середине мая 1918 года Смолин с награбленным добром уехал в Благовещенск, где его вместе с охраной арестовали и затем передали читинским властям. Под советским судом оказались 26 обвиняемых, которых осудили к заключению⁶⁶⁶, но вскоре освободили.

Официозная мемуаристика пыталась приписывать все негативное в событиях середины 1918 года исключительно анархистам, которые «не только висели тяжелым жёрновом на шее фронта, но и были прямой обузой, обессиливавшей его, заражавшей трупным ядом разложения, паникерства, утраты последних остатков воинской дисциплины»⁶⁶⁷. Однако и те красные отряды, где анархисты были менее заметны и где руководили большевики, тоже отличились в беззаконии и грабежах. При этом никто из многочисленных большевистских мемуаристов, описывавших инфильтрацию Красной гвардии криминальным элементом, не ставил вопроса, отчего же его так легко зачисляли в отряды, а потом терпели. Использование всякого союзника согласно плехановскому лозунгу 1905 года «Врозь идти, вместе бить!» само по себе подразумевало ответ. Так, Я. П. Жигалин осторожно указывал, что С. Г. Лазо не одобрял анархистов, но считал их необходимыми для войны⁶⁶⁸.

До самого краха большевистской власти глава амурских большевиков Ф. Н. Мухин видел в анархистах союзников и в конце августа 1918 года разрешил Е. Пережогину сформировать дивизион с артиллерией. Однако Дальсовнарком в лице его председателя А. М. Краснощёкова и военного комиссара Д. А. Носок-Турского уже в начале сентября разоружил отряды анархистов по Амурской магистрали и в городе Свободном. Отряд Пережогина 6 сентября был блокирован в Благовещенске и, после отказа разоружиться, разгромлен, причем сам Пережогин 13 сентября погиб в перестрелке с милицией, пытаясь освободить несколько арестованных анархистов⁶⁶⁹.

Председатель Военно-революционного штаба Забайкалья Д. С. Шилов описывал отряд Каландаришвили без обиняков (в публикации его воспоминаний этот абзац был вырезан):

Отрядом анархистов в 400 человек на Восточно-Забайкальском фронте командовал Каландаришвили. <...> Он пользовался непререкаемым авторитетом в своем отряде, его боялись. Тем более его вина, что этот отряд был не только самым недисциплинированным на всем фронте, но это был, по существу, не военный отряд, а буйное скопище, шайка вооруженных людей, точной численности которой не знал и сам Каландаришвили, так как одни люди приходили, убегая от дисциплины из других отрядов, другие так[ ] же свободно уходили. ...Огромное большинство прочих «анархистов» в отряде решительно никаких «идей» и «убеждений» не имело, и иметь не могло... <...> ...Предпочитали действовать не на фронте, где они всегда были самые

⁶⁶⁶ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973. С. 256; Хипхенов Г. И. Крушение Центросибири. Иркутск, 2022. С. 424. В конце 1918 года Мордохович был расстрелян Унгерном на станции Даурия.

⁶⁶⁷ Шилов Д. С. В 1918 году в Сибири // Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. Воспоминания активных участников Великой Октябрьской революции. Иркутск, 1957. С. 306.

⁶⁶⁸ Жигалин Я. П. Партизанские отряды занимали города. С. 49.

⁶⁶⁹ Дальсовнарком. 1917–1918 гг.: Сб. документов и материалов. Хабаровск, 1969. С. 323; Хипхенов Г. И. Крушение Центросибири. С. 529.

последние, а в прифронтовой полосе и в тылу, где они занимались открытым и смелым мародерством, не имея соперников...⁶⁷⁰

В день падения советского Иркутска отряды анархистов силой освободили «всех арестованных Советской властью преступников», из которых около 150 добровольцев тут же вошли в отряд Деда. Позже анархисты таким же образом «освободили» тюрьму в Верхнеудинске. По утверждению К. К. Байкалова (Некундэ), Каландаришвили считал уголовных «продуктом условий и жертвой властей», а также «лучшей силой в войне». В поздних письмах соратников Каландаришвили встречаются такие строки: «...перешли реку Ангару, вошли в город [Иркутск], уничтожали богачей, сожгли их дома, магазины, рассчитались с белыми и меньшевиками»⁶⁷¹.

По мнению современных историков, и в Иркутске, и в Забайкалье большевики рассматривали насилие и грабежи со стороны собственных бойцов как отличное средство их мотивации: «Анархисты нас защитят, а потому и приходится смотреть на их безобразия сквозь пальцы»⁶⁷². Между тем выраставшие из Красной гвардии регулярные подразделения РККА тоже отличались жестокостью по отношению к гражданскому населению и были не против грабежей. Летом 1918 года на одном из мобпунктов Казанской губернии «мобилизованные заявили в один голос, что они в Красную армию не пойдут, указывая на присутствие в ней „разбойников и бандитов“»⁶⁷³.

«Первая» советская власть была обильно поражена уголовщиной и активно применяла криминальные методы к многочисленным оппонентам. Даже региональные руководители могли иметь за душой не только революционные теракты и «эксы», но и тяжкие общеуголовные преступления, вплоть до разбоев и убийств. Подобное кадровое наполнение превращало и без того малопрофессиональную большевистскую власть в презируемую населением компанию пьяниц, мародеров и убийц, применявшую ко всем несогласным самое широкое насилие. Вооруженной опорой большевиков были отряды Красной гвардии, исполнявшие карательные функции и особенно насыщенные уголовщиной. Первые месяцы 1918 года в Казахстане, Сибири и на Дальнем Востоке прошли под знаком многочисленных протестных выступлений против красных, включая десятки восстаний, нередко подавляемых с особой жестокостью; также наблюдалось большое количество инициированных коммунистами внесудебных расправ на почве классовой и национальной розни. Особенно выделяются количеством жертв большевистские погромы в Иркутске, Благовещенске и Семиречье. В связи с этим распространенный в современной литературе тезис об отсутствии заметного красного террора на востоке России весной–летом 1918 года, опирающийся на мнение о слабости коммунистической власти, нельзя признать состоятельным.

---

⁶⁷⁰ Хипхенов Г. И. Герой должен быть один? С. 155.

⁶⁷¹ Там же. С. 158–159, 152; *Он же*. 1-й Иркутский кавалерийский дивизион (полк). С. 106.

⁶⁷² Новиков П., Романов А. Заготовка жёрнова на собственную шею. С. 99.

⁶⁷³ Терехин Ф. Красная армия в Казани с момента ее формирования до налета чехов // Борьба за Казань: Сб. материалов о чехо-учрежденческой интервенции в 1918 г. 1924. № 1. С. 28.

Глава 4

КРИЗИСЫ КРАСНОЙ И БЕЛОЙ ВЛАСТЕЙ

В чехарде сменявших друг друга властей региона можно видеть и особенные, и общие черты, способствовавшие их недостаточной устойчивости. Недолгие по продолжительности периоды существования красных и белых правительств характеризуются перманентным кризисом власти, причем царившая повсюду партизанщина выделялась в качестве особенно опасной для государственности черты. Красногвардейские отряды с их слабым командованием и символической дисциплиной были близки к партизанским по всем основным характеристикам: случайный состав, плохая военная подготовка, выборность командиров, невысокая боеготовность и дисциплина, обилие люмпенов и криминала, страсть к мародерству, пьянство, склонность к панике и низкий моральный уровень.

Говоря о сибирских отрядах Красной гвардии, известный томский историк утверждает, что с ее стороны встречались «террор, трусость и предательство»⁶⁷⁴. О маргинально-анархичном составе красногвардейцев Енисейской губернии пишет А. П. Шекшеев⁶⁷⁵. Однако другой исследователь, приводя большой материал о преступлениях красногвардейцев и тем не менее противореча сам себе, заявляет, что «данные примеры были не правилом, а скорее исключением»⁶⁷⁶.

Характерно, что видный алтайский партизан и чекист Ф. Я. Глазков во всех проблемах винил спецов-офицеров: «...а главную роль сыграли в подрыве власти офицерство, влившееся в ряды красной гвардии[,] и творили черт знает что от имени Советской власти... Красная гвардия была в стадии организации... к подрыву [власти] фактов можно привести очень много, а посему в Змеиногорском уезде Советская власть просуществовала от 15 марта 1918 года и по 3 июня 1918 года». Весной 1920 года сибирские чекисты отмечали, что в делах по обвинению в «исторической контрреволюции» налицо «подавляющий процент с[е]редняка и даже пролетариата деревни, который в [19]18 г[оду] шел против нас, так как кулацкие советы его угнетали, разоряли»⁶⁷⁷.

Опорой власти стали части из военнопленных Центральных держав – из тех, кто был благодарен большевикам за Брестский мир и надежду сменить статус военнопленного на положение революционного кондотьера. Как отмечал В. Д. Вегман, интернационалисты в лице мадьяр, немцев, латышей и китайцев «были самой солидной и положительной опорой Советов», беспрекословно выполняя приказы и образцово исполняя возложенные на них обязанности⁶⁷⁸. Председатель Уральского облсовета А. Г. Белобородов 22 июня 1918 года писал Я. М. Свердлову: «Уфимские „боевые дружины“ в панике бежали от чехословаков, взятые на заводах красногвардейцы тоже не выдерживали... Серьезную боевую силу у нас представляют военнопленные-интернационалисты, мадьяры в особенности, которые на чехословаков наводят ужас. Хорошо также расправляются с контрреволюционерами. Жаль только, что их мало»⁶⁷⁹.

Низкая сознательность и боеспособность защитников большевистской власти проявлялись летом 1918 года повсюду. В своих воспоминаниях лидер Самарского горкома РКП(б)

---

⁶⁷⁴ Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. С. 104.

⁶⁷⁵ Шекшеев А. П. Красная гвардия как сообщество маргиналов // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития: Сб. материалов межвузовской научно-практической конференции памяти Г. Г. Котожекова / Ред. Н. А. Бухарина. Абакан, 2001 (Котожековские чтения. Вып. 1). С. 103–107.

⁶⁷⁶ Хитхенов Г. И. Правда и «кривда» о красных отрядах. С. 155.

⁶⁷⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1022. Л. 2; ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 209.

⁶⁷⁸ Цит. по: Наумов И. В. История Сибири: Курс лекций. Иркутск, 2003. С. 195.

⁶⁷⁹ Обухов Л. А. Прикамье в годы Гражданской войны // Всероссийская научно-практическая конференция «Гражданская война на востоке России», 25–26 ноября 2008 г., г. Пермь. Пермь, 2008. С. 216.

М. М. Хатаевич признавал: «В... части рабочих, среди которых было сильно влияние эсеров, меньшевиков и анархо-максималистов, мы встретили элементы паники, пораженческих настроений»⁶⁸⁰. Эхо былого малодушия настигало позднее самых видных чиновников: весной 1937 года первый секретарь Куйбышевского крайкома ВКП(б) В. П. Шубриков был понижен в должности как скрывший от партии свое дезертирство в 1918 году из «Владикавказских красноармейских частей»⁶⁸¹.

О психологической неустойчивости основной части красногвардейцев говорит такой факт: действовавший весной 1918 года у монгольско-китайской границы карательно-грабительский отряд черемховских рабочих испытал такой шок от внезапного самоубийства своего вожака Шевцова, что в отряде сразу распространился слух, будто остальные командиры (К. М. Кошкин и Д. М. Третьяков) сговорились с белыми и задумали измену, из-за чего Шевцов и застрелился. Командиров арестовали, но, не обнаружив ничего компрометирующего и остыв, так же легко освободили, причем Третьяков был назначен начальником отряда, а Кошкин остался комиссаром⁶⁸².

Стремительная всеобщая паника при первом серьезном натиске врага, характерная для толпы, вполне отвечала и модели обыденного партизанского поведения. Неудивительно, что в настоящих сражениях около 20 тыс. сибирских красногвардейцев продемонстрировали низкую, «партизанскую» боеспособность и оказались быстро разгромлены сравнительно небольшими, но сплоченными отрядами белых добровольцев и чехословаков. Даже такой яро анархический оплот, как Черемхово, красногвардейцы оставили без боя, поскольку многие рабочие вспомнили про свои традиционные занятия сельским хозяйством и предпочли просто разбежаться по заимкам⁶⁸³. По воспоминаниям Р. Гайды, в августе 1918 года под станцией Мурино было убито 700 красных, в плен попало 2,5 тыс., а чехословацкие legionеры потеряли убитыми четырех, войска А. Н. Пепеляева – 70. Вскоре под Иркутском при взятии станции Посольская белые захватили 59 поездов и тысячи пленных (относительно убитых Гайда писал, что в течение нескольких дней собирались трупы красных, «грузились в поезда и увозились в леса для погребения»), чехословаки же потеряли убитыми 22 человека и ранеными 30, а Пепеляев – убитыми 100 и ранеными 300⁶⁸⁴.

Эта досадная разница в потерях (даже при отмеченной Д. Г. Симоновым склонности Гайды завышать военную роль чехословаков и потери красных⁶⁸⁵) в советское время по возможности скрывалась преувеличением численности и организованности противника. Ортодоксы резко раскритиковали новаторскую книгу Г. Х. Эйхе⁶⁸⁶, широко использовавшего документы белых армий и Чехословацкого корпуса, за умаление советских достижений на окраине России при сопротивлении белым в 1918–1919 годах. Так, В. С. Познанский обвинил экс-главкома НРА ДВР Эйхе в том, что аналогичные оценки можно было «прочитать в антисоветской литературе, издававшейся в 20-е годы на Западе»⁶⁸⁷. Но Эйхе доказательно атаковал и мифы о героизме сибирско-дальневосточных большевиков, на деле растерявшихся и быстро уступивших громадный регион немногочисленным чехословацким частям и белым заговорщикам⁶⁸⁸, и большое преувеличение военного значения сибирской партизанщины в конце 1919 года.

⁶⁸⁰ Хатаевич М. М. В те дни // Были пламенных лет. Рассказывают участники гражданской войны в Самарской губернии. 1917–1920. Куйбышев, 1963. С. 27.

⁶⁸¹ Собеседник на пиру: Памяти Николая Побоя / Ред.-сост. П. Полян. М., 2013. С. 558.

⁶⁸² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 11.

⁶⁸³ Там же. Л. 15–16.

⁶⁸⁴ Там же. Оп. 4. Д. 1524. Л. 119–120, 131, 132.

⁶⁸⁵ Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия. С. 20.

⁶⁸⁶ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл.

⁶⁸⁷ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией. С. 27.

⁶⁸⁸ Один из вожakov отряда Каландаришвили в 1934 году публично признал: «Легко мы достались белогвардейцам. Рас-

Мятеж чехословацких legionеров начался фактически с выступления в городе Мариинске, причем там он носил характер не только стремительной военной победы, но и успешной полицейской операции. Когда небольшой отряд омского большевика Григория Сорокина, очень медленно ехавший из Омска в Забайкалье воевать с Г. М. Семёновым, 24 мая 1918 года занял Мариинск, отрядовцы тут же перепились и, разоружив с пушечной стрельбой местную милицию, принялись увлеченно грабить горожан, отбирая продукты, лошадей и т. д. В ответ чехословаки 25 мая внезапно атаковали и разоружили красных⁶⁸⁹. Вместе с красногвардейским командованием из атакованного чехами Мариинска сбежали и уездные большевистские руководители, оставив победителям пушки и винтовки.

Несколько дней спустя красногвардейцы из городов Кузбасса попробовали отбить Мариинск, но 1 июня после крупного боя оказались наголову разбиты. Как писала пресса, в результате сражения «среди чехов убито 7 человек, из которых трое раненых были приколоты большевиками, в чем мог убедиться всякий желавший видеть истерзанные трупы чехов»⁶⁹⁰. Р. Гайда писал, что под Мариинском нескольких артиллеристов-разведчиков схватили мадьяры, а после отступления красных были найдены их «изуродованные тела с разрубленными черепами без ушей и носов»⁶⁹¹. Он же зафиксировал террор коммунистов и против белых, отметив, что в июньских боях под Черепановом русские раненые «попали в руки большевиков и были ужасно изуродованы, среди них был и храбрый поручик Сергеев»⁶⁹². Современный исследователь подтверждает: после боя на станции Усть-Тальменская под Черепановом 9 июня 1918 года красногвардейцы захватили девятерых тяжелораненых белых (в том числе штабс-капитана А. И. Лаврентьева, подпоручиков А. Улановского, Сергеева и Новикова) и расправились с ними, поднимая на штыки и разбивая головы⁶⁹³.

Уже первые серьезные стычки большевиков и белых показали, с какой свирепостью коммунисты добивали раненых и уничтожали пленных, что целиком оправдывали в мемуарах (так же, как и случайные жертвы среди своих, принятых за классового врага). Летом 1918 года такие эпизоды фиксировались на всех фронтах: «Красные преследовали белогвардейцев, по пути добивая раненых, убивая и прикалывая притворившихся мертвыми. <...> Подобная жестокость в добровольческой стадии гражданской войны во время боя не подлежит осуждению... Все дело зависит от экзальтированного состояния масс». Командир роты 4-го Уральского полка даже случайно зарубил уездного продкомиссара Жилина, так как «красной ленточки не было, а без нее он по своей тучности был похож на буржуя»⁶⁹⁴.

Когда капшелевцы 2 июля 1918 года обнаружили тела двоих пленных, «обезображенные до неузнаваемости» красноармейцами Г. Д. Гая, ими «овладела дикая ненависть», и они, в свою очередь, брать пленных перестали (отметим, что с августа 1918 года В. О. Капшель приказывал пленных сохранять и отправлять в тыл). Красные в ответ заявляли, что это-де сами белые изуродовали убитых, чтобы дискредитировать врага. Однако аналогичные зверства в рядах красных войск процветали все время. Так, Капшель получил донесение, что «в селе Кротовке 12 августа 1918 года красноармейцы захватили двух раненых чехов... издевались [над ними] и зверски добились». Мемуарист писал, как тем же летом в Казани большевики расправ-

стреливали нас абсолютно даром». См.: Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири. С. 207.

⁶⁸⁹ Там же. С. 127, 299; *Первалов М.* Тажные партизаны. М., 1933. С. 14–15; *Кадейкин В. А.* Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов. Кемерово, 1966; *Горелов Ю. П.* К вопросу о возникновении Мариинского фронта (май–июнь 1918 г.) // История белой Сибири: Материалы 6-й международной научной конференции. Кемерово, 2005. С. 48–50.

⁶⁹⁰ *Эйхе Г. Х.* Опрокинутый тыл. С. 20; *Сибирская жизнь.* Томск, 1918. 15 июня. № 36.

⁶⁹¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524. Л. 370.

⁶⁹² Там же. Л. 51.

⁶⁹³ *Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия. С. 61–62, 66.

⁶⁹⁴ *Капшелев М. С.* Красная страничка из истории 4-го Уральского полка. С. 23–25.

лялись с чехословаками по одному подозрению: «Привели человека, которого сняли с лошади и разоружили на... улице. Подозревая в нем чеха, без допроса его увели в сад для расстрела»⁶⁹⁵.

Однако порой расстрел был наилучшим выходом для пленного. Один из командиров 1-й Екатеринбургской дружины интернационалистов, Ю. Г. Циркунов, писал, что схваченного при взятии города Каинска в начале июня 1918 года М. О. Азеева-Меркушкина (лидера эсеров Новониколаевска, командированного Временным Сибирским правительством в конце мая в Каинск на должность уездного комиссара) они «расстреляли вместе с частью чехов[,] взятых в плен, на болоте»⁶⁹⁶. Но по информации командующего войсками Томского района Л. Д. Василенко, Азеев-Меркушкин был «изранен штыками и сожжен на медленном огне»; пресса также сообщала, что чиновник с несколькими чехословаками оказался «увезен в окопы на ст[анции] Кожурла, где они были подвергнуты пыткам и в конце концов зажарены на огне»⁶⁹⁷. Красные солдаты впоследствии спокойно вспоминали, как жгли живьем или топили в море захваченных генералов⁶⁹⁸.

Настоящая резня шла на Юге России. Генерал Я. А. Слащев вспоминал: «Придя в свои станицы и в города, белые нашли горы трупов своих родных и единомышленников... мужья находили своих жен зверски убитыми с вырезанными грудями и т. п. Началась месть – трудно было добиться пленного для допроса или захваченного комиссара... Если их не убивали при захвате, то почти всегда кончали по дороге в штаб. Удержать толпу не было никакой возможности, и белые наделали зверств не меньше, чем красные»⁶⁹⁹. Группа войск И. Ф. Федько, именуемая 1-м Черноморским революционным полком, 1 мая 1918 года завершила высадку в Ейске и приняла участие в карательных экспедициях против восставших казаков. Так, в станице Должанской матросы учинили массовые расстрелы, а священника Краснова и станичного атамана заживо сожгли в топке парохода. О диком терроре в станице Копанской свидетельствовали сами большевики: «Убитые люди убраны в огромные ямы, куда свалено 22 подводы человеческих трупов... Начальник Приморско-Ахтарского отряда расстреливал пленных из пулемета группами, а именно по 20 и более...»⁷⁰⁰

В конце июня 1918 года, во время продвижения колонн полковника Г. А. Вержбицкого из Ишима, на станции Карасульская «белые наткнулись на три тела зверски умученных большевиками белых бойцов». Один из дипломатов 18 января 1919 года сообщал британскому министру иностранных дел А. Д. Бальфуру: «Во время боев в Уссурийском районе в июле 1918 года д[окто]р Т. нашел на поле сражения ужасно изуродованные трупы чешских солдат. У них были отрезаны половые органы, вскрыты черепа, изрублены лица, вырваны глаза и вырезаны языки...»⁷⁰¹ Организатор Красной гвардии на Урале анархист П. И. Жебенев, летом 1918 года воевавший с чехословаками и дутовцами, вспоминал о ряде подобных случаев: «...несколько наших красноармейцев у раненых белых вынимали мозги, вырезали половые органы»⁷⁰².

⁶⁹⁵ Мазушин В. До и во время чехов (Казань – Арск) // Борьба за Казань. № 1. С. 48. Телеграмма Троцкого от 3 ноября 1918 года, отправленная в войска по случаю революции в Австро-Венгрии, содержала предупреждение: «За расстрел пленных чехо-славаков виновные будут подлежать самой суровой ответственности» – и предписывала безоружных чехословаков пропускать на родину (см.: РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 554. Л. 210).

⁶⁹⁶ ГАНУ. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3710. Л. 73.

⁶⁹⁷ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): сборник документов и материалов / Сост. В. И. Шишкин. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 87, 193–194; Наша Заря. Омск, 1919. 7 июня. № 120. С. 2.

⁶⁹⁸ Ганин А. В. Казни пленных белых офицеров на Южном Урале в 1918–1919 годах // Гороховские чтения: Материалы 9-й региональной музейной конференции / Сост. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2018. С. 53–54.

⁶⁹⁹ Слащев [Слащев] Я. А. О Добрармии в действии в 1918 году. Часть II / Публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 227.

⁷⁰⁰ Берлизов А. Е. Красный террор // Комсомолец Кубани. 1991. 26 янв.

⁷⁰¹ См.: Филимонов Б. Б. На путях к Уралу. С. 73; Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 94.

⁷⁰² Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41. Оп. 2. Д. 198. Л. 12 (цит. по: Горюнов А. П. Распятая на звезде. [Б. м.], 2021. См.: [Эл. ресурс]. URL: <http://t1.topbook.me/books/1357015122373/online/> (дата обращения 6 марта 2023 года). Подобное отношение к содержанию вражеских голов проявляли и противники коммунистов. В селе

На станции Худоеланская под Нижнеудинском 21 июня 1918 года красногвардейцы, как писал один из них впоследствии, атаковали и «взяли в кольцо три неприятельских [чехословацких] эшелона... и с помощью броневика разоружили, беспощадно расправляясь со зверями по-зверски»⁷⁰³. Согласно ранним мемуарам А. Н. Буйских, он видел на станции Худоеланская опрокинувшийся паровоз, на котором ехали 12 разведчиков-красногвардейцев, плененные после крушения и замученные казаками⁷⁰⁴. Начальник пулеметной команды барнаульского красного отряда уточнял, что неприятельских эшелонов было два и большинство окруженных ушло пешим порядком в Нижнеудинск, после чего утром последовала «расправа с небольшою кучкою чехо-белых»⁷⁰⁵ (речь шла о садистской расправе с ранеными).

Гайда приводил в качестве примера мажарских зверств именно этот эпизод на станции Худоеланская: «Я припоминаю то озлобление, которое охватило солдат, когда под Нижнеудинском были найдены изуродованные трупы 14-ти наших раненых братьев и штатского русского доктора, ранее ухаживавшего за ними. У них были выколоты глаза, и у двоих из них были вырезаны половые органы. Доктору Белянину сначала перебили руки... потом разрубили щеки и отрезали уши»⁷⁰⁶. По уточненным данным, из 140 легионеров было убито 12, а врач Н. П. Белянин, согласно мемуарам одного из мажар, участвовавших в его убийстве, был зарыт в могилу живьем⁷⁰⁷.

После взятия белыми станции Посольская, расположенной на юго-восточном берегу Байкала, 18 августа в лесу было найдено тело замученного подполковника Б. Ф. Ушакова (он отличился 29 мая, захватив Канск за 40 минут), который являлся начальником штаба российских войск А. Н. Пепеляева в составе Чехословацкого легиона и случайно попал в плен. Гайда писал: «Труп Ушакова был изуродован... один из чешских солдат был под мышки подвешен на дерево, облит керосином, зажжен и таким образом мажарами замучен... Вполне понятно, что озлобленность наших войск против большевиков и особенно против интернационалистов еще больше усилилась, и поэтому многие из мажар, захваченных в плен в этом бою, поплались своей жизнью»⁷⁰⁸. Поручик И. К. Волегов, служивший в одном из оренбургских казачьих полков, вспоминал, что «...если попадал в плен офицер, то у живого офицера вырезали на плечах погоны, а если на погонах были звездочки, то сколько было звездочек, столько же гвоздей вбивали в их плечи». Казакам, кроме того, на ногах вырезали «лампасы»⁷⁰⁹.

«Дознание, снятое [прапорщиком Усмановым] на основании приказа командира стерлитамакского корпуса 25 февраля 1919 года, по поводу зверств большевиков, учиненных над солдатами 6-го Б[атальона]...» показало (вряд ли редкую) картину рубки пленных национального полка. Во время боя с красными 11 февраля 1919 года в деревне Старо-Кобясовой 1-я и 2-я роты оказались окружены и сдались – около 170 человек. Когда этап подошел к деревне Калгасу, «...все пленные были выстроены и началась зверская резня, которую старший унтер-офицер Кужахметов отказывается передать – боясь кошмара. У него ранена голова

Журавлиха Рахмановской волости Пугачёвского уезда Самарской губернии повстанцы большого отряда Ф. Попова в начале 1921 года «расстреляли Председателя Волисполкома т. АНОХИНА и в доказательство этого гнустного (так! – А. Т.) дела аккуратно вынули его мозги и[.] заморозив их и завернув в две газеты, поехали показать их своему руководителю и вдохновителю Овчинникову в Малую Таволожку... и доказать ему свою преданность, но на пути были пойманы и расстреляны. Мозги эти находятся в Пугачёвском Отделе Здравоохранения» (см.: ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 7. Д. 1508. Л. 14 об.).

⁷⁰³ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 777. Л. 41.

⁷⁰⁴ Буйских А. Н. Революционные очерки. Кн. 1. С. 90.

⁷⁰⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 766. Л. 108 об. В новейшей монографии, как и в мемуарах Р. Гайды, утверждается, что эшелон был один (см.: Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. С. 75).

⁷⁰⁶ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524. Л. 131, 132.

⁷⁰⁷ Хитченгов Г. И. Сражение за Нижнеудинск 24–26 июня 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2018. № 5. С. 9–10.

⁷⁰⁸ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524. Л. 370. Однако советский историк написал, что Ушаков был расстрелян: Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией. С. 263.

⁷⁰⁹ Волегов И. К. Воспоминания о Ледяном походе. Данденонг, 1988. С. 50–52.

в трех местах, правое ухо рассечено, проколот левый бок ниже легких, пальцы правой руки разрублены на отдельные висячие клочки до основания кисти, два пальца отрублены, а левая рука также раздроблена и отрублены пальцы». Показания унтера подтвердили девять уцелевших татар и башкир, большей частью с отрубленными руками⁷¹⁰. Подобные жестокости, типичные для обращения красногвардейцев с пленными, чрезвычайно повлияли на обилие и распространенность повсюду актов мести со стороны и белых, и чехословаков.

Добавим, что описанные уцелевшими бойцами картины отступления красных отрядов, полностью разбитых на Байкале под Слюдянкой, демонстрировали жестокость и по отношению к своим. Обессилевшие при походе через тайгу, питавшиеся ягодами, бойцы неделю спустя делали в день едва шесть-семь верст: «Многие отстают, прося их пристрелить, или взять с собой, сначала брали их с собой, а потом просто пристреливали, раз отстал, все равно и так и так погибать»⁷¹¹. При отступлении отряда Каландаришвили «один командир взвода пристрелил жену (у ней начались родовые схватки) и застрелил себя»⁷¹². (Известный енисейский партизан М. Т. Савицкий в мае 1919 года под селом Вершино-Рыбинским, раненный четырьмя пулями в шею и лицо, просил добить: «Его свой же партизан штыком в живот ткнул. Он вскочил и бежал за партизанами, крыл матом...»⁷¹³)

Итоги красного правления за первые пять месяцев 1918 года показали, что сибирские коммунисты вступили в конфликт с большинством жителей региона⁷¹⁴. Летом 1918 года население не поддержало большевиков, а его активная часть оказала серьезное сопротивление узурпаторам, разогнавшим Учредительное собрание, подписавшим позорный Брестский мир и установившим «диктатуру пролетариата», сразу представшую в виде бестолковой и мародерской анархии. Итогом оказалось создание организованного антикоммунистического подполья. В свержении большевиков видную роль сыграла сибирская кооперация, израсходовавшая на поддержку подполья и легионеров Чехословацкого корпуса около 20 млн рублей⁷¹⁵.

Главной причиной, толкавшей часть сибиряков на вооруженную борьбу с советской властью, стал произвол, допущенный коммунистами по отношению к значительной части населения. Прежде всего, это репрессии против зажиточных сословий, офицеров, кооперации, православной церкви, депутатов Учредительного собрания, а также многих рядовых граждан, запреты на деятельность популярных в Сибири политических партий (меньшевиков, эсеров, кадетов) и их прессы, ограничения в торговле, произвольные реквизиции и конфискации, крайне низкое качество управления.

Уже к маю 1918 года Томская тюрьма была заполнена рабочими, солдатами, крестьянами, «низшими служащими Боготольского ж. д. района», эсерами⁷¹⁶. Когда в начале июля 1918 года белые захватили небольшой город Ялуторовск Тобольской губернии, из тюрьмы были освобождены «до 170 местных крестьян, посаженных советскими властями за саботаж и прочие преступления против революции»⁷¹⁷. Помнили жестокости красных и соседи-уральцы: чекисты Особого отдела наступавшей на Урале 3-й армии отмечали в августе 1919 года, что часть

⁷¹⁰ Вестник Приуралья. Челябинск, 1919. 22 марта. № 8.

⁷¹¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 31.

⁷¹² Новиков П. А., Хипхенов Г. И. «Саяны на военном фоне»: Поход красного отряда во главе с Н. А. Каландаришвили осенью 1918 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 181–195.

⁷¹³ Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 93; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1400а. Л. 13.

⁷¹⁴ Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири. С. 421.

⁷¹⁵ Пивоваров Н. Ю., Рыков В. М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. научных статей. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 53.

⁷¹⁶ Из истории земли Томской. 1917–1921. Народ и власть: Сб. документов и материалов / Сост. В. И. Марков, Б. П. Тренин. Томск, 1997. С. 285.

⁷¹⁷ См.: Филимонов Б. Б. На путях к Уралу. С. 79–80.

населения Шадринского уезда проявляет «недоверчивость из-за массовых репрессий и несправедливостей местной власти в 1918 году в некоторых волостях»⁷¹⁸.

Есть сведения о расстрелах большевиками и левыми эсерами офицеров в Красноярске. Именно в связи с причастностью к этим расправам активной создательницы боевых отрядов в Енисейской губернии, члена ЦИК Советов Сибири, комиссара печати и одного из проводников насильственных хлебозаготовок – А. П. Лебедевой⁷¹⁹ («особенно настаивала в свое время на расстреле офицеров»⁷²⁰) казаки сотника И. Д. Фереферова 27 июля 1918 года выхватили ее из толпы советских работников, конвоируемых в Красноярскую тюрьму, и затем беспощадно замучили, зарубив на берегу реки Качи. С ней погибли командующий вооруженными силами Енисейской губернии Т. П. Марковский и «гроза красноярской буржуазии» – начальник милиции С. Б. Печерский⁷²¹.

Протест же против избыточного насилия проявлялся подчас даже среди самих красных силовиков: так, председатель Енисейского губревтрибунала И. Королёв уже в феврале 1918 года застрелился, не желая участвовать в большевистских репрессиях⁷²². Но они только усиливались. Енисейский губисполком 4 марта приказал уездным совдепам: «Принимайте строгие меры наблюдения за контрреволюционерами. Всякие попытки сопротивляться Советской власти беспощадно подавляйте»⁷²³.

Сибирь была с 5 апреля того же года объявлена на военном положении. Один из лидеров омских большевиков в это время откровенно признавал, что советская власть держится только на штыках⁷²⁴. В апреле, в ответ на высадку японского десанта во Владивостоке, деятели Центросибири решительно восклицали: «Рабоче-крестьянская власть завоевана потоками крови рабочих и крестьян[,] и они не отдадут ее, каковых бы новых потоков крови это ни стоило». В июле они провозглашали то же самое: «Рабочий класс не остановится ни перед какой кровавой и разрушительной борьбой за свою власть...»⁷²⁵

В ответ на силовую политику коммунистов по всей Сибири возникли тайные и явные вооруженные организации в более чем в 40 сибирских населенных пунктах. Основой этой почти 6-тысячной тайной армии были офицеры. С момента большевистского переворота до восстания Чехословацкого корпуса только в Томской губернии возникло 17 подпольных организаций и за февраль–май 1918 года произошло 36 вооруженных антибольшевистских выступлений. Среди последних были и крупные: продолжительное восстание в Нарыме в марте–апреле; выступление 1,5 тыс. рабочих и членов их семей на Судженских копях Кузбасса 26–27 марта; стихийный бунт почти тысячной толпы в Барабинске 18 мая, сопровождавшийся самосудом над начальником милиции Горбачёвым (подавленный омскими красногвардейцами) и др.⁷²⁶

⁷¹⁸ РГВА. Ф. 176. Оп. 6. Д. 4. Л. 16 об.

⁷¹⁹ О фанатизме этой революционерки писали и однопартийцы: «Когда товарищи советовали ей поступить сестрой милосердия, то получили отрицательный ответ потому, что ухаживать за ранеными белогвардейцами, активными врагами революции, она не могла» (Красная Голгофа. С. 70).

⁷²⁰ В этом Ада Лебедева была не одинока: согласно белым источникам, коммунист и член Сибирской облдумы М. М. Рабинович (расстрелянный в Омске весной 1919 года) на Анжерских копиях «агитировал о избиении офицерства» (см.: ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 768. Л. 61).

⁷²¹ Красноярский рабочий. 1923. 14 марта; *Сидоров В.* Партизанам и красногвардейцам Восточной Сибири. М.: Иркутск, 1932. С. 17. Советская пресса по свежим следам признавала, что бывшая эсэрка Лебедева «заплатила мученической смертью» именно за свою «непримиримую ненависть к насильникам и эксплуататорам» (см.: Красноярский рабочий. 1920. 26 марта. № 63. С. 1).

⁷²² Сибирская газета. 1991. № 40. С. 8.

⁷²³ *Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией. С. 74.

⁷²⁴ *Познанский В. С.* Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1972. С. 87.

⁷²⁵ Власть труда. Иркутск, 1918. 12 апр. № 65; Центр-Сибирь. Иркутск, 1918. № 21. 1 августа.

⁷²⁶ *Дробченко В. А.* Антибольшевистское сопротивление в Томской губернии в октябре 1917 – мае 1918 г. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 2. С. 82.

Во время мятежа 18 апреля в Бийске погиб председатель городского революционного суда большевик К. И. Фомченко, были избиты члены горсовета. При попытке большевиков конфисковать продукты в томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре 24 мая агрессивная толпа при явном участии белых подпольщиков смертельно ранила главу местной чрезвычайной комиссии Д. И. Кривоносенко, пытавшегося отстреливаться⁷²⁷.

Вооруженный протест наблюдался и в Восточной Сибири. В селе Троицк Голуметской волости Черемховского уезда Иркутской губернии бывшие политссыльные И. Зотин и И. Мызгин создали «Союз батрацкой молодежи», составленный из освобожденных уголовников и солдат-дезертиров. Организовав боевую дружину, они приступили к захвату чужой собственности. В ответ граждане создали отряд самообороны, который в феврале 1918 года выдержал настоящий бой с красногвардейцами. Те устояли только при поддержке красных отрядов из Тирети⁷²⁸. Но 14 марта окрестные крестьяне соседних волостей тысячной толпой разгромили совет, самосудом уничтожив до 20 человек во главе с председателем исполкома Крыловым. Сами большевики признавали, что троицкая власть организовалась из воров-рецидивистов, объявивших себя анархистами и мстивших «крестьянам за жестокую расправу последних с ними за недавние кражи»⁷²⁹.

Красногвардейцы в столице Урянхая Белоцарске 10 или 11 марта 1918 года были легко разогнаны казачьей сотней. Не дав ни выстрела в ответ, они «бросились разбегаться кто куда может», были переловлены, обезоружены и отпущены. Однако казаки вскоре ушли, что дало возможность большевикам восстановить власть и отобрать имущество около десятка самых зажиточных купцов (Вавилиных, Шепелиных, Сафьяновых), конфисковав до 7 тыс. лошадей, 12 тыс. голов крупного рогатого скота, 4 тыс. овец и 310 маралов – примерно на 1 млн рублей. В ответ в мае в двух селах (Туран и Уюк) вспыхнуло Туранское восстание, в ходе которого красногвардейский отряд был сначала разбит, но затем, собрав весь личный состав (300 человек) под командованием Цивинского и С. К. Кочетова, нанес восставшим поражение и арестовал 30 зачинщиков, отправив их в Минусинск⁷³⁰. Оставшиеся на свободе вскоре, с помощью усинских дружинников и староверов Мало-Енисейска, свергли красных и арестовали 90 человек; председатель Урянхайского крайсовета С. К. Беспалов был убит. Арестованных крепко избили и отправили в ту же Минусинскую тюрьму, поменявшую хозяев; в последующий месяц в селах выловили еще сотню сочувствовавших советам⁷³¹.

Следует отметить, что в мае–июне 1918 года в Томске и Барнауле произошли вооруженные выступления офицерских организаций, чья подготовка не была должным образом конспирирована, и подавленные с заметными потерями для заговорщиков. В Омске к началу года, согласно мемуаристу-большевику, только зарегистрированных офицеров насчитывалось 7 тыс.⁷³², а военная организация образовалась уже 9 января и действовала по конспиративной системе троек и пятерок. Один из белых подпольщиков откровенно поведал о ситуации в городе: «Деньги добывались торгово-промышленными кругами, а оружие и пулеметы экспроприировались у большевиков». Члены организации смогли проникнуть во все советские учреждения Омска, в их руках был телеграф, который даже не пропускал либо искажал иные распоряжения и сообщения властей. Накануне бегства большевиков совдеп узнал об этой орга-

⁷²⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1157. Л. 10; Звезда Алтая. Барнаул, 1927. 6 и 24 нояб.; Борцы за власть Советов. Томск, 1959. Вып. 1. С. 126–128.

⁷²⁸ Тумуреев И. Бандитизм как проявление социального кризиса в 1920-е гг. (по материалам Иркутской губернии) // Прибайкалье в истории России: Материалы научно-практической студенческой конференции. Иркутск, 2008. С. 91–92.

⁷²⁹ Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. С. 54.

⁷³⁰ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1902. Л. 15, 18, 19.

⁷³¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1902. Л. 20, 21, 23, 24.

⁷³² Полодов Е. В. «Атамановщина в Сибири», рукопись // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1418. Л. 13.

низации, и латыши-красногвардейцы приступили к арестам и расправам. Но благодаря наличию собственной контрразведки почти все заговорщики успели скрыться⁷³³.

Как известно, события ночи с 25 на 26 мая 1918 года, связанные с восстанием 31-тысячного корпуса чехословацких легионеров (численность которых распределялась так: в Поволжье 10 180 человек, на Урале и в Сибири – 7350, на Дальнем Востоке – 13 500; боевой состав в целом – не более 20 тыс. человек. А на линии Чулым–Новониколаевск–Тайга под командованием капитана Р. Гайды на Красноярском, Омском и Барнаульском направлениях лишь 910 штыков⁷³⁴), резко изменили ситуацию и не позволили большевикам разгромить белое подполье. Напротив, в течение всего нескольких недель Западная Сибирь освободилась от коммунистической власти.

В течение лета она пала и в Восточной Сибири. В ночь на 14 июня 1918 года в Иркутске около 400 восставших офицеров А. В. Эллерц-Усова захватили губернскую тюрьму, убив коменданта-латыша А. К. Аугула и двух охранников. На свободу вышло 157 узников, в том числе 50 политических. Выступление встретило отпор, и к утру восставшие рассеялись в пригородных лесах. Чекисты И. С. Постоловского, позднее пойманного и повешенного, начали аресты (схватив до 150 человек), пытки и скороспелые расстрелы, не щадя и гимназистов. Попытку избиения одного из арестованных предпринял даже председатель Иркутского военревкома Я. Д. Янсон. Как вспоминал П. П. Постышев, «ревком повел беспощадную борьбу с повстанцами, начали действовать пролетарские военно-полевые суды, военно-революционный трибунал...»⁷³⁵.

Первый иркутский террор оказался скоротечен: казнив 42 человека, причем только 12 – по приговору военно-полевого суда, а остальных – без суда и следствия (трупы нашли обожженными и изрубленными)⁷³⁶, красные 11 июля бежали из Иркутска, став отныне мишенью мстителей. П. Д. Яковлев, появившийся в Иркутске на следующий день после входа в него чехословаков, утверждал на следствии, что «никаких расстрелов в это время не было... и только обывательщина расправлялась с красногвардейскими и советскими работниками»⁷³⁷.

Тут следует отметить, что стихийные попытки погромов, предпринимавшиеся в данный период, белые власти пресекали. Когда 24 июня 1918 года отряды повстанцев, намереваясь изгнать коммунистов из Минусинска, подошли к городу, за ними «следовали тысячи пустых подвод и толпы мужиков и женщин, жаждавших его разграбления». Но офицеры и казаки тут же разоружили окрестных крестьян, рассчитывавших поживиться городским добром, чем сильно их разочаровали⁷³⁸.

В Чите советские власти в начале 1918 года организовали грабительскую группу в составе командира 1-й Забайкальской казачьей дивизии вахмистра М. В. Янькова (анархиста, до революции судимого за мошенничество и подлоги), председателя горсовета Е. П. Попова, начальника красногвардейского штаба М. Я. Перцева и председателя контрибуционной комиссии. Они вместе со своими приближенными занимались взяточничеством, вымогательством и грабежом, а отобранные у населения ценности транжирили в кутежах. Когда их действия выплыли наружу и началось следствие, читинские лидеры в апреле 1918 года скрылись (впоследствии

⁷³³ Бурлинский П. Освобождение Омска // Наша Заря. Омск, 1919. 7 июня. № 120. С. 1.

⁷³⁴ Симонов Д. Г. К вопросу о численности Чехословацкого корпуса на востоке России в период Гражданской войны // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 146.

⁷³⁵ Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. С. 62, 81; Постышев П. П. Гражданская война на Востоке Сибири. С. 16.

⁷³⁶ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 293–307.

⁷³⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-45369. Т. 1. Л. 36 (было убито несколько человек).

⁷³⁸ Жуков Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. С. 74–75; Шекиев А. П. Деревня против города. С. 107.

Перцев и Попов стали вождями партизанских отрядов в Западной Сибири⁷³⁹), а уже в мае читинская Красная гвардия со своим штабом была распущена⁷⁴⁰. (Тогда же, 22 мая, предводитель Красной гвардии в Верхнеудинске В. А. Жердёв был забит до смерти прямо на городском митинге, где призывал бороться с атаманом Семёновым⁷⁴¹.)

Подпольную работу в Чите вели эмиссары атамана Семёнова Л. Власьевский, Г. Крахмалёв и Февралёв, но чекисты внедрили в их ряды своего агента, бывшего офицера Н. Фёдорова. В ночь на 12 апреля 1918 года красные произвели аресты подпольщиков, захватив оружие и списки членов Союза возрождения Родины. Однако деятельность антибольшевистского подполья не прекратилась. Попытка выступления была предпринята частью читинцев 19 июня, когда «офицеры, попы, чиновники» решились выйти на улицу, обстреливая и обезоруживая часовых: «Эта жалкая попытка была смята беспощадно. Первый сводный отряд под командой тов. Кельманова разгромил черносотенные толпы. Пойманным было воздано по заслугам»⁷⁴².

Тогда же читинские власти обстреляли и разогнали крестный ход, подошедший к тюрьме, куда были заключены местные преподаватели Закона Божьего: одна женщина погибла, несколько человек получили ранения. Большевики провели аресты демонстрантов и впоследствии 16 человек осудили к заключению⁷⁴³. Между тем Союз возрождения Родины действовал: уцелевших его членов возглавил полковник Ивановский. Но чекистам снова удалось внедрить в их среду своих агентов – Г. Мордвинова и В. Калинина. Поэтому накануне падения Читы, когда белые готовили выступление, чекисты арестовали активистов с Ивановским во главе. Тем не менее белые смогли поднять на восстание казаков Титовской, Знаменской и Нерчинской станиц. А 26 августа 1918 года красные были вынуждены бежать из Читы⁷⁴⁴.

Очень короткий период советской власти в Якутии тем не менее также успел безнадежно скомпрометировать большевиков. При взятии Якутска в июне 1918 года отрядом А. С. Рыдзинского красногвардейцы убивали многочисленных пленных якутов в церкви, казначействе, школе, на почте (истребив в бою и после до 70 человек), а захваченное оружие в изобилии досталось уголовным элементам⁷⁴⁵. Один из виднейших тамошних партийцев, И. Н. Барахов, вспоминал: «В Якутске в то время существовала партизанщина, без твердой направляющей руки, без надежных и популярных руководителей. Стоявшие во главе движения руководители еще больше разлагали массы»⁷⁴⁶. Председателем Якутского облисполкома совета рабочих и казачьих депутатов в августе 1918 года являлся левый эсер Л. Н. Аммосов, который, по утверждению прессы, «занимался поставкой самогонки». Сами красные признавали, что вербовали в свои ряды без всякого разбора любой криминал: «Набралось немало уголовных каторжан... в результате уголовщина нас захлестнула»⁷⁴⁷.

⁷³⁹ Яньков был арестован белыми и повешен в Иркутске в ноябре 1918 года.

⁷⁴⁰ Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. С. 102–103; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. С. 6–7.

⁷⁴¹ Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии. С. 227; Исторические спецкурсы: Учебное пособие: В 2 ч. / Под ред. Л. А. Зайцевой. Улан-Удэ, 2010. Ч. 1. С. 117.

⁷⁴² Партизаны: Сб. статей, партизанских и красногвардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен, посвященный трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. Чита, 1929. С. 34 (мемуары Н. Шитова «Красногвардейцы Читы Первой в боях с белогвардейщиной»), 203.

⁷⁴³ Константинов А. В., Константинова Н. Н. Забайкалье: Ступени истории (1917–1922 годы). Чита, 2009. С. 29, 30; Жигалин Я. Большевики с турецкого фронта // Партизаны. Чита, 1929. С. 72.

⁷⁴⁴ Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: краткие очерки истории. Чита, 2000. С. 147.

⁷⁴⁵ За Советскую власть в Якутии (Воспоминания). Якутск, 1957. С. 125, 126; Борьба за власть Советов в Приленском крае. С. 25.

⁷⁴⁶ За Советскую власть в Якутии. С. 24.

⁷⁴⁷ Хипхенов Г. И. Крушение Центросибири. С. 355.

Советская власть в итоге продержалась в Якутии чуть больше месяца. Навербованная из уголовников Красная гвардия под натиском добровольческого отряда поручика М. И. Гордеева разбежалась и была вскоре выловлена, причем «знаменитый убийца Дибень с сподвижником был убит на свинцовом заводе в устье Алдана»⁷⁴⁸. Священник Сивцов в телеграмме правительству сообщал о гибели значительного числа сторонников властей, «преимущественно Якут»⁷⁴⁹. Некоторое время спустя тунгусы и чукчи Колымского и Верхоянского уездов пожертвовали 12 тыс. рублей семьям погибших от рук большевиков в Якутской области⁷⁵⁰.

На Уссурийском фронте, где действовало почти полтора десятка тысяч красных, они активно довольствовались за счет местных жителей, что привело к ряду восстаний. Вооруженные антибольшевистские выступления в августе 1918 года произошли и в Амурской области (казацких станицах Иннокентьевская, Михайло-Семёновская, Черняево и Поярково, Полетинской волости), и в Приморье (в Бикине, Имане). В ответ войска террористическими мерами приводили крестьянское население к покорности. Командовавший Уссурийским фронтом бывший офицер В. В. Сакович «...решил дать урок не только для сегодняшнего, но и для завтрашнего дня. Мятежи были подавлены им с плебейской решительностью и с той суровостью, которой требовала грозная обстановка»⁷⁵¹.

Многие уголовные достижения персонажей, выдвинувшихся в период первой советской власти, были на слуху у общественности: «...Достаточно вспомнить читинских комиссаров: есаула Ян[ь]кова, Перцева, Попова и др., обворовавших читинский совдеп, комиссаров Винокурова⁷⁵², [В. А.] Смолина, Пережогина, Мордоховича – из уголовных преступников; барона [А. А.] Таубе, начальника большевистского штаба в Иркутске из русской аристократии⁷⁵³, увезшего несколько сот тысяч из Иркутского совдепа, офицера Дмитревского, обворовавшего в Якутске своего зятя; знаменитого курганского Церетели, судившегося за грабежи неоднократно; омского [члена исполкома З. И.] Лобкова – Зямку, мальчика с темным прошлым, но вертевшего головы всему Омску в течение многих месяцев, и уголовного [председателя омского ревтрибунала, бывшего боевика Камо в Баку А. А.] Звездова⁷⁵⁴! Всех впрочем не перечислить»⁷⁵⁵.

⁷⁴⁸ С. К. Ликвидация большевизма в Якутии // Народная Сибирь. Новониколаевск. 1918. 28 нояб. № 121. По другим данным, уголовника звали Дибель, и он смог скрыться. Хипхенов Г. И. Крушение Центросибири. С. 356.

⁷⁴⁹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1 Д. 16. Л. 153.

⁷⁵⁰ Наша Заря. 1919. 26 марта. № 65. С. 2.

⁷⁵¹ Ильяхов Н. К. Эхо Приморских сопок // За советский Дальний Восток. Владивосток, 1990. Вып. 5. С. 48. Также Сакович в августе ввел в прифронтовой полосе и в тылу военно-полевые суды для борьбы с контрреволюцией. (См.: Дальневосточные известия. Хабаровск, 1918. 14 авг. № 147.)

⁷⁵² О Павле Винокурове известно, что он в 1918 году расхитил деньги в Чите, при белых сидел в тюрьме как уголовный, затем подозревался в провокаторской деятельности и был расстрелян Иркутской губЧК (кстати, его брат был сотрудником ИргубЧК). ГАНО. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 68 (АСД по обв. Г. Крейцвальд). Л. 198–198 об.

⁷⁵³ В довоенный период весь штаб Иркутского округа именовал Таубе, как «образец глупости и невежества», не бароном, а «бараном Таубе». Хипхенов Г. И. Крушение Центросибири. С. 58.

⁷⁵⁴ А. Звездов неграмотно, но ярко описывал свои похождения: «...Я почти был инициатором организации группы бомбистов. При одной из экспроприаций [в Баку], где я был начальником, у меня спали усы и меня узнал Управляющий Конторы Строганова... [Если] нужно... устранить сыщика – это дело нашей группы... Как меня не разыскали, я думаю, что все мои грехи замял управляющий А. М. Карякин и Вице-Губернатор, друг управляющего, который меня очень любил... <...> Я легко укрылся в Ярославле, я уже успел дать урок по экспроприации. <...> После постановления Лондонского Съезда (РСДРП о запрете экспроприаций. – А. Т.) Костромской Комитет нам предложил сложить оружие, но мы не подчинились и решили создать свою С-Д организацию, тем более у нас были очень сильные партийные силы, а главное 30 тысяч экспропри[и]рованных денег и 10 пудов перекселину (пироксилина. – А. Т.)... После нападения на Окружной Суд[,] где мы хотели взять у нас взятое оружие, но операция была не удачна и в конце ноября 1906 года сел и я... Нас двоих привлекли за убийство... полицмейстера, но благодаря того, что с нами сели два брата Стенкевича, коих отец был каким то инспектором и другом следователя по важнейшим делам Количева[,] нам не устроили очной ставки». В ноябре 1916 года матерый боевик Звездов оказался мобилизован в армию (см.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 119. Л. 44).

⁷⁵⁵ В. П. Из коммунистического рая // Заря. 1919. 19 февр. № 37. С. 3.

К этому перечню всевозможного крупного жулья можно добавить военкома Семипалатинска К. Шугаева, который, угрожая расстрелом, забрал у местного фабриканта С. Плещеева 200 тыс. рублей и арестовал его сына в качестве заложника. Плещеев переписал номера изъятых у него кредиток и направил жалобу в следственную комиссию совдепа, где имелись противники военкома. При расследовании выяснилось, что руководители совдепа поделили эти 200 тыс. между собой; следственная комиссия смогла изъять 40 тыс. рублей у комиссара труда и промышленности – студента Лягина. На глазах у горожан Шугаев гонялся за членом следкомиссии Милютиным, но компрометирующих материалов отобрать не смог. После суда, на котором, по мнению местной прессы, «одна часть мошенников судила другую такую же часть», Шугаеву предложили уехать из Семипалатинска⁷⁵⁶. Деповские рабочие Омска в марте 1918 года провели самовольный обыск на квартире областного комиссара продовольствия, большевика Митяева, обнаружив немалое количество мануфактуры и готового платья; материалы комиссии были переданы в ревтрибунал⁷⁵⁷.

Процесс национализации, а фактически – экспроприации частного имущества в промышленной сфере властями Степного края (нынешний Северо-Восточный Казахстан) и Туркестана имел вид «карательной акции, носившей репрессивный характер»⁷⁵⁸. Население Степного края порой само расправлялось с большевиками. В поселке Ермак (50 верст от Павлодара) 9 мая 1918 года группой пьяных рабочих был убит попытавшийся арестовать агитатора-«анти-советчика» С. И. Царёв – чрезвычайный комиссар Экибастузских копей и член Павлодарского совдепа. В ответ отряд красногвардейцев арестовал 60 человек по обвинению в заговоре, но те оказались освобождены после бегства большевиков от чехословаков. Другой видный комиссар, Токаш Бокин, активный участник антироссийского восстания 1916 года, после захвата красногвардейцами 3 марта 1918 года города Верного стал секретарем областного Семиреченского военно-революционного комитета. Бокин столь рьяно взялся за реквизиции байского добра, что в июне сами советские власти арестовали его за грабежи и присвоение ценностей. В сентябре алашординцы выкрали Бокина из тюрьмы и зарубили за городом⁷⁵⁹. (Отметим, что в южных губерниях России, подконтрольных армии и правительству генерала А. И. Деникина, происходили сходные процессы криминализации местной власти⁷⁶⁰.)

Бегство большевиков сопровождалось еще большими грабежами и мародерством. Сводка из Екатеринбурга от 8 июля 1918 года сообщала: «В прифронтовой полосе... Население живет в страшной темноте, питается ложными слухами и страшно запугано грабительскими наклонностями некоторых красноармейских частей»⁷⁶¹. Красногвардейскими отрядами беспощадно громились волости Златоустовского уезда, восставшие против грабежей. Одним Мурзаларским отрядом в Аркауле и Мунаевой было расстреляно по 200 человек, в деревне Ильтаевой – 20, Мечетлиной – 36, а всего до 500 человек⁷⁶².

В Сибири ни один из городов красные не обороняли по-настоящему, обычно покидая их при первых неудачах на фронте. Из оставляемых городов, где часто бросали оружие, в спешке вывозились ценности, включая средства местного населения. П. К. Голиков доносил в Центросибирь, что отступление от станции Тыреть (более 200 верст от Иркутска) носило характер

⁷⁵⁶ Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. С. 47.

⁷⁵⁷ Помозов О. А. День освобождения Сибири. С. 357.

⁷⁵⁸ Медеубаев Е. И. Военный коммунизм в Казахстане: политика, практика, идеология (1918–1921 гг.). Актобе, 2001. С. 76–77.

⁷⁵⁹ Борцы за Советскую власть в Казахстане. Алма-Ата, 1987. Вып. 2. С. 235–236.

⁷⁶⁰ Карпенко С. В. Экономический кризис и коррупция: Из истории тыла белых армий юга России (1918–1920 гг.) // Экономический журнал. 2015. № 1 (37). С. 109.

⁷⁶¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 1: 1918–1922 гг. С. 73.

⁷⁶² Егоров А. В. К вопросу об эвакуации большевиков из Уфы в июле 1918 года // Башкирский край: Сб. статей. Уфа, 1993. Вып. 3. С. 109.

панического бегства, при этом красные «основательно грабили деревни бурятских крестьян». Бежавшие из Тюмени большевики оставили 20 паровозов, но успели подвергнуть город «массовому ограблению»⁷⁶³. Бессудные расправы обыденно сопровождали путь отступавших красных отрядов. Так, летом 1918 года священника большого села Голышмановского Ишимского уезда Тобольской губернии Ф. Богоявленского красные солдаты «...принуждали петь непристойные песни, играть на гармошке и плясать. Наконец приказали самому себе рыть могилу. Убив священника, свалили его в яму вниз головой и запретили хоронить»⁷⁶⁴.

Дисциплина в красных войсках почти отсутствовала: бойцы пьянствовали, приводили в вагоны женщин, не подчинялись приказам, мародерствовали, а выборные командиры то и дело заявляли, что ответственны лишь перед волей своих бойцов⁷⁶⁵. За три дня до спешной эвакуации Иркутска группа красногвардейцев и венгров на трех грузовиках похитила с таможенного склада 200 пудов опиума на более чем 2 млн рублей, одна доля которого была реализована среди китайцев, а другая увезена на восток⁷⁶⁶.

Перед бегством из Читы анархисты и часть красногвардейцев потребовали от властей выдачи по 5 тыс. рублей золотом на человека. Получив отказ, они, возглавляемые профессиональным уголовником и недавним пациентом психиатров Ефремом Пережогиним, с боем взяли Госбанк и забрали оттуда 240 пудов золота и 360 пудов серебра на 8,6 млн рублей⁷⁶⁷, устроив затем массовый кутеж, «к коему подключились и местные товарищи», чем окончательно дискредитировали власть⁷⁶⁸. Однако поживился драгоценностями не только Пережогин. На Урульгинской конференции советских работников, завершившей историю «первой» советской власти, отметили факт «разграбления воинскими частями и группой анархиста Пережогина Государственного банка и Горного управления» и постановили телеграфировать по всей линии железной дороги об аресте десяти виновников. Среди них, помимо анархистов Пережогина и Караева, значились видные фигуры красного сопротивления: главковерх войск Центросибири П. К. Голиков (смог сбежать в Западную Сибирь), его начштаба левый эсер (или анархист) Х. Е. Гетоев, председатель Сибвоенкомата Центросибири меньшевик П. Н. Половников, военспец Сибвоенкомата Балк, командир Иркутского партизанского конного отряда В. Брюков и некоторые другие⁷⁶⁹. Эти деятели пытались пробиться в Монголию с частью захваченных ценностей, но за селом Танга (ныне Улётовский район Забайкальского края) их отряд был разбит казаками, а найденное золото – конфисковано. Однако часть слитков большевики успели припрятать в селах по пути (в 1968 году в селе Танга было найдено пять слитков)⁷⁷⁰.

Чекисты же бежали из Читы столь стремительно, что даже бросили сейф с личными делами сотрудников⁷⁷¹. Вообще укрепление позиций и дисциплины на фоне наступления белых не было приоритетом. Советская пресса резко писала о наводнившей Читу стае «саранчи [в виде] гастролеров из Иркутска» с мандатами Сибвоенкомата, устроивших разгул в занятых ими гостиницах: «Шампанское рекой льется». Один из мелких красных начальников возму-

⁷⁶³ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524. Л. 96, 138.

⁷⁶⁴ *Дамаскин, игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. М., 2001. Кн. 2. С. 176.

⁷⁶⁵ *Рябиков В. В.* Центросибирь. Новосибирск, 1949. С. 86.

⁷⁶⁶ *Новиков П., Романов А.* Заготовка жёнова на собственную шею. С. 101.

⁷⁶⁷ *Василевский В. И.* Забайкальская белая государственность. С. 16.

⁷⁶⁸ *Бутенин Н. А., Бутенина Н. Д.* Политические режимы «демократической контрреволюции» на Дальнем Востоке летом–осенью 1918 г. // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: Сб. научных статей. Новосибирск, 2013. Вып. 2. С. 63.

⁷⁶⁹ Советский автор уверял: «Чтобы замести следы своего преступления, бандиты [Пережогина] распустили слух о том, что золото похитили „советские комиссары“, якобы сбежавшие из Читы» (см.: *Крушинов А. И.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920). Владивосток, 1972. Кн. 1. С. 41).

⁷⁷⁰ *Баринев А.* Загадки «золотого обоза» // Забайкальский рабочий. Чита, 2019. 19 авг.

⁷⁷¹ *Курчаткин А.* Победитель: Истинная жизнь легендарного разведчика. М., 2005. С. 106–107.

щенно описывал сцены на улицах Читы, где вояки-анархисты швырялись деньгами. Так, обращаясь к услугам чистильщиков сапог, они заставляли их использовать вместо щеток дорогие букеты цветов, а к услугам извозчиков – везти себя в дома терпимости, притом расплачивались кусочками золота, отрубленными от банковских слитков зубилом здесь же, на трамвайных рельсах⁷⁷².

Аналогичное разложение применительно к Благовещенску, куда анархисты привезли награбленное в Чите золото, подтверждал и А. Н. Буйских: «...Благовещенск был наводнен золотом», около тонны которого оказалось продано на китайскую сторону; нельзя было найти извозчика для деловой поездки – все были заняты гуляками; за чистку сапог небрежно бросали сторублевую кредитку. Пир во время чумы, происходивший в Благовещенске, являлся типичным поведением остатков красных, которые были словно одурманены в предчувствии конца и поголовно пьянствовали: «Началось невообразимое швыряние деньгами. <...> Станки круглые сутки печатали кредитки и не успевали покрывать спрос. В комиссариат финансов приходили вооруженные красногвардейцы и требовали деньги». Буйских обиженно отмечал: «В эти последние дни у массы явились бóльшие требования, чем в нормальное время. ...Можно было слышать смело говорящих недовольных властью людей, которые раньше были дисциплинированы, как партийные, и всегда язык держали за зубами»⁷⁷³.

Командование канонерок и судовой комитет Амурской речной флотилии отказались послать людей на Уссурийский фронт, а перед бегством красных запретили вывоз из Хабаровска оружия и ценностей. В результате пять канонерок белые использовали для перехвата пароходов, на которых спасались большевистские комиссары, бежавшие из Хабаровска. Флотилия же заместителя командующего Уссурийским фронтом Г. М. Шевченко вышла из Благовещенска 18 сентября, но около Суражевского железнодорожного моста через Зею, захваченного японцами, была внезапно обстреляна артиллерией. Несколько пароходов и барж с комиссарами и сотнями красноармейцев были сожжены и затоплены, причем в ходе панической эвакуации под огнем погибло много советских работников⁷⁷⁴. Амурская пресса сообщала, что при очистке баржи «Крахаль» до поздней осени обнаруживались трупы, которые японцы выдавали желающим для погребения. Разыскивать тела комиссаров нашлось немало добровольцев, ибо при них находились «громадные деньги» или хотя бы добротная верхняя одежда⁷⁷⁵.

Помимо неизменных грабежей и отдельных убийств отмечены факты уничтожения большевиками при своем бегстве как взятых в заложники «буржуев», так и просто граждан из числа потенциально нелояльных. Особенно часто такие чистки практиковались на Урале. Р. Гайда вспоминал, возможно завышая количество убитых: «Перед уходом из города Кунгура большевики... расстреляли в продолжении нескольких часов около 400 человек. Когда мы вступили в Кунгур, то отовсюду был слышен плач. Тамошнего купца Агеева с женой мучили, а потом убили на глазах их единственной дочери⁷⁷⁶. <...> При вступлении в городок Осу мы застали там такое же зрелище, как и в Кунгуре. Все мужское население было выбито, так что в городской управе и всех учреждениях работали женщины»⁷⁷⁷. Чехословацкий легионер Й. Клемпа записал в дневнике о первых впечатлениях от кунгурского террора: «20 декабря. В 5 часов утра мы прибыли в город Кунгур. <...> Страшно было слышать, как с ними (горожанами. –

⁷⁷² Забайкальский рабочий. Чита, 1918. 6 авг.; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 766. Л. 110 об.

⁷⁷³ Буйских А. Н. Революционные очерки. Кн. 1. С. 108–110.

⁷⁷⁴ Куликов С. В. Амурская трудовая социалистическая республика // Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в трех томах. М., 2020. Т. 1. С. 86; Хипхенов Г. И. Крушение Центросибири. С. 538–542.

⁷⁷⁵ Амурское эхо. Благовещенск, 1918. 3 дек. С. 5.

⁷⁷⁶ Воспоминания дочери Агеевых, Валерии («В один ужасный день мы узнали, что в Кунгуре расстреляна почти вся интеллигенция, кто не удрал»), были обнародованы в 2010–2012 годах. Сами красные признавали, что осенью 1918-го убили 132 кунгурца. См.: Одегов В. Многие расстреляны совсем зря // Искра. Кунгур, 2016. 22 нояб. С. 4.

⁷⁷⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524. Л. 370. В Осинском уезде белые вскрыли захоронения с 1800 жертвами красного террора.

А. Т.) обходились большевики. Более 200 трупов было зарыто в снег за городом в лесах. <...> Некоторые были так обезображены, что было страшно на них смотреть»⁷⁷⁸.

При оставлении Ирбита председатель ЧК Ершов расстрелял 26 июля 1918 года 22 заложника из местной буржуазии – известнейших преподавателей гимназии и учительской семинарии, купцов-благотворителей (и заодно некоего М. В. Егорова «из большевиков»); погибшие были предварительно ограблены на десятки тысяч рублей. Надзирательница тюрьмы рассказывала о пари, которое пьяный Ершов заключил с комиссаром Шошиным на предмет расстрела всех заложников до одного – и которое выиграл. Расстреливаемых прикалывали штыками, палачами выступали мадьяры⁷⁷⁹. Перед уходом из Туринска красные расстреляли шестерых горожан⁷⁸⁰. В Баранче под Нижним Тагилом красные в октябре 1918 года из мести (белые заняли городок на день, потом отступили) расстреляли несколько техников и 18-летнюю девушку, ругавшую большевиков. Накануне вступления белых в Пермь большевики в ночь на 24 декабря спустили в прорубь управляющего епархией епископа Феофана вместе с семьей протоиереями⁷⁸¹. В Уфе, по данным Особого отдела Департамента милиции, большевики за несколько месяцев казнили свыше тысячи горожан, из них большую часть – накануне своего отступления⁷⁸².

В Барнауле отступавшие в том же месяце красные, арестовав 150 человек, напоследок намеревались забросать арестное помещение бомбами, однако порыв рядовых бойцов пресек командир красновардейцев Л. В. Решетников. С собой они увезли 40 заложников, но расстреляли одного, а остальных отпустили⁷⁸³. Тогда же воевавшие в Восточной Сибири красновардейцы, отходя к Нижнеудинску, в селе Шеберта и на станции расстреляли шестерых местных, включая священника В. Петелина, бывшего крестьянского начальника, «кулака» и урядника⁷⁸⁴. Зато в Благовещенске, куда 18 сентября вступили японцы и белые, паника среди убежавших большевиков оказалась столь велика, что они забыли про арестантов, и администрация тюрьмы выпустила их всех.

Красновардейцы летом 1918 года «зачищали» не только военнопленных или заложников, но и местную буржуазию. Этим отметился, например, отступавший через Алтай отряд П. Ф. Сухова. Соратник Нестора Каландаришвили Киришин, вспоминая об отступлении к Троицкосавску, прибавил, что противник щадил красных, а те его нет: «Мы же белых расстреливали», и указал в другом месте на факт казни офицеров в одной из захваченных станиц⁷⁸⁵.

Соппротивление антибольшевистскому перевороту в сибирской и дальневосточной глубинке было слабым. Когда Канский уезд узнал о падении Советов, в известное своими революционными настроениями волостное село Перовское с «криками и выстрелами» приехали на подводах (и с флягами самогона) 2 тыс. бывших фронтовиков. Но скоро они перепились, придя к выводу о том, что пусть с чехами воюет Красная гвардия: «А какая власть будет, не

⁷⁷⁸ Klempa I. Moje skúsenosti za svetovej vojny. Denník československého legionára z rokov 1914–1920. Bratislava, 2014. S. 112. Цит. по: Елтышева Л. Ю. Кунгур 1918–1919 гг. Красная и белая страница истории // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / Ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов. М., 2016. С. 92.

⁷⁷⁹ Ирбитская трагедия // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 91–108; Мемуары Б. М. Ченцова и В. П. Лихачёва (1931) // РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 294. Л. 108. В ответ на террор были сформированы ударный батальон из учащейся молодежи Ирбита, а из жителей города и уезда – три полка Белой армии.

⁷⁸⁰ Сибирский листок. Тобольск, 1918. 10 авг.

⁷⁸¹ Делищев А. И. Революция 1917 г. и гражданская война в материалах следственных дел уральских инженеров 1930–1931 гг. // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие. С. 347; Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки. Пермь, 2000. С. 165.

⁷⁸² Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. С. 79.

⁷⁸³ Краснощёков А. А. Восстание в Барнауле 11 июня 1918 г. С. 100.

⁷⁸⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 766. Л. 109.

⁷⁸⁵ РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 43. Л. 18, 24.

все ли равно». Так что, когда посланец штаба заявил, что оружие выдается лишь надежным лицам, фронтовики, за исключением 70 перовских жителей, быстро разъехались⁷⁸⁶. В деревне Протопоповой Щегловского уезда Томской губернии бывшие большевики-красногвардейцы на общем собрании граждан каялись, признавая вину в том, что отбирали у односельчан хлеб «по дешевой цене», чинили произвол и насилие⁷⁸⁷.

Когда глава большевиков Амурской области Ф. Н. Мухин летом 1918 года ездил по селам агитировать за красных, то переселенцы-украинцы, по словам бывшего с ним подчиненного, гнали Мухина прочь: «Дивись куме, як вин гарно балакаеть, як от Совитской Власты получае 500 карбованцев в мисець... Геть! катысь! не треба нам такой власти[,] як где все воры да пьяници! Нехай пусть придуть хотя и японци, вины нам дадут матауз⁷⁸⁸ и манухвахтуру!»⁷⁸⁹ Население Амурской области проявляло открытую враждебность к советской власти потому, что из-за «мухинок» – никчемных ассигнаций, которые бесконтрольно печатались областными властями и вбрасывались на рынок, – прекратился подвоз всякого товара⁷⁹⁰.

Характеризуя тогдашнее настроение крестьян, белый офицер, объехавший Западную Сибирь, приводил их слова: «Нам все равно – красная или белая гвардия. <...> Нам кто угодно правь, только товару доставь»⁷⁹¹. Будущие активные партизаны Кучеровского фронта Канского уезда до начала карательных действий белых высказывались аналогично: «Для нас все равно, какая будет власть, черная или красная, лишь бы нас эта власть не трогала»⁷⁹². Такое мнение было типично тогда для всей России. В начале 1918 года донской казак на вопрос офицера, за кого он – за красных или за белых, ответил: «Кто из вас победит, за того и будем»⁷⁹³.

Сами коммунисты и партизаны признавали, что в 1918 году красные, защищавшие свою только что свергнутую власть, практически не поддерживались сибиряками – те в большинстве относились к представителям этой власти как к отбросам общества, случайно выплывшим на поверхность⁷⁹⁴. Во многих волостях и даже в некоторых уездах (Минусинском, Тюкалинском) местное население собственными силами бескровно ликвидировало правление большевиков либо активно этому содействовало (в волостях Бийского, Змеиногорского, Канского, Кузнецкого, Курганского, Тарского уездов). Например, на митинге в Тюкалинске толпа после слов члена уездного исполкома о мобилизации против наступающих чехов набросилась на красногвардейцев и арестовала их вместе с исполкомом; то же самое происходило и в селах уезда⁷⁹⁵. «Лишь в отдельных волостях красноармейцы и красногвардейцы нашли поддержку и сочувствие части местного населения»⁷⁹⁶.

Из мемуаров работника Центросибири известно, что «...попытки мобилизовать крестьянское население кончились ничем... и посланные на мобилизацию команды вернулись без

⁷⁸⁶ Петров П. Перовские красные партизаны (начало движения) // Сибирские огни. Новосибирск, 1935. № 1. С. 132–133; Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 361.

⁷⁸⁷ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 371.

⁷⁸⁸ Матауз – особый матерчатый шнур для обвязки снопов.

⁷⁸⁹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 766. Л. 111. В селе Шемонаиха Змеиногорского уезда к падению Советов отнеслись безразлично: «Был бы товар, а там хоть немцы правь» (см.: Кокоулин В. Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма». С. 132).

⁷⁹⁰ Безродных И. Амур в огне. Хабаровск, 1932. С. 30; Бутенин Н. А., Бутенина Н. Д. Политические режимы «демократической контрреволюции» на Дальнем Востоке летом–осенью 1918 г. С. 62.

⁷⁹¹ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией. С. 189.

⁷⁹² Кучерово: эхо гражданской войны // Победа. Нижний Ингаш, 2015. 13 нояб. № 46.

⁷⁹³ Лобанов В. Б. Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 – май 1919 гг.). СПб., 2012. С. 47.

⁷⁹⁴ Симонов Д. Г. К вопросу об отношении крестьянства к антибольшевистскому движению в Сибири и на Урале летом–осенью 1918 года // Крестьянский фронт, 1918–1922. С. 634.

⁷⁹⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 766. Л. 96.

⁷⁹⁶ Шишкин В. И. К вопросу о судьбе Советов после антибольшевистского переворота в Сибири (конец мая – июль 1918 г.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 296–313.

мобилизованных»⁷⁹⁷. Как вспоминал И. В. Громов (Мамонов), большевики города Камня в конце декабря 1917 года разогнали городскую управу и организовали, с участием анархистов, сначала уездный совет, а потом и Каменскую уездную республику – с наркоматами и совнаркомом во главе с Громовым (при том, что в Камне насчитывалось всего 17 коммунистов). Проводя национализацию, «наркомы» к маю 1918 года конфисковали у богатой части населения 2 млн рублей⁷⁹⁸. В результате даже рабочие Камня, «когда мы им дали оружие перед наступлением белых, вернули его и отказались драться». Также Громову пришлось признать, что, когда он послал красногвардейцев в большое село Ключи мобилизовать у крестьян лошадей для кавалерии, мужики оказали сопротивление и убили двух отрядников⁷⁹⁹.

Отвернулись от помощи советам и омские рабочие: «По Атаманской и Дворцовой улицам... стояли толпы, открыто возмущавшиеся предательством безответственных главарей, оцепивших пароходы и спешно грузивших на них достояние русского народа, русской казны и государственного банка». Рабочие депо отказались выступать навстречу чехам и не дали разорвать железнодорожные пути и постройки⁸⁰⁰.

Именно крестьяне захватили в плен бежавших руководителей Енисейской и Иркутской ЧК. Белый офицер вспоминал, что в Тобольской губернии «...местное крестьянство... приняло весьма деятельное участие в поимке разбежавшихся... красных деятелей». Авторитетный советский мемуарист признавал, что те советские отряды, которые пробивались из Сибири на Урал, вынужденно выдавали себя в деревнях за белых, таким образом получая радушный прием, и что «интернационалистов величали „голубчики чехи“»⁸⁰¹.

В деревне Карымской Ново-Павловской волости Балаганского уезда сельский сход постановил расстрелять красногвардейцев, находившихся в деревне⁸⁰². Один из красногвардейцев Барабинского фронта вспоминал, что крестьянство «чертовски было восстановлено против совдепов» и лучше было «идти в бой, чем под дубины крестьян»⁸⁰³. Бийский большевик отмечал, что крестьянство «само задерживало работников партии большевиков и Советской Власти, а иногда и расправлялось с ними на месте самосудом». После свержения большевистской власти сход большого ойротского села Онгудай принял решение в трехдневный срок выселить 76 семей, сочувствовавших красным⁸⁰⁴.

В своих мемуарах большевики дружно признавали, что при свержении их власти население бурно приветствовало белых и где с пренебрежением, а где с ненавистью относилось к прежним хозяевам. По изгнании красных Самара ликовала, а некоторые комиссары были «расстреляны озлобленной толпой»⁸⁰⁵. Красный главком И. И. Вацетис писал, что Казань «ликовала и веселилась»; такое же настроение было в Уфе. После бегства большевиков из Перми 24 декабря 1918 года очевидица писала о праздничном настроении местных жителей: «Народ радостный, поздравляют друг друга, точно на Пасху»⁸⁰⁶. По свидетельству В. Д. Вегмана, в Томске белых с музыкой и цветами встречала разряженная публика, причем у многих в руках

⁷⁹⁷ Рябиков В. В. Центросибирь. С. 72.

⁷⁹⁸ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1973. Л. 8–10.

⁷⁹⁹ Громов И. В. За власть Советскую. С. 15; Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. С. 172–174.

⁸⁰⁰ Бурлинский П. Освобождение Омска // Наша Заря. Омск, 1919. 7 июня. № 120. С. 1.

⁸⁰¹ Филимонов Б. Б. На путях к Уралу. С. 80; Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. С. 37.

⁸⁰² Маленьких М. А. Крестьянство Иркутской губернии в условиях контрреволюционных режимов // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие. С. 210.

⁸⁰³ Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия. С. 69.

⁸⁰⁴ Мемуары Н. Т. Бурыкина // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1157. Л. 10; Мемуары И. Я. Третьяка о партизанском движении в Горном Алтае // Там же. Д. 1155. Л. 12.

⁸⁰⁵ Наша Заря. 1919. 6 мая. № 94. С. 2.

⁸⁰⁶ Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917–1920 годах. Воспоминания и документы. Рига, 1962. С. 110; Агеева В. А. Воспоминания о жизни в Перми в 1918 году // Гражданин Перми. Пермь, 1993. С. 33.

были смешно выглядевшие экземпляры последнего выпуска газеты «Знамя революции» с шапкой: «Советская власть стоит прочно и незыблемо»⁸⁰⁷.

В мемуарах большевика Политова, доставленного после ареста отрядом из 60 чехословаков в Бийск, бескровно захваченный рабочими и учащейся молодежью, есть такой эпизод: «... на станции белый флаг, буржуазия с цветами, слезы радости, поцелуи, стараются пробиться к вагону арестованных, сделать самосуд... два чеха на часах прогоняют...»⁸⁰⁸ К приходу в Камень парохода «Лейтенант Шмидт», вместе с которым захватили почти всех членов Каменского совдепа, «...пристань была усеяна празднично разодетой толпой». «Когда нас, окруженных тесным кольцом белогвардейцев, выводили по трапу на пристань, – вспоминал Политов, – вся эта толпа с диким улюлюканьем, бранью, угрозами бросилась к нам. Нарядные дамы, благообразные господа старались прорвать кольцо конвоя и учинить над нами самосуд»⁸⁰⁹.

Один из членов отряда М. Х. Перевалова честно отмечал, что в селе Итат Мариинского уезда после разгрома красных наблюдалось «небывалое воодушевление». И неудивительно, ведь ранее этот же партизан с удовольствием вспоминал, как советские власти весной 1918 года взяли с торговцев Итата 80 тыс. рублей контрибуции и затем обстреляли, разгоняя, толпу стариков и старух во главе со священником, требовавших в «великий бывший четверг» освободить арестованных купцов⁸¹⁰.

Аналогично относились к свержению советской власти в Новониколаевске, Тюмени, Тобольске, Ачинске, Минусинске, Красноярске, Черемхово... А видная иркутская большевичка Е. П. Алексеева вспоминала, что неприязнь населения ощущалась и в последующие месяцы: «Мещанская публика бойкотировала большевиков. Я и муж жили на разных квартирах, ибо никто не хотел давать их нам»⁸¹¹.

Тысячи разбитых защитников Советов представляли серьезную угрозу для населения. Отступавшие и полностью деморализованные, красногвардейские отряды грабили и бесчинствовали. Пресса отмечала: «Бегут совдепы, бегут их защитники... и проявляют свою храбрость и стойкость лишь в одном – в грабеже и зверствах против беззащитного населения». Например, под Мариинском в июне 1918 года большевики ежедневно дезертировали десятками «и, рассыпаясь по деревням, грабили там», а «из города можно было наблюдать во время перемирия пьяных красногвардейцев, куролесивших за рекой»⁸¹². С конца лета 1918 года в Кольчугине стали действовать различные подпольные группы. Одна из них, возглавляемая известным в Кузбассе революционером Демьяном Погребным, состояла из его родственников, военнопленных и анархистов. Но местный профсоюзный работник и будущий чекист С. Г. Осокин называл группу Погребного «уголовной шайкой» хулиганов, вся деятельность которой сводилась к личной наживе⁸¹³.

Газета «Алтай» сообщала полученные из Онгудая сведения о действиях Шебалинского отряда В. И. Плетнёва (позднее известного партизана и председателя Горно-Алтайского уездного ревкома) численностью 165 бойцов в районе станции Тельга: «Банда Плетнёва занимается грабежами и насилиями. Жители просят о скорейшей помощи». Вскоре отряд был целиком рассеян. В начале июля Каракорумская управа сообщала, что туземный отряд из 400 ойротов преследовал «пришедшие в горы красногвардейские банды Плетнёва»⁸¹⁴. В июне 1918 года в

⁸⁰⁷ Вегман В. Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске. С. 147.

⁸⁰⁸ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 766. Л. 103.

⁸⁰⁹ Маздрин И. П. В грозные годы. Барнаул, 1959. С. 36.

⁸¹⁰ Воспоминания Н. Евдокимова (1921) // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 881. Л. 13, 7.

⁸¹¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 156. Л. 11.

⁸¹² Сибирская жизнь. Томск, 1918. 27 июля. № 70; 20 июня. № 40.

⁸¹³ История Кузбасса. Кемерово, 2021. Т. 2. Кн. 1. С. 295.

⁸¹⁴ Курьшиев И. В., Гривенная Л. А. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства. С. 21; Демидов В. А. Крах Каракорума // Классы и политические партии в Октябрьской революции и гражданской войне в Сибири: Меж-

селе Цветнополье Омского уезда крестьяне требовали от властей оружия для «самозащиты населения поселков от банд разбежавшихся красногвардейцев, производящих свои разбойные набеги с целью грабежа съестных припасов, похищения лошадей и т. п.»⁸¹⁵.

Американский консул в Харбине в начале июля 1918 года сообщал госсекретарю США о многочисленных русских беженцах и 30 тыс. бурят, перешедших границу в Маньчжурии ради спасения от Красной гвардии и отрядов интернационалистов⁸¹⁶. Беглые красногвардейцы нередко создавали уголовные шайки, грабившие и убивавшие горожан и тех, кто проезжал по трактам. В августе группа бывших красногвардейцев вместе с горнорабочими и крестьянами села Лебедянка ограбила служащего, который вез 60 тыс. рублей жалованья рабочим судженского рудника «Надежда»⁸¹⁷. А на заседании военно-полевого суда, проведенном полковником Власовым 26 апреля 1919 года, были приговорены к повешению три бывших рядовых красноармейца – А. В. Баранов, Н. С. Васильев, П. Л. Китаев – за убийство четырех женщин и мужчины в Нижне-Тагильском Заводе (ныне – город Нижний Тагил)⁸¹⁸.

Откровенные мемуары оставил командир пулеметной команды 1-й Барнаульской роты В. Ф. Кудряшёв. Роту во главе с П. Ф. Тиуновым (бывшим старшим унтер-офицером и столяром барнаульских мастерских) первоначально отправили в мае 1918 года из Барнаула на восток для борьбы с атаманом Семёновым. Кудряшёв, отступавший с этим отрядом из Иркутска до Сретенска, подробно поведал о нравах красногвардейцев:

Я помню, какая же была растерянность в Иркутске [после выступления чехов]. <...> Все бегали, все суетились, сталкивались лбами, как бараны, звенели шпоры и раздувались галифе, но толку, повторяю, не было ни на грош. Наш командир отряда Тиунов здесь тоже разрядился почему зря, где-то достал себе маузер с прикладом и походную сумку (но без карты) и носился как дурень с торбою, прельщая собою иркутских проституток, за что потом ему и другим пришлось расплачиваться в Берёзовском (В[ерхне]-Удинск) госпитале⁸¹⁹. Словом, это был самый из неудачных командиров, и я ни разу не видел его в боях, ибо он как-то «смывался», а его «примеру» следовал и его помощник Иовлев, и отряд наш барнаульский с громким лозунгом на красном знамени: «За власть труда умрем, но не сдадимся!» – начал разлагаться.

Порядочное количество наших ребят в надежде, что с [отступившим атаманом] Семёновым делать нечего и, значит, скоро [все] вернутся домой, запасли целые мешки мануфактуры, чулок и прочей дребедени, и когда пришлось выступить против чехов по направлению Н[ижне]-Удинска... оказались нагруженные как ишаки, пришлось брать подводы для посадки в вагоны... Но уже с выступлением из Зимы в нашем отряде началось дезертирство и чуть ли не каждый день убывал человек... <...>

В Зиме наши силы были таковы: отряд барнаульцев, Центросибири, анжерцев, отряд черемховцев, и зиминцы тоже послали свой отряд; затем отряд мадьяр... с командиром Лавровым... вместе, пожалуй, составилось бы до 1000 бойцов. Но что это были за бойцы?.. Не буду отрицать, что из всей этой

вузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1991. С. 137.

⁸¹⁵ Булдаков В. П. Красная смута. С. 215.

⁸¹⁶ Papers relating to the foreign relations of the United States. 1918, Russia. Washington, 1932. Vol. 3. P. 130 (указано кандидатом исторических наук Д. Ю. Исповедниковым).

⁸¹⁷ Сибирская жизнь. Томск, 1918. 22 авг. № 91.

⁸¹⁸ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 768. Л. 23 об.

⁸¹⁹ Сам П. Ф. Тиунов вспоминал: «Я сильно заболел, мне на смену был выслан штабс-капитан Исаев... а меня повезли на излечение в город Иркутск, и мне не пришлось участвовать в боях до ликвидации наших войск в... Благовещенске». Так благодаря гонимому Тиунову благополучно избежал военных опасностей. Там же. Оп. 2. Д. 802. Л. 24.

толпы 1/3 была людей, готовых беззаветно жертвовать своею жизнью когда угодно. Но 2/3 был всякий сброд, который был способен от грабежа к насилию и всему, чему хотите. <...> Словом говоря, это был в большинстве сброд[,] банды... люди принимались без разбора, и принимали каждого пришедшего и выдавали ему оружие...⁸²⁰

Воспоминания интернационалиста К. Сойри о пребывании его отряда на станции Мысовая летом 1918 года свидетельствуют о том, что «в ряды красногвардейцев проникла масса уголовных элементов, которые стали заниматься грабежами, теряя тем авторитет среди населения». Отмечал он и массовое дезертирство, а также то, что омский отряд Ф. П. Лаврова из 800 бойцов самовольно бросил позиции у Верхнеудинска и «занимался грабежами»⁸²¹. Обвинения Лаврова в неожиданном уходе с фронта повторяются во многих мемуарах и, по мнению П. А. Новикова, являются мифом более поздних времен, поскольку истинной причиной панического отступления красных стал внезапный прорыв войск подъесаула И. Н. Красильникова и 4-го Томского полка через болотистую местность под Нижнеудинском, поддержанный атакой казачьего отряда.

Между тем один из мемуаристов, высоко оценивая военные способности Лаврова, проявленные в дальнейших боях после сдачи Иркутска, все же отмечал, что именно лавровские мадьяры ночью ушли от Култука, оголив левый фланг Прибайкальского фронта, а вслед за ними бросил позиции и отряд Каландаришвили. Оставшиеся после этого 2-й Черемховский полк и всегда твердо сражавшийся китайский отряд были вынуждены быстро отходить от станции Кулдук. В полутора-двух верстах от Слюдянки панически настроенных черемховцев встретили «...грубые крики и ошестинившиеся... винтовки – это оказались мадьяры. Лавров в центре их, лупит плетью красногвардейцев. <...> ...Лавров решил восстановить фронт благодаря нагайке[,] и всех отступавших красногвардейцев он избивал плетью, ему помогали человек 5–6 мадьяр... <...> Что они хотели сделать. Положить [на смерть] опять здесь красногвардейцев, а самому со своим отрядом уйти»⁸²². В последней оценке можно видеть пристрастность мемуариста (который затем не без оснований обвинял Лаврова в расправах над черемховцами в Монголии), однако не исключено и то, что он был прав, ведь анархисты действительно были рады спастись любой ценой. Так или иначе, но красный фронт ненадолго восстановили только под станцией Танхой.

Характеризуя моральный облик советских войск, другой мемуарист сообщал, что к стоявшей в Забайкалье, под Акшей, красногвардейской части, составленной из нескольких сотен рабочих станции Чита-1 и Черновских копей и громко именовавшейся «Красным фронтом 4-го района» (командир – бывший конторщик Черновских копей Удовенко), «...примазалось много уголовного элемента и начались, под видом реквизиции, грабежи [окрестных бурят]. Штаб повел с этим злом решительную борьбу, был расстрелян начальник разведки Хабаров, часть мародеров скрылась»⁸²³. Еще один партизан, говоря о том времени, когда советские войска откатились к Амуру, прозрачно намекнул на профессиональную непригодность крепко дружившего с бутылкой главкома красных войск Сибири П. К. Голикова: «Ввиду того, что у нас имело место пьянство, мы решили назначить командующим Лазо»⁸²⁴.

Пьянство в Красной гвардии было повсеместным: так, на Прибайкальском фронте, видя, что дела плохи, «...мадьяры ударяются в пьянство и пьют очень крепко. Спирт мадьярам выда-

⁸²⁰ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 776. Л. 108 об.

⁸²¹ Там же. Л. 11 об.

⁸²² Там же. Д. 1331. Л. 17, 20–22.

⁸²³ Аносов [П. А.] Два лагеря // Партизаны. Чита, 1929. С. 56; Борьба за Советы в Забайкалье: Сб. статей, материалов и документов. Чита, 1947. С. 200.

⁸²⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 891. Л. 55.

вался все время». Поскольку русские красногвардейцы были этого лишены и протестовали против такого ущемления, алкоголь стали «давать и [русским] красногвардейцам»⁸²⁵. Между тем предостерегающий опыт имелся: чуть ранее, в ночь на 26 июня 1918 года, казачий отряд Красильникова в ответ на глумление над пленными на станции Худоеланская зарубил после жестокого боя на станции Шеберта под Нижнеудинском – по данным белой стороны – 200 черемховских красногвардейцев и мажар, часть которых «поужинали с выпивкой и заснули, не выставив даже охраны». По чехословацким источникам, одних только мажар на месте боя было захоронено 114 человек⁸²⁶. Мемуарист, говоря об этом кровавом побоище, отмечал, что «много в то время погибло» черемховских рабочих⁸²⁷.

В конце июля 1918 года самых небоеспособных анархистов пришлось убрать с фронта, и они временно сосредоточились в Верхнеудинске, где базировались органы Центросибири. В советской литературе отмечено, что в первой половине августа анархисты во главе с Лавровым, Караевым и Пережоговым планировали арестовать руководителей-коммунистов и захватить золотой запас. В ответственный момент советский главком П. К. Голиков оказался пьян, поэтому руководил подавлением мятежа сам глава Центросибири Н. Н. Яковлев. Верные ему части арестовали бунтовщиков (Пережогин смог бежать), а отрядам Лаврова и Караева велели перебазироваться в район Троицкосавска⁸²⁸. Тогда же к Селенгинску выдвинулись бойцы Каландаришвили (до 3 тыс. человек) и Третьякова. Таким образом, анархистская часть красногвардейских войск, т. е. почти половина их, фактически была убрана либо дезертировала с фронта, что полностью отвечало интересам этой вольницы, образовавшей на линии Троицкосавск–Селенгинск свой собственный фронт, который не вел никаких активных действий и быстро разбежался⁸²⁹, стремясь скрыться за границу. Точно так же со всеми немалыми ценностями сбежал в Монголию и Троицкосавский совет.

Известно, что отступивший от Троицкосавска в Монголию отряд Н. А. Каландаришвили активно мародерствовал, награбив у бурят и казаков массу золота, серебра и царских ассигнаций, причем мемуарист из отряда Карандаша обвинял во всех проблемах криминальную часть остатков красного войска:

...Настроение здесь резко изменилось. ...Появилось мародерство. Это было влияние уголовников... они стремились пойти назад, попасть к белым, это влияние уголовников выражается также в недоверии руководству. <...> Возьмите вы арест, если можно так выразиться, Третьякова, Третьяковой⁸³⁰, Блюменфельда. <...> Говорили, что [С. С.] Блюменфельд забрал деньги и решил бежать из отряда. <...> Получилась волынка в ночь: я был на заставе с пулеметом «Кольт». Появилась группа всадников. ...Это были свои. Они сообщили, что Блюменфельд забрал деньги и хотел бежать. Побегали туда. Там шум, гам, крики – здесь уже появилось желание отобрать деньги и разделить. Некоторым были розданы облигации. На почве этих облигаций поднялась буза: а Николаевские [ассигнации] кому? А з[о]лото кому? Вот каково было влияние уголовников⁸³¹.

⁸²⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 20.

⁸²⁶ Маценко П. А. Записки хирурга. Иркутск, 1984. С. 28 (упоминает о 400 жертвах); Хипхенов Г. И. Сражение за Нижнеудинск 24–26 июня 1918 г. С. 18–20 (говорит о 50–100 жертвах).

⁸²⁷ Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири. С. 216.

⁸²⁸ Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии. С. 24.

⁸²⁹ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией. С. 245; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. С. 15.

⁸³⁰ А. П. Третьякова-Холодова – жена Д. М. Третьякова; была начальницей саперной команды. См.: РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 43. Л. 22.

⁸³¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 64–65.

Бывший гимназист, 16-летний В. П. Зотов, говоря о массовом мародерстве во время монгольского похода, спокойно констатировал: «Об этом знал весь отряд, ибо у нас грабежами все хвастались». С. Н. Ахвледиани, адъютант Каландаришвили, в 1914 году, по данным полицейской агентуры, работал в аптеке и имел связи с грабителями, доставляя им разные медикаменты и яды. Осенью 1918 года, отступая в Монголию и будучи казначеем отряда, ночью сбежал со всеми деньгами (250 тыс. рублей), но был выловлен казаками в селе Тунка и убит⁸³².

Аналогично действовали, торгуя друг другом и думая лишь о разделе награбленного, в отряде Ф. П. Лаврова. Магьяр Витман в начале 30-х годов вспоминал:

Вечером, когда Форбат вернулся [с переговоров о разоружении] и сказал, что нас пропустят, если мы сдадим оружие, при чем золото и серебро останется у нас, кроме того[,] монголы нам дают документы, что мы являемся постоянными гражданами Монгольской республики. У нас были такие ребята, которые говорили, что нужно разделить золото и каждый получит по 10 фунтов. Лавров устроил собрание[,] и Форбат его арестовал. Форбат говорил, что нужно отдать оружие, а Лавров говорит, что не нужно, к нам скоро придут наши товарищи и мы продвинемся вместе с ними. Но оказалось, что приближается Семёнов и Ан[н]енков⁸³³. <...>

Сами мы тоже не соображали. Мы думали, что нужно разделить золото. Мы предложили, что нужно отдать [китайцам] оружие, а золото останется у каждого на руках. В этот же вечер поставили охрану к Лаврову. Лаврову удалось уговорить охрану из кавалеристов, что если мы останемся, то мы все погибнем... Когда сменился патруль, то обнаружили исчезновение Лаврова⁸³⁴.

Но вскоре беглеца схватили каландаришвилицы, которые сначала согласно приказу своего командира планировали судить его трибуналом. Однако почти сразу один из отрядников-артиллеристов, мстя за снятые лавровцами замки пушек своего парохода, пристрелил Лаврова во время переправы – «с Лавровым некогда было возиться»⁸³⁵. В 1927 году писатель Вс. Иванов зафиксировал впечатления от посещения мест боев красных и белых в Монголии: «Я видел... монгольские степи, покрытые трупами магьяр и [казаков-]атамановцев. В горе Шара-Хадату, в гротах у изображений Будды, я видел трупы расстрелянных, высохшие, с судорожно зажатými гранатами в руках»⁸³⁶.

О том, что представляли собой уцелевшие отряды Красной гвардии, наглядно свидетельствуют и эпизоды, связанные с походом «главоверха» П. Ф. Сухова, овеванным легендами в советской историографии⁸³⁷. В июне–августе 1918 года безнадёжный рейд по белым тылам на Алтае осуществил, стремясь прорваться из Барнаула в советизированный Туркестан, крупный красногвардейский отряд бывшего прапорщика Сухова и примкнувшего к ним бывшего «министра по делам туземных национальностей» эфемерной Сибирской облдумы Д. Г. Сулима. Около половины суховского воинства из числа «малодушных темных рабочих» сразу

⁸³² Хипхенов Г. И. 1-й Иркутский кавалерийский дивизион (полк). С. 121, 118.

⁸³³ Упоминание действовавшего в Семиречье и Западной Сибири Б. В. Анненкова наглядно свидетельствует о панике красных.

⁸³⁴ РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 6. Л. 5 об. – 6.

⁸³⁵ Там же. Л. 9.

⁸³⁶ Папкова Е. Сибирь Всеволода Иванова // Вопросы литературы. 2014. № 2. С. 132–133.

⁸³⁷ «Героическим рейдом» именует поход Сухова в двух практически идентичных статьях и современный историк: Штырбул А. А. К истории гражданской войны в Горном Алтае и Верхнем Прииртышье: «Сатунинщина» и ее ликвидация (1918–1920 гг.) // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сб. материалов международной научной конференции. Новосибирск, 2011. С. 215–221; Он же. Из истории Гражданской войны на востоке России: «сатунинщина» и ее ликвидация. С. 109.

дезертировало, поэтому отступающий отряд насчитывал 800 человек, включая 80 кольчугинских шахтеров и 60 мадьяр⁸³⁸.

Эта вооруженная и быстро отчаявшаяся масса сразу начала грабить население. Подойдя к станции Алейской, суховцы лавой устремились в с[ела] Ярки и Пенюшево, подвергая грабежу все, что можно унести: «Все они почти беспросыпно пьяны... Ругань, рев, крик не смолкали. Озлобление после всех неудач – страшное. Часто слышались крики и призывы перерезать весь штаб. <...> Один из мадьяр получил на себя и на товарищей тысячу рублей, но едва он отошел в сторону, как был тут же пристрелен с целью ограбления одним из красногвардейцев. Постановлением штаба красногвардеец расстрелян. Настроение с каждым днем становилось все более подавленным, что особенно было заметно у членов штаба. Интересно то, что штаб все время старался держать в полном неведении свою гвардию, сообщая ей явно нелепые слухи»⁸³⁹.

Из трофейных документов штаба суховского отряда следовало, что главными причинами неудач были падение дисциплины, сопровождавшееся постоянным дезертирством⁸⁴⁰, и нравственная деградация – отчаянное мародерство, сексуальное насилие... Штаб пытался бороться с деморализацией – в захваченном архиве ревтрибунала нашлось до 30 смертных приговоров за неподчинение, – но успеха это не принесло. Под конец после непрерывного дезертирства осталось 250 суховцев. Каратели разгромили их наголову, а уцелевших переловили (и основную часть расстреляли⁸⁴¹) при активном содействии местного казачества в районе сел Тележиха, Солонешное, Топольное, Черный Ануй⁸⁴².

Но до своего полного уничтожения в Горном Алтае у монгольской границы это русско-мадьярское войско отметилось жестокими расправами над пленными и священниками, а также многочисленными актами насилия и грабежами. В селе Вилки 29 июня перед зданием училища суховцами были убиты офицеры С. С. Калякин и Лебедев, гимназисты-добровольцы В. Г. Гаевский, Иваненко и еще один доброволец: «Калякин застрелен, тело его истыкано штыками, а шашкой распорот живот. Гаевский также застрелен, истыкан и шашкой отрублена голова»⁸⁴³. Как рассказал чудом выживший доброволец Татарского отряда Г. З. Луконин, небрежно пристреленный после пленения и смертного приговора в штабе, «все раненые красногвардейцами добиваются по настояниям мадьяр и немцев»⁸⁴⁴.

Также Сухова интересовали золото и «баловство» с привлекательными девушками, он «искал крупной поживы, а мелкота брала все, что попадалось под руку: шарили по сундукам вдов и солдаток, забирали венчальные кольца, последние ботинки...». Начальник Змеиногорской уездной милиции сообщал управляющему губернией, что в селе Курьинском «у некоторых из граждан взламывались ящики и похищалось все, что было ценное, и деньги... на сумму более 100 тысяч рублей...»⁸⁴⁵.

Газеты писали, что в захваченных селах суховцы не только грабили богатых крестьян и священников, но также насиловали и убивали: «В Вознесенском [оно же село Лубягино Слав-

⁸³⁸ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 777. Л. 29–30.

⁸³⁹ А. Ж. В плену у красногвардейцев // Алтай. Бийск, 1918. 17 июня. № 7.

⁸⁴⁰ Так, сбежала из отряда Сухова группа во главе с И. В. Грозовым, который по этому поводу сокрушенно высказался в ранних воспоминаниях, прямо именуя себя дезертиром и признаваясь: «Сейчас, когда я эти строки пишу, то мне очень и очень стыдно» (см.: ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1073. Л. 21). В мемуарах, опубликованных 30 лет спустя, нейтрально сказано: «Я же с группой красногвардейцев в 6 человек, разрушая телеграфную линию, отстал от отряда и больше в него не возвращался» (*Грозов И. В.* За власть Советскую. С. 18). Однако современный автор именуется отступление Сухова «успешным» (*Кокоулин В. Г.* Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма». С. 116).

⁸⁴¹ Из отряда уцелело от 20 до 30 человек. См.: ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1973. Л. 23.

⁸⁴² *Курьинцев И. В., Гривенная Л. А.* Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства. С. 23.

⁸⁴³ Сибирская жизнь. Томск, 1918. 21 июля. № 65.

⁸⁴⁴ Там же. 1918. 9 авг. № 81.

⁸⁴⁵ Свободная речь. Семипалатинск, 1918. 14, 18 дек.; *Кокоулин В. Г.* Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма». С. 134–135.

городского уезда]... пять человек пленных из войск Временного Сибирского правительства были приговорены к смертной казни. Начальник банды Сухов в присутствии многочисленной толпы крестьян выстрелами из револьвера убил приговоренных к смерти»⁸⁴⁶. Есть и другие подтверждения, что командир отряда, именовавший себя «главковерхом», лично расстреливал пленных офицеров: «[Сухов им] стрелял в лицо под хохот красноармейцев. Недобитых закапывали в землю живыми. Их, однако, удалось спасти: из шести расстрелянных мертвыми оказалось только двое»⁸⁴⁷.

На Дальнем Востоке большевики продержались дольше, в том числе за счет широкого применения вооруженного насилия. Тем не менее их отряды летом и осенью 1918 года потерпели тяжелое поражение от японских войск, пришедших на помощь белым. Большевик П. П. Постышев вспоминал о разложении красных частей при беспорядочном отступлении, признавая обилие анархического и уголовного элемента. После ограбления Шмаковского монастыря эскадрой красных казаков и двумя батальонами пехоты победители перепились и напялили на себя священнические одежды: «...горели церковные большие свечи, и при их огне играли в карты. Всюду водка, бочонки с медом... Нас встретили насмешками и бранью. Пришлось послать дисциплинированную часть разогнать их и переарестовать, а окончательно разложившихся заправил расстреляли»⁸⁴⁸.

После окончательного разгрома красные распустили своих бойцов по домам, тем самым бросив их – и прежде всего интернационалистов, наиболее боеспособных и особенно ненавистных белым, – на произвол судьбы (напротив, при бегстве коммунистов из Томска 31 мая 1918 года руководители города захватили с собой бойцов-интернационалистов, быстро заняв пароходы и оставив белым остальных красногвардейцев со значительной частью руководства, не оповещенного о спешной эвакуации⁸⁴⁹). Отступившему на станцию Кача под Красноярском отряду красногвардейцев затем, как вспоминал один из рядовых бойцов, «пришлось спасаться кто как сумел...». «...Комсостав скрылся от нас заблаговременно... – продолжал этот свидетель, – и деньги забрали тоже[,] ушли себе спокойно...»⁸⁵⁰. Командиры-каландаришвилицы Д. М. Третьяков и В. М. Рагозин (Рогозин) также бросили своих бойцов, безуспешно пытаясь спастись⁸⁵¹.

Известно о подобных же случаях и с другими отрядами. Командир 1-й Екатеринбургской дружины (бывший унтер-офицер мадьярской роты) Ухринчек и комиссар Ю. Г. Циркунов выехали в конце мая 1918 года из Екатеринбурга в Омск с 300 мадьяр, которые, узнав, что Омск отрезан, запаниковали вместе со всеми боеспособными остатками красного фронта. На митинге красногвардейцы решили по железной дороге ехать до станции Татарск, которую чехи еще не взяли, и оттуда разойтись в разных направлениях. Однако в первом же селе, когда Циркунов, Ухринчек, начальник артиллерии (солдат-немец) и доктор эшелона (мадьяр Олаф) оставили отряд у колодца на въезде в населенный пункт, а сами пошли разузнать дорогу к Таре, отряд, по уверениям комиссара, от них сбежал: вернувшись через полчаса, руководители дружины никого не застали. Деревенские ночью везти комиссаров не захотели, и те утром наняли подводу, переоделись в крестьянскую одежду и три дня гнались за бойцами, но безуспешно, так как «мадьярский отряд мобилизовывал в деревнях подводы и мчался вперед по 100 верст в день».

⁸⁴⁶ Сибирская жизнь. Томск, 1918. 9 авг. № 81.

⁸⁴⁷ Свободная речь. Семипалатинск, 1918. 17 дек. Цит. по: Булдаков В. П. Красная смута. С. 867.

⁸⁴⁸ Постышев П. П. Гражданская война на Востоке Сибири. С. 19–20.

⁸⁴⁹ Ларьков Н. С. Падение советской власти в Томске в 1918 г. // Октябрь и гражданская война в Сибири. Томск, 1993. С. 129–130.

⁸⁵⁰ Мемуары Г. Л. Лихачёва // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 870. Л. 4.

⁸⁵¹ Хитченгов Г. И. Крушение Центросибири. С. 569, 584.

Потеряв надежду догнать своих, Циркунов и остальные поступили батраками к зажиточным баптистам-субботникам в одном из поселков Татарского уезда. В 30-х годах Циркунова будут обвинять в том, что 8 июня 1918 года при отступлении под Каинском руководители отряда бросили бойцов, не знавших русского языка (венгров и австрийцев), и скрылись, прихватив 62 тыс. рублей из кассы. В 1933 году Циркунов будет винить собственных бойцов, ни словом не упоминая о деньгах и смысле ночного бегства интернационалистов, добровольно лишивших себя командования, кассы и врача; позднее он будет неопределенно рассказывать, как начальство разминулось с дружиной, совсем не упоминая попытку ее догнать и огромную скорость бегства мадьяр⁸⁵². Характерно, что комиссар Циркунов, ставший историком партизанщины, с тех пор ничего не говорил о судьбе своих бойцов, хотя один из них – Илларион Ходорозе – был арестован белыми, бежал, прибил к партизанам, работал чекистом и много лет занимал должности в ряде сибирских городов⁸⁵³.

Некоторые советские работники-коммунисты откровенно трусили вступать в борьбу с наступавшими белыми. В июле 1918 года председатель Тетюхинского совдепа Шарапов и военный комиссар Величко не согласились с В. Е. Сержантом относительно вывоза оружия и ценностей из совета ради создания основы для будущего партизанского сопротивления. Шарапов заявил, что «для этой темной массы не стоит жертвовать своей головой», объясняя свою гибкость тем, что «он большевик, а партия большевиков в борьбе применяет всевозможные методы»⁸⁵⁴.

Откровенно изменнические эпизоды среди представителей первой советской власти не были редкостью. Члены местного совета на станции Топки Томской железной дороги торжественно вышли встречать чехов. В составе красного трибунала города Камня был Иванов, позднее агент контрразведки Колчака, выдавший многих большевиков⁸⁵⁵. Председатель, секретарь и еще один работник совдепа на станции Мамлютка Омской железной дороги перешли на сторону Б. В. Анненкова, захватившего станцию, и даже участвовали в расправе над кассиром Втюриным, ложно представив его бывшим балтийским матросом, лично убившим 17 офицеров⁸⁵⁶. Отряд уголовника-анархиста А. Караева от Каландаришвили перешел к атаману Семёнову. Адьютант руководителя мадьярско-русского отряда Ф. Лаврова Буклин тоже перешел к Семёнову и тем спасся⁸⁵⁷. Красногвардеец А. Я. Терехов, скрывавшийся после белочешского переворота, был мобилизован белыми, выслужил чин прапорщика и стал одним из палачей в комендантской команде барона Р. Унгерна⁸⁵⁸.

Заметны и чекисты-оборотни, работавшие на белых, а затем превратившиеся в партизанских вожakov. Предвидя падение красных, член СибЧК К. Т. Лагошный в июне 1918 года вручил поддельное удостоверение личности беглому поручику Фокину со словами: «Скоро Советы совсем слетят, тогда выручайте меня»; также он не воспользовался откровенными показаниями арестованного реального заговорщика – полковника Б. П. Иванова⁸⁵⁹.

⁸⁵² ГАНО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3710 (персональное дело Ю. Г. Циркунова, 1936–1937). Л. 68–76; Д. 3711. Л. 2 об.

⁸⁵³ Государственный архив Алтайского края [далее – ГААК]. Ф. П-92. Оп. 2. Д. 5. Л. 23, 24. Во многих источниках Ходорозе фигурирует как Ходорадзе.

⁸⁵⁴ Воспоминания о Гражданской войне в Приморье. Стенограмма речи [В. Е. Сержанта] на собрании владивостокских партизан и красногвардейцев, 1932 год // Известия Восточного института. 2014. № 2. С. 103.

⁸⁵⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1073. Л. 8.

⁸⁵⁶ Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.): Сб. документов / Сост. и ред. В. И. Шишкин. 2-е изд. Новосибирск, 2015. С. 88.

⁸⁵⁷ РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 43. Л. 22.

⁸⁵⁸ Там же. Ф. 221. Оп. 2. Д. 33. Л. 30–36.

⁸⁵⁹ Пойманный вместе с И. С. Постоловским Лагошный отделался двухмесячным заключением, после чего был отправлен в ссылку (но позднее уверял, что бежал из тюрьмы). Затем организовал партизанский отряд в Кустанайском уезде, работал на крупных должностях в Военном контроле Верхнеудинска и милиции. Хунхенов Г. И. Крушение Центросибири. С. 41–42, 120.

Унтер-офицер Иркутского гарнизона И. М. Новокшенов в декабре 1917 года участвовал в подавлении юнкерского восстания и якобы получил ранение. С июля по октябрь 1918-го он сидел в Иркутской тюрьме за причастность к большевизму, но, написав покаянное письмо, был освобожден и в течение года скрывался от белых властей. На деле же воинскую службу в Иркутске Новокшенов покинул в декабре 1917 года, не желая «быть красногвардейцем». Служил в артистах, а в мае 1918-го поступил на место конторщика в СибЧК. И всего через шесть дней попал в тюрьму за «составление подложного ордера, а также за выдачу опия его хозяину». Однако уже 14 июня был выпущен белыми, на время захватившими тюрьму, после чего вступил в ряды офицерского подполья. Опираясь на краткое знакомство с Н. Каландаришвили, бывший чекист закрутил интригу с попыткой освободить знакомого и после бегства красных из Иркутска оказался по недоразумению арестован победителями.

Пытаясь оправдаться, он рассказывал, как планировал отравить комиссаров стрихнином, а с трех убитых красногвардейцев «снял» – с несколькими соратниками по подпольной организации – 182 рубля. В октябре 1918 года Новокшенова освободили после стандартной трехмесячной отсидки. Как он провел следующий год, неизвестно, но обида на белых и чутье авантюриста подсказали ему в нужный момент снова перейти к красным и в окрестностях станции Зима Иркутской губернии собрать повстанческий отряд⁸⁶⁰. Состоявший примерно из 100 крестьян, уклонившихся от мобилизации, отряд этот избегал встреч с регулярными войсками и военных акций не совершал⁸⁶¹. Затем Новокшенова ждали военная, чекистская и литературная карьеры.

В. Г. Задерновский в 1918–1919 годах служил в армии Г. М. Семёнова прапорщиком и примкнул к подполью. Но, по версии экс-работника КГБ, документы этого ведомства говорят о том, что прапорщик Задерновский и два его брата участвовали в качестве работников контрразведки в аресте Ф. Н. Мухина. Внедрение Задерновского в среду партизан как члена хабаровского и благовещенского подполья опиралось на умелую легенду прикрытия и слабую конспирацию повстанцев. Он также завербовал арестованного соратника Мухина П. И. Гриднева, спас его от расстрела и поддерживал с ним связь после войны, обеспечивая себе алиби⁸⁶². Задерновский стал видным амурским партизаном: в феврале 1920 года его отряд занял город Свободный. Затем были служба в Госполитохране, тюрьма за какие-то злоупотребления и номенклатурная карьера среднего уровня⁸⁶³.

Ответом на поражения, панические слухи о надуманных (а иногда и реальных) изменах руководства было повальное дезертирство. Один из партизан отряда М. Х. Перевалова вспоминал, как отступавший к Ачинску красный отряд добрался до Боготола, где «наши доблестные воины... иркутские и др. красногвардейцы, изрядно подвыпив, забирая сумки через плечи, стали покидать эшелон и разбредаться кто куда»⁸⁶⁴. Советский мемуарист кратко отметил, что при отступлении к Чите «в Красной гвардии дисциплины уже почти не существовало»; а дойдя до Амурской области и узнав, что белые вот-вот сомкнут кольцо окружения, руководство остатками красных войск решило всех «предоставить судьбе, каждый сам [по] себе[,] и спасаться, кто как может»⁸⁶⁵. Владивостокский исполком незадолго до своего падения раздал много оружия и патронов жителям наиболее революционно настроенных окрестных сел⁸⁶⁶.

⁸⁶⁰ Там же. С. 125–130.

⁸⁶¹ Иванов Н. Т., Портнягин П. В. Гражданская война в Восточной Сибири. Иркутск, 1999. С. 49; Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. С. 148.

⁸⁶² Показаньев А. Д. На крутых поворотах: очерки из истории спецслужб на Амуре. Благовещенск, 2007. С. 40, 48–49.

⁸⁶³ Тепляков А. Г. Красные партизаны Дальнего Востока // Вожаки и лидеры Смуты. С. 481.

⁸⁶⁴ Воспоминания Н. Евдокимова (1921 г.) // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 881. Л. 13.

⁸⁶⁵ Фролов. Мои воспоминания о революционной деятельности в Сибири // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1263. Л. 22.

⁸⁶⁶ Ильюхов Н., Титов М. Партизанское движение в Приморье [так в источнике. – Прим. ред.]. Л., 1928. С. 15–16.

В ответ на грабежи, убийства, взятие заложников и прочее насилие активные противники большевиков во многих районах при первой же возможности безжалостно уничтожали красногвардейцев. Так, зажиточные алтайские крестьяне-староверы буквально охотились за разбежавшимися отрядниками П. Ф. Сухова, поскольку в народе ходили небезосновательные слухи о богатых трофеях, захваченных ими. Впрочем, староверы легко могли убить пленников (воспринимавшихся как чужаки-нехристи из-за обилия венгров, не говоривших по-русски) и из-за одного лишь обмундирования. В 1922 году чекисты расследовали донос М. Прудникова, коммуниста из крупного села Солонешное, на его же односельчанина, П. Бессонова: якобы тот летом 1918 года участвовал в карательной экспедиции белых, в ходе которой в Солонешном были расстреляны 19 пленных из отряда Сухова. Бессонов, однако, сумел доказать, что суховцев расстреляли сами жители села еще до прихода белых⁸⁶⁷.

В селах Улала и Алтайское тогда же уничтожали отрядников известного В. И. Плетнёва, широко практиковавших мародерство⁸⁶⁸. Подъесаул А. В. Катанаев в августе 1918 года велел Черно-Ануйской волостной земской управе оповестить ближайшие села, деревни и хутора, что разбитые красные «продолжают небольшими группами шлаться в горах и лесах», в связи с чем он приказывает «самим крестьянам ловить этих разбежавшихся и расстреливать их на месте, т[ак] к[ак] известно, что эти люди... разбойники и грабители». Данный документ был разослан во многие земские управы Алтайской губернии⁸⁶⁹ и сыграл свою роль в народных расправах над пленниками.

В других регионах Сибири отношение к красногвардейцам было сходным. В Троицком и Кустанайском уездах на «отдельных красногвардейцев, явившихся домой после поражения под Троицком и роспуска Кустанайских отрядов, устраивали форменные охоты. Их убивали, арестовывали... Причины такого отношения заключались в том, что „в красной гвардии одни босяки и грабители“, а в совете – те, „кто сами туда залезли“, виновники твердых цен, отмены вольной торговли, [виновники] контрибуций и конфискаций»⁸⁷⁰. Рядовой отрядник вспоминал, что крестьяне усердно отлавливали красногвардейцев на пути из Енисейска к Красноярску, а в деревне Маклаково четверых повесили. Самого будущего мемуариста арестовали в Красноярске, но потом милосердно выгнали из тюрьмы как «молокососа»⁸⁷¹. Крестьяне Балахтинской волости Ачинского уезда выследили большую группу большевиков и красногвардейцев, скрывавшихся на Юдинском винокуренном заводе, и устроили над ними самосуд⁸⁷².

После поражения Красной гвардии под Верхнеудинском «...кулаки, семейские религиозные фанатики, казаки охотились за находящимися вне закона красными. Ловили и убивали их в одиночку, пользовались их одеждой, деньгами»⁸⁷³. Эти жалобы уцелевших партизан подтверждала пресса, сообщавшая, что в забайкальской тайге процветает настоящая охота на людей: местные жители ловят и убивают разбежавшихся красных в обоснованной надежде найти у них деньги и ценности⁸⁷⁴. Осенью 1918 года в селах под Троицкосавском крестьяне продолжали охоту за разбежавшимися по тайге большевиками, поскольку это «выгодное материальное дело». В Туруханске крестьяне-промысловики «с оттенком гордости рассказывали, как

⁸⁶⁷ Кладова Н. В. К вопросу о влиянии гражданской войны на массовое политическое поведение // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998. С. 221.

⁸⁶⁸ Кокоулин В. Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма». С. 204.

⁸⁶⁹ Шнейбор-Уткин. Людоедство // Сибирская жизнь. Томск, 1919. 5 янв. № 1.

⁸⁷⁰ Грушин И. Борьба с колчаковщиной в Кустанае // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 169.

⁸⁷¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1587. Л. 2.

⁸⁷² Шекшеев А. П. Уголовная стихия на Енисее. С. 102.

⁸⁷³ Паладимов П. Выучка кровью // Партизаны. Чита, 1929. С. 68.

⁸⁷⁴ Сибирская жизнь. Томск, 1919. 5 янв. № 1.

бежала „коммуния“, как ловили их, били, сколько забрали добычи»⁸⁷⁵. Так, по существу, возродился давний сибирский промысел – охота за бродягами-«горбачами».

Судьбу отряда Сухова повторили крупные соединения красновардейцев в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке: отряд Каландаришвили и Амурский партизанский отряд. В городе Зее Амурской области многочисленные золотопромышленники осенью и зимой 1918/19 года «организовали из своей молодежи конные карательные отряды по вылавливанию советских работников и красновардейцев»; в обмен на вознаграждение охотились за большевиками и кочевые следопыты-манегры⁸⁷⁶. На Дальнем Востоке истребительные атаки местных казаков на партизан из числа красновардейцев имели место и в 1919 году. Так, в мае того года Амурский партизанский отряд из 640 бойцов под натиском японцев двинулся в 1400-километровый поход к Охотску. К 10 октября в окрестности Охотска, который контролировался белыми, вышли жалкие остатки отряда в лице 24 полумертвецов, «голодных и озверевших», остальные погибли в двух боях с уссурийским казачеством, а также от тифа и цинги. В этом трагическом походе Амурского отряда тяжелобольные предпочитали кончать с собой, чтобы не быть обузой⁸⁷⁷.

(Невозможность излечения тяжелораненых и больных нередко приводила к их добиванию товарищами, что практиковалось во всех отрядах. Возражая на слова Д. И. Бойко-Павлова о вынужденном избавлении от тех, кто становился обузой, М. Е. Попко, воевавший вместе с ним на Дальнем Востоке, вспоминал: «Мы застрелили Дробыша не потому, что он был помехой, а потому[,] что в дальнейшем ему предстояли явные мучения, а у нас никакой медицинской помощи не было. Мы застрелили его из сострадания к нему...»⁸⁷⁸ Н. В. Буинцев записал слова своего командира, Шевелёва-Лубкова, об одном из членов отряда: «...Если ранен настолько сильно, что не выживет, то придется, товарищи, пристрелить его, чтобы не мучился он напрасно...»⁸⁷⁹)

Отметим, что вышеописанными «охотами» на побежденных сопровождалась победа над красными не только в Сибири и на Дальнем Востоке. Уральский «Ирбитский вестник» сообщал, что «...крестьянами с[ела] Белослудского расстреляны 11 наиболее видных местных деятелей и сторонников советской власти...». Согласно другому выпуску газеты, «...по сообщениям крестьян из дер[евни] Чувашевой, Ницинской волости, перешло в Красную армию около 50 человек. Больше 30 из них уже расстреляно, человек 15 скрываются в лесах Ницинского бора»⁸⁸⁰. В ходе Ижевско-Воткинского восстания осенью 1918 года в Прикамье повстанцы старательно охотились за большевиками, бежавшими с награбленным добром, и с удовольствием «восстанавливали справедливость». О корыстной мести красным той осенью, в октябре, писала газета «Ижевский защитник», корреспондент которой целиком одобрял расправы: «Фронтвики народ все смелый, веселый. С самого начала начали они шнырять по лесу да по деревням. В лесу они ловили красноармейцев и большевиков. „Это повыгоднее охоты: у каждого красноармейца и большевика груды денег“, – смеялись они»⁸⁸¹.

Преследования со стороны белых и враждебное отношение огромной части населения вынуждали представителей экстремистских партий действовать в подполье. Один из партизан

⁸⁷⁵ Амурское эхо. Благовещенск, 1918. 6 нояб. № 882. С. 1; Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 384.

⁸⁷⁶ Кошелев Ф. На Зее // Таежные походы / Ред.-сост. Г. С. Чечулина. Хабаровск, 1972. С. 321, 322. Манегры – одна из групп эвенков.

⁸⁷⁷ Мемуары М. Громова // РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 294. Л. 160.

⁸⁷⁸ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 294. Л. 102.

⁸⁷⁹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1186. Л. 49. Аналогичная коллизия описана А. А. Фадеевым в «Разгроме».

⁸⁸⁰ Вебер М. И. Эсер на службе у Колчака: управляющий Ирбитским уездом в 1918–1919 гг. М. А. Ахмакин // Россия XXI. 2013. № 5. С. 141, 134–161.

⁸⁸¹ Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М., 2007. С. 209.

Томской губернии писал, что летом 1918 года скрываться было нетрудно, так как «белогвардейщина еще недостаточно окрепла, чтобы преследовать, у мужиков пыл уже остыл, чтобы избивать...» и они могли «только предавать»⁸⁸². В. П. Шевелёв-Лубков жаловался: «Население, ослепленное красноречием своих врагов, приняло участие в ловле бегущих из городов красногвардейцев, разоружало их, нередко происходили безобразные расправы...»⁸⁸³ Политкомиссар 1-й Томской партизанской дивизии П. Ф. Федорев в 1920 году пояснял, что во второй половине 1918 года повстанцам «за отсутствием организованности, оружия, [из-за] несочувственного отношения крестьян... приходилось только скрываться в тайге»⁸⁸⁴.

Ситуация на Дальнем Востоке выглядела аналогично: один из видных партизан Приморья писал, что сельские жители были настроены враждебно ко всем, кого подозревали в большевизме, и, случалось, «задерживали их и предавали в руки белогвардейских властей»⁸⁸⁵. То, что повстанцы стремились вернуть советские порядки, проводили широкие и бесцеремонные реквизиции, крайняя жестокость партизан, отрицание религии, наличие среди них массы чуждых населению иностранцев и криминального элемента вызывали отторжение со стороны основной части общества.

Несмотря на физическую ликвидацию многих красногвардейцев, основная их часть, включая лидеров, разбрелась по деревням, укрылась в городах и была готова при наступлении благоприятных условий выступить против белых. И такие условия не замедлили. Наблюдавшие положение дел в колчаковской Сибири не могли понять, почему сытые местные крестьяне бунтуют так же яростно, как и дочиста ограбленные мужики подсоветских центральных губерний, воюющие с разорителями-большевиками⁸⁸⁶. Ускорявшиеся под влиянием войны и революции перемены в порядке бытия несли разрушение основам привычной крестьянской жизни, в ответ на что рождалась слепая и крайне агрессивная погромная реакция. Один из философов отмечал, что «быстрота, с которой все меняется, энергия и напор, с которым все совершается, угнетают людей архаического склада», наблюдающих разлад их неторопливого жизненного ритма с ритмом эпохи⁸⁸⁷. Причины всеобщего выброса «немотивированного» насилия, войны всех против всех исследователи видят в неприятии сельским миром «всей той чужой культуры, которая несла в... традиционалистский жизненный уклад катастрофический разлад»⁸⁸⁸. Произшедшие сразу после ликвидации белой государственности массовые крестьянские выступления уже против коммунистической власти, сопровождавшиеся откровенно садистскими расправами над большевиками (и их семьями), а также над продотрядовцами, подкрепляют эту точку зрения – быстрота перемен была нестерпимой и рождала насильственный и слепой в своей ярости ответ.

Русский крестьянин традиционно был удален от власти, от цивилизации, от закона. Он знал только свой патриархальный локальный мирок и болезненно переживал новации, шедшие из большого мира. Русские города, возникавшие как военно-феодалные административные центры, традиционно строили отношения с селом на принципах внеэкономического принуждения и неэквивалентного обмена. И точно так же российская деревня, будучи самодостаточным организмом, традиционно не принимала государства с его требованиями. Приспосабли-

⁸⁸² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1187. Л. 17.

⁸⁸³ Ищенко Н. А., Опарина Л. В. Василий Шевелёв-Лубков – георгиевский кавалер, партизанский командарм. С. 18.

⁸⁸⁴ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 4. Д. 322. Л. 68–71 об.

⁸⁸⁵ Безсонов [И. С.] Борьба за Советы в Приморье // Дальстпарт: Сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Владивосток, 1924. Кн. 2. С. 118–120.

⁸⁸⁶ Управляющий Тюкалинским уездом в сентябре 1919 года недоумевал, почему от призыва в армию бежали даже богатые крестьяне, а также те, кому служба вовсе не грозила («не подлежащие призыву, явные калеки»). См.: Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 3. С. 77.

⁸⁸⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 53.

⁸⁸⁸ Булдаков В. П. Красная смута. С. 218.

ваясь к окружающей среде, крестьяне стремились избавиться от внешних помех: помещичьих имений и столыпинских хуторов, государственных и земских налогов и повинностей, вообще от всего, что шло из города, включая и многие агротехнические новшества. Организованные в косную общину, знавшие законы лишь традиционного права, крестьяне верили, что могут обойтись без выплаты налогов, без чиновников, без милиции. Лишь самые активные из сельских жителей стремились вырваться в более привлекательную городскую среду, причем, превратившись в горожан, вчерашние крестьяне становились ненавистниками прежнего образа жизни⁸⁸⁹, надолго сохраняя при этом основные черты крестьянской психологии.

В целом город в глазах деревни был и долгое время оставался средоточием враждебной власти чуждых людей, откуда шли тягостные для сельской вольницы распоряжения, подкрепленные военной силой. Петроградец К. Чуковский весной 1919 года привел в дневнике слова М. Горького: «...деревня питает животную ненависть к городу...»⁸⁹⁰ Он же записал рассказ знакомой женщины, которая в 1918 году ехала в теплушке с красногвардейцами, которые подвергли попутчиц сортировке, осведомляясь, умеют ли те печь блины. Тех, кто не умел, «выкинули с поезда на ходу», заявляя: «Нам барынь не нужно»⁸⁹¹.

Можно согласиться с диагнозом В. П. Булдакова: «В сущности, все новейшие беды России связаны с тем, что к началу XX века ее социокультурное распадение на „город“ и „деревню“ стало болезненно заметным на бытовом уровне, а война усилила персональную остроту этого ощущения. Галопирующая маргинализация (выпадение из без того разрушающихся сословных границ традиционных социумов) довершила дело»⁸⁹². Революционное неистовство оказалось прямо связано с некоторыми элементами российской ментальности, порожденными экстремальными условиями развития нации, – со страстностью, максимализмом, анархичностью, расслабленностью, безоглядной жестокостью.

«Русский народ, – утверждал Н. А. Бердяев, – с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархистски-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный принять страдание и до болезненности сострадательный». Выдающийся историк А. А. Зимин записал в своем дневнике, что зверство и человеколюбие сочетаются в русской народной культуре как два присущих ей природных качества⁸⁹³. Философ и поэт Вяч. Иванов обмолвился, что народ-богоносец имел черты и «сатаноносца»⁸⁹⁴.

Другой мыслитель так писал о русском бунте, выделяя именно повстанчество в Сибири: «К 1917 году народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои. Интеллигенция может считать его своим – по недоразумению. Ее „идеи“... для народа пустой звук. Более того, [это] предмет ненависти, как книга, шляпа (бей шляпу!), иностранная речь, как все, что разделяет, подчеркивает классовое расстояние... В 1917 году народ максимально беспочвен, но и максимально безыдеен. Отсюда разинский разгул его стихии, особенно жестокий там, где он не сдерживается революционной диктатурой, – в Сибирской партизанщине»⁸⁹⁵.

⁸⁸⁹ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Тамбов, 2007. С. 4.

⁸⁹⁰ Чуковский К. И. Дневник. М., 1991. Т. 1: 1901–1929. С. 106.

⁸⁹¹ Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М., 2013. Т. 13: Дневник (1936–1969). С. 33–34.

⁸⁹² Булдаков В. П. Первая мировая война и коллизии российских культурных иерархий, 1914–1916. (К постановке проблемы) // Вестник Тверского государственного университета. 2012. Вып. 5. С. 8.

⁸⁹³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 15; Зимин А. А. О книгах, театре, кино и прочем (из архивного наследия) // Отечественная история. 2002. № 1. С. 12.

⁸⁹⁴ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 16.

⁸⁹⁵ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 441.

То, что крестьянская Сибирь, в отличие от города, как следует не распробовала большевистской политики, вскоре болезненно отозвалось на репутации белых режимов. Когда Временное Сибирское правительство и сменившее его Всероссийское правительство адмирала А. В. Колчака начали обременять сибиряков налогами, натуральными повинностями и мобилизациями в армию, притом будучи не в силах справиться с собственной милицией и атаманщиной, это стало вызывать сильное недовольство. У Г. Х. Эйхе и Д. Г. Симонова показано, что первая, проведенная летом и осенью 1918 года мобилизация в Сибирскую армию прошла достаточно успешно и увеличила численность последней более чем вчетверо – с 41 до примерно 175 тыс. человек, охватив 75% подлежащих призыву⁸⁹⁶. Но в следующем году Колчак был вынужден пополнять армию уже в значительной мере насильственным образом. Так, летом 1919 года в Амурской области из 2860 подлежащих призыву явилось 439 человек, причем ряд волостей не дал ни одного солдата⁸⁹⁷.

Быстрая привычка к безначалию принесла свои разрушительные плоды. Крестьянские движения в Сибирском регионе «начинались столкновениями с властями на почве, далекой от всякой революции», принимая, соответственно, «характер не столько революционный, сколько анархистски-бунтарский, даже просто погромный». Крестьянство нередко «вообще отказывалось признавать какие бы то ни было... виды обязательного отбывания общественных повинностей»⁸⁹⁸. Уже весной 1917 года мужики по всей России бросились делить леса и свободные земли, реализуя «свое древнейшее право на „заимку“ – захват любого участка необработанной земли, сохранившееся в виде одной из основных мифологем в социальной памяти народа»⁸⁹⁹. При этом активно проявлялись иждивенческие настроения: в октябре 1917 года съезд русских крестьян Урянхая (Тувы; отметим: крестьян весьма зажиточных), в частности, постановил, что все население России «в видах поднятия сельского хозяйства необходимыми сельскохозяйственными орудиями снабжается бесплатно за счет государства»⁹⁰⁰.

Распространению общественного равнодушия и одновременно насилия способствовало массовое пьянство, охватившее прежде всего деревню, мужика, который, по выражению С. Есенина, «захлебнулся лихой самогонкой». Пьянство в деревне приняло «невероятный размах», серьезно усиливая общую криминализацию. Так, в Кургане в январе 1919 года «громадный процент», как отмечала пресса, заведенных следственных производств дали дела о самогонноварении и убийствах⁹⁰¹. В селах Петропавловского уезда во время Масленичной недели 1919 года произошли десятки пьяных драк, сопровождавшихся увечьями и убийствами⁹⁰². В том же году начальник Барнаульской уездной милиции сообщал алтайскому губернскому комиссару, что в уезде нет деревни, где 90% жителей «не залились» бы. Современник вспоминал, что в Енисейской губернии «самогонноварение достигло невероятных размеров – гнали в банях, печках и просто во дворах, в тайге. В самогонном угаре устраивали резню, самосуды...»⁹⁰³. В городах же, помимо увеличения пьянства, резко возросло потребление наркотиков.

Пресса с тревогой отмечала огромный рост преступности, слабость милиции, повсеместные проявления невиданного ранее дикого хулиганства и вандализма – наряду с апатией и

⁸⁹⁶ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. С. 140; Симонов Д. Г. Призыв новобранцев в войска Временного Сибирского правительства летом–осенью 1918 г. // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. научных статей. Новосибирск, 2010. С. 62, 68.

⁸⁹⁷ Дальневосточное обозрение. Владивосток, 1919. 9 авг. № 124.

⁸⁹⁸ Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Пг., 1923. С. 29.

⁸⁹⁹ Сухова О. А. Психология «революционного чина»: К вопросу о мотивации поведения российского крестьянства в годы революции и гражданской войны в России (по материалам Среднего Поволжья) // Падение империи, революция и гражданская война в России. С. 217.

⁹⁰⁰ Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири. С. 269.

⁹⁰¹ Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. С. 44, 80.

⁹⁰² Курьшиев И. В. Региональная печать в Северном и Восточном Казахстане в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 151, 150.

⁹⁰³ Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 31.

склонностью к бездумным увеселениям⁹⁰⁴. В августе 1918 года, вскоре после бегства большевиков, население двух волостей Каинского уезда не желало признавать ни советы, ни земства, а крестьяне Таскаевской волости категорически отказались платить сборы – под предлогом отсутствия «хозяина земли русской»⁹⁰⁵. В конце 1918 года журналист из города Зайсана Семипалатинской области цитировал мнение одного из видных сельских выборных, что население отказывается платить подати, «пока не будет президента или... царя», так как «правительство теперь – временное»⁹⁰⁶. Говоря о равнодушии села к текущей политике, авторитетная «Сибирская речь» 10 сентября того же года констатировала: «Для деревни все безразлично... Областная дума, Учредительное Собрание – для деревни пустой звук. Только сила и сила будет иметь авторитет для деревни».

В газетах писали, что «...обществом продолжает владеть массовый психоз безверья в возрождение Родины и ужасающая апатия, перед которыми меркнут самые тяжелые дни русской истории»⁹⁰⁷. Р. Гайда негодовал на то, что в Казани, где было, по его оценке, 250 тыс. населения⁹⁰⁸ и 4 тыс. русских офицеров, вместо ожидавшихся 15 тыс. добровольцев явилось лишь около 300 офицеров. Когда под городом обессилившие чешские части отбивали атаки большевиков, «...сливки казанского общества устроили грандиозные конские состязания!»⁹⁰⁹ (Казань вскоре была отбита красными). Один из легионеров после захвата уральского Кунгура записал о реакции горожан: «Зверство большевиков все вокруг ругали, но на фронт идти никто не хотел. Ждали, что большевиков уничтожат чехословацкие легионеры»⁹¹⁰. О пассивности населения, его позиции «Чума на оба ваши дома!» писали все наблюдатели – от П. Б. Струве до Ю. О. Мартова⁹¹¹.

Трезвые сентенции не пользовались авторитетом, хотя кое-кто начинал прозревать. Осенью 1919 года известный эсер, член Учредительного собрания, Е. Е. Колосов на одном из заседаний Сибирской облдумы самокритично заметил, что эсеры «думали шагнуть к светлым идеалам будущего через труп родины»⁹¹². Впрочем, это не помешало ему в то же время согласиться с идеей вооруженного сопротивления правительству Колчака.

Уже в первые месяцы существования белой власти по Сибири прокатился ряд крупных восстаний. А телеграмма курганского уездного комиссара в МВД от 5 августа 1918 года гласила: «Настроение крестьян в районах расположения частновладельческих земель крайне враждебное. Опять начинаются захваты частновладельческого скота, изгнание владельцев заимок и поджоги последних, устраиваются волостные солдатские собрания, которые выносят резолюции не давать солдат в случае мобилизации... отказываются платить сборы...» Министр земледелия и колонизации 5 сентября 1918 года отмечал, что в Омском, Петропавловском и других уездах истребление лесов и самовольные захваты земель приняли систематический характер⁹¹³.

В селах и аулах Казахстана к концу того же года отмечались теракты в отношении милиции и одиночных казаков, поджоги «кулацких и байских» имений и зимовок, массовые угоны

⁹⁰⁴ Курьшиев И. В. Региональная печать в Северном и Восточном Казахстане. С. 151.

⁹⁰⁵ Барабинская степь. Каинск, 1918. 27 авг.

⁹⁰⁶ Курьшиев И. В. Региональная печать в Северном и Восточном Казахстане. С. 149.

⁹⁰⁷ Ушаков Л. О Русском человеке // Правительственный вестник. Омск, 1918. 24 нояб. № 6. С. 2.

⁹⁰⁸ В 1917 году в Казани жило 207 тыс. человек, в 1920-м – 147 тыс.

⁹⁰⁹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524. Л. 179. В начале января 1918 года «Отдел записи в Добровольческую армию» доносил Л. Г. Корнилову, что в Ростове-на-Дону проживает 16 тыс. офицеров, в армию же записалось не более 300 из них (см.: Басханов М. Генерал Лавр Корнилов. Лондон, 2000. С. 511).

⁹¹⁰ Klempa I. Moje skúsenosti za svetovej vojny. S. 112.

⁹¹¹ Пайнс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 164.

⁹¹² Сибирская жизнь. Томск, 1919. 24 окт. № 225. С. 2.

⁹¹³ Северянин. Тобольск, 1927. 15 июля. № 75; Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная. С. 321.

скота и лошадей⁹¹⁴. Милиция Змеиногорского уезда с ноября 1918 года разыскивала нескольких крестьян волостного села Ново-Шульбинского, главарей восстания против мобилизации, которые, скрываясь по заимкам, выдавали себя «за военную экспедицию, командированную за сбором военного налога». Угрожая оружием, они собирали с казахов «военный налог» и раздали расписки о получении около 2 тыс. рублей. В январе под селом Бородулиха вымогатели были арестованы: 18-летний дезертир Барабинского полка Д. С. Митрофанов, А. Пикалов, Ф. и Л. Симененко, причем четвертый – Е. Симененко – был убит при бегстве во время ареста. У них нашли протокол заседания «организации большевиков», санкционировавшей создание отряда для налетов из 10 человек во главе с Митрофановым под именем поручика Липсинского. У всех были подложные удостоверения на фамилии Шевченко, Долгий, Юрченко, бланки, а также «постановление» о взыскании с казахов контрибуции в размере 11 442 рублей. Также этой шайкой в селе Ботпаевском был убит старший милиционер Фонберг⁹¹⁵.

Мариинский уездный комиссар 25 ноября 1918 года сообщал в Томск, что в Рубинской и Сандайской волостях «некоторыми обществами выносятся приговоры о непризнании Временного правительства, о нежелании платить подати, об укрывательстве дезертиров. Население на руках имеет оружие. Возможно восстание... <...> Взыскания идут туго. В селах укрываются дезертиры»⁹¹⁶. В конце года в МВД отмечали, что во всех 227 волостях Томской губернии население крайне апатично относится как к вопросам государственного и местного, земского строительства, так и к войне с большевиками: «Процесс выздоровления масс от большевистского угара еще далеко не закончился»⁹¹⁷.

Тенденция враждебного отношения к власти неуклонно нарастала по всему региону. В ноябре 1918 года министр земледелия Временного Всероссийского правительства Н. И. Петров писал в Омск:

Политические настроения... проявляются неизменно в уродливых формах. После диких самосудов, ставших бытовым явлением, жизнь выдвинула новое извращение идеи сильной власти, которое заключается в том, что воинские отряды, командируемые для борьбы с большевиками, стали орудием в руках борющихся друг с другом местных партий: в одних селениях по указаниям кооператоров подвергаются порке частные торговцы, в других эти последние направляют солдатскую нагайку на кооператоров, в одном селе порют сторонников Земства, в другом его противников и т. д., чаще же всего жители сводят, с помощью приезжих солдат, личные счеты.

...Сама народная масса, неправильно понявшая лозунги свободного режима, теряется перед анархическими элементами[,] и дело дошло до того, что «в деревнях никто никого не слушается». Больше всего угрожают общественному порядку и безопасности неприписные безземельные крестьяне, силой добивающиеся положения[,] равного с приписным[,] наделенным землей населением. Запуганная анархией серьезная часть крестьянства, не видя систематической поддержки со стороны государства[,] не решается взять на себя бремя местного управления: заинтересованные в порядке люди боятся занять выборные должности, сход молчит перед хулиганами⁹¹⁸, так как никто не смеет поднять голос из опасения быть избитым

⁹¹⁴ Ужгин С., Фролов Н. Партизанское движение против Колчака. Алма-Ата, 1957. С. 42.

⁹¹⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1254. Л. 1, 41.

⁹¹⁶ Борьба за власть Советов в Томской губернии. С. 388.

⁹¹⁷ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 3. С. 175.

⁹¹⁸ В августе 1919 года министр внутренних дел В. Н. Пепеляев высказался в том духе, что пять хулиганов могут терроризировать весь уезд. См.: Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск, 2012. С. 202.

или разоренным... Наделенные землей крестьяне непрерывно подают жалобы на то[,] что пришлое безземельное население не позволяет им спокойно пользоваться отведенными наделами и т. д. и т. д.⁹¹⁹

Быстрое разочарование в белых подпитывало экстремизм низов. Как сообщала в сентябре 1919 года авторитетная томская газета «Сибирская жизнь» (№ 188), «большинство населения ждет большевиков, полагая, что они скоро явятся и наладят порядок, не будут взыскивать податей, не будут брать солдат; леса и земли с их недрами будут свободны и все будет дешево». Колчаковский премьер П. В. Вологодский осенью 1919 года записал мнение своего знакомого, приехавшего из Славгородского уезда: «Особого тяготения к советской власти нет, но хотят своей власти, крестьянской, в особенности все настроены против засилия военщины и против правительственных агентов на местах»⁹²⁰.

Современники высказывали сходные мнения о причинах популярности большевиков. Управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий сообщал в Департамент милиции МВД: «Даже у зажиточного населения о большевиках осталось представление, как о власти, не требующей податей, не преследующей самогонку, не берущей солдат»⁹²¹. Управляющий Алтайской губернией А. А. Стрельман в августе 1919 года в послании министру внутренних дел констатировал:

К сожалению, благодаря темноте среди крестьянства есть много лиц, ожидающих от большевизма великих милостей, а главное, наживы. Будучи по натуре крепким хозяином, сибирский крестьянин чужд, конечно, идеям большевизма, но худшие элементы не прочь нажиться каким угодно способом. Не веря в прочность большевизма, эти алчные элементы жаждут поживиться, пока побудет большевизм, который является для сибиряка в том виде, в каком он его испытал в начале 1918 года, когда налоги не платили, ямщину не гоняли, самогонка и самосуды вошли в обычай, а начать массовые реквизиции и отобрание у зажиточных имущества Совдепы еще не успели, почему и население не познакомилось, как в европейской России, с большевизмом в деревне.

<...> Совдеп же представляется как отмена властей, земства, податей, обязательной службы, повинностей и возможности... пограбить «богатый» город, а это почва, на которой объединяются все худшие элементы деревни, нередко даже зажиточные мужики участвуют в грабежах... Создают оппозиционное настроение нередко явно незакономерные действия посылаемых против банд отрядов, которые обращают главное внимание на карательные действия в отношении населения, а не на окружение и ликвидацию банд, таким образом часто совершенно мирное население терпит ущерб, а банды все не ликвидируются, на что ропщет население, отягчаемое и отрядами и обираемое бандами...⁹²²

Быстрый рост цен и расцвет спекуляции, достаточно жесткая борьба с самогонщиками, нехватка денежных знаков мелкого достоинства, вызывавшая расстройство торговли, усиливали в 1919 году распространение общего раздражения по поводу больших земских налогов, повинностей и призыва в армию, особенно в сибирской деревне. Решительно взимая налоги и

---

⁹¹⁹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 16. Л. 48–48 об.

⁹²⁰ *Вологодский П. В.* Во власти и в изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 197–198.

⁹²¹ *Кузнецов Н. А.* Морские стрелки против красных партизан (зима 1918/1919 года): Отдельная бригада морских стрелков в подавлении восстаний в Енисейской губернии // Доклады Академии военных наук. Саратов, 2009. № 3 (38). С. 161.

⁹²² Партизанское и повстанческое движение в Причумышье. С. 65–66.

недоимки и получив от поземельных сборов всего лишь 1–3% бюджетных средств, «государство возбудило против себя недовольство многомиллионной массы крестьянства»⁹²³. Характерен рассказ одного из алтайских партизан о том, как летом 1919 года с крестьян его села «... потребовали по́дать, но никто не хотел платить, несмотря на то, что деньги были у каждого приготовлены. Пообещалась приехать дружина, но по́дать все же не платим»⁹²⁴.

Особенный гнев населения вызывали нередкие бесчинства колчаковской милиции, состоявшей в значительной мере из бывших фронтовиков, часто пьяных, буйных и практиковавших в отношении сельчан как порки (в том числе массовые), так и мародерство и взяточничество. В селе Пешерка в декабре 1918 года милиция 2-го участка Барнаульского уезда выпорола 19 крестьян; на взятки для освобождения арестованных было собрано 5400 рублей, причем номера кредиток оказались переписаны, что позволило провести расследование⁹²⁵. В Приамурье 70% перлюстрированной почтовой корреспонденции в 1919 году составляли письма и телеграммы о спекуляции, которую считали главным злом, разрушавшим тыл. Из писем, перехваченных цензурой, было видно, что крестьяне равнодушны ко всему, кроме своего хозяйства, они «не согласны ни с большевиками, ни с Омским правительством, а только хотят, дабы их никто не трогал, в солдаты не брал, подати не платить, а жили бы вольно, а кто правит – все равно»⁹²⁶.

Сельские жители требовали либо оставить их в покое, либо решить все проблемы немедленно. Военные поражения белых вызывали у многих откровенное злорадство и симпатию к Красной армии. Между тем элита вела себя так, будто времени на разгром красных вполне достаточно: пока «...обессиленные белогвардейские низы вели отчаянные боевые действия, военные и штатские верхи „сореживались только в тостях, восхваляя достоинство несчастного русского солдата, который сам выпутается из всех бед...“»⁹²⁷.

То и дело в отдаленных районах крестьянство, колеблясь под влиянием противоречивых слухов, пыталось установить желаемое безналоговое безвластие. Уже в августе–сентябре 1918 года только начинавшая выстраиваться белая власть была атакована восстаниями. При этом, например, в волостях Канского уезда – переселенческого и «взорвавшегося» на рубеже 1918–1919 годов – полиции не было вообще⁹²⁸. Вооруженным сопротивлением крестьяне то и дело отвечали на отнюдь не самые основательные поводы со стороны белых: так, главной причиной Чумайского восстания в 30 селениях Мариинского уезда Томской губернии (октябрь 1918 года) стало взимание податей и штрафов с местного населения за самовольные массовые порубки леса⁹²⁹, а Минусинского (ноябрь 1918 года) – закрытие властями частных самодельных заводов. Урманское восстание началось 3 июля 1919 года в Верхне-Тарской волости Каинского уезда из-за недовольства лесничеством⁹³⁰. В Енисейской губернии часть мобилизованных, получив обмундирование и деньги, осенью 1918 года разбежались по домам. За это белые расстреляли в селе Степной Баджей несколько человек. В ответ в декабре 1918 года

⁹²³ Рышков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 98.

⁹²⁴ Анонимная (вероятно, Ю. Г. Циркунова и Г. А. Вяткина) рукопись об истории отрядов Рогова и Новосёлова, около 1932 года. См.: ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1166. Л. 28.

⁹²⁵ Там же. Оп. 4. Д. 1093. Л. 5.

⁹²⁶ Балмасов С. С. Функционирование органов военной цензуры Российского правительства в 1918–1919 гг. // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. С. 57, 58.

⁹²⁷ Булдаков В. П. Плоды методологической беспомощности. С. 131; Грондейс Л. Война в России и Сибири. М., 2018. С. 250.

⁹²⁸ ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 936. Л. 22.

⁹²⁹ Курьшиев И. В. Мариинское (Чумайское) крестьянское восстание 1918 г.: мотивы и поведение повстанцев // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2015. № 2 (34). С. 31–36.

⁹³⁰ ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1414. Л. 139.

началось восстание, которое сначала возглавили латыши Ян Пауль, бывший член совдепа, и Иван Боган; затем командование повстанческой армией было доверено А. Д. Кравченко⁹³¹.

Большую роль в этом восстании сыграл национальный фактор, наложившийся на проблему конфликтов новоселов со старожильческим населением. В Канском уезде Енисейской губернии переселенцев было 75,9%, в Нижнеудинском Иркутской губернии – 51,6%. По мнению П. А. Новикова, недавние переселенческие деревни больше подходили для партизанских баз, чем для размеренного единоличного хозяйствования. Из-за революции прекратилась помощь новоселам со стороны Переселенческого управления, теперь они не могли подрабатывать на его дорожных работах и больше занимались тайным винокурением. Латыши были особенно податливы на красную агитацию. Большое восстание жителей бассейна реки Маны вокруг села Степной Баджей опиралось на латышей: «... весь Манский район состоит из участков, населенных латышами и эстонцами, – отмечал следователь Красноярского суда. – Эти люди, живя в глухой тайге, всегда были настроены анархически»⁹³².

В Канском уезде в декабре 1918 года к только что образовавшемуся повстанческому ядру постоянно шли ходоки от волостей. Эти люди выспрашивали и напряженно взвешивали, присоединяться ли к партизанскому отряду, – многие были готовы восстать, но отговаривались отсутствием оружия, хотя очевидно, что в богатом охотничьем районе его хватало. По данным Т. Е. Перовой, в селе Агинском у крестьян имелось 200 трехлинеек, а по всему району – до тысячи, но «это оружие... крепко держалось в руках хозяйственных мужичков». Агинский штаб собрал 300 винтовок, однако в результате агитации со стороны протоиерея Тарасова о якобы разгроме восставших почти сразу же роздал оружие обратно и распался⁹³³. Несомненно, значительная часть припрятанных винтовок предназначалась лишь для охраны хозяев.

В марте 1919 года взбунтовались Икей и Катарбей – волостные села Нижнеудинского уезда. Их население – во время земских собраний для раскладки налогов – под влиянием слухов о сверхобложении разогнало и арестовало земцев, организовав советы, причем в Икее совет возглавил уголовный ссыльнопоселенец Михаил Фурси (Стефановский). Оба совета мобилизовали до 3 тыс. бойцов, отобрали порох у кооперативов и организовали патронные мастерские. Лозунги были анархические и шкурные: «Долой милицию и налоги!», «Долой земства!». Управляющий губернией П. Д. Яковлев, не желая лишних жертв, пытался переговорить с повстанцами, но те отказались и «выключили провод». Тогда Яковлев выслал в Икей отряд из 30 милиционеров.

Мобилизованные из-под палки и почти невооруженные, крестьяне серьезно воевать готовы не были, так что прибывший из города Черемхово конный милицейский отряд без труда подавил выступление – из шайки, где оказалось не более 300 повстанцев, было убито 16, остальные сдались⁹³⁴ (советский автор, не делая ссылок, написал, якобы при подавлении восстания «с лица земли были стерты целые деревни. В ряде сел каратели вырезали все население»⁹³⁵). И все же стихийный протест деревни, стремительно нараставший в течение 1919 года, опережал возможности правоохранительных органов.

В конце августа 1919 года на территории Приобского бора в Верх-Караканской, Верх-Ирменской, Сузунской волостях Новониколаевского и Барнаульского уездов под влиянием Зиминского восстания и «на почве отбирания у населения оружия, старого военного обмундирования и амуниции возникло новое, еще более мощное восстание бывших фронтови-

⁹³¹ Там же. Л. 44.

⁹³² Новиков П. А. Партизаны и каратели на рубеже 1918–1919 гг.: начало борьбы в Иркутском военном округе // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1 (29). С. 60.

⁹³³ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 936. Л. 15, 18, 19.

⁹³⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-45369. Т. 1. Л. 40 об.; Эхо. Владивосток, 1919. 3 мая. № 48.

⁹³⁵ Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная. С. 356.

ков...»⁹³⁶: партизаны совершили налеты на села Берское, Верх-Ирмень, Верх-Чик, Воробьевскую волость, причем ряд селений пострадал от поджогов, а интеллигенция и духовенство были вынуждены спасаться бегством. (В ответ несколько дней спустя польские легионеры и местная милиция изымали у населения охотничье оружие и расстреляли до 30 повстанцев⁹³⁷.) По сути, крестьяне отвечали неразборчивым насилием на любые попытки государства проявить свою волю, поскольку считали, что оно им и так должно. И чувствовали свою силу «людей с ружьем» в противостоянии слабому, непонятному государству с его непонятно какой по счету властью, гораздо более вороватой, чем царская, но тем не менее чего-то требующей.

На Дальнем Востоке население, настроенное еще более анархично, чем в Сибири, уже в конце 1918 – начале 1919 года массово сопротивлялось властям. В декабре 1918 года сход жителей села Борисоглебка Амурской области отказался сдавать оружие, открыто заявив о неповиновении и грозя восстанием. К весне 1919 года в Амурской области масса деревенской молодежи ушла к партизанам. Журналисты констатировали: «Суть происходящих событий деревня совершенно утратила способность уяснять. <...> Возвратившиеся из командировки в область некоторые земские инструктора передают, что почти повсюду... крестьяне встречали их недоброжелательно... и были моменты, когда им грозила опасность кулачной расправы. Но после более или менее продолжительных разъяснений со стороны инструкторов крестьяне быстро меняли настроение и выражали раскаяние в прежних своих намерениях»⁹³⁸.

Затем настроение менялось снова, и чаще не в пользу власти. В острые исторические периоды колебания настроений широких масс надежному прогнозу не поддаются и переход от приятия либо равнодушия к неприятию может занимать считанные месяцы или даже недели. У белых оказался весьма небольшой кредит доверия: после их прихода население решило, что уже в 1918 году война, измучившая всех, закончится и дела вот-вот поправятся. Но обстановка воюющей страны не способствовала улучшению положения, а неизбежного ухудшения белым не простили.

По достаточно обоснованному мнению большевиков, у зажиточных сибирских крестьян, испытывавших крайний недостаток промтоваров, было острое желание восстановить связь с Советской Россией и продавать туда излишки хлеба, образовавшиеся после прекрасного урожая 1918 года⁹³⁹. Когда же колчаковская власть стала рушиться, от нее отвернулись почти все. К октябрю 1919-го, как признавал соратник Колчака, «население проявляло озлобление» к власти. Аппарат управляющего Иркутской губернией сообщал, что после падения Омска настроение «почти всех групп населения» губернии «по отношению к Правительству враждебно»⁹⁴⁰.

Отрицание авторитета власти имело самые катастрофические последствия. С каждым месяцем Гражданской войны нарастала архаизация общественной жизни. Особенно опасной выглядела долговременная эпидемия самосудов, которые резко росли в числе и прибавляли в жестокости. Мировой судья 3-го участка Акмолинского уезда 28 мая 1919 года отмечал: «...революция развеяла последние зачатки правосознания, имевшиеся в массах. Народ был предоставлен самому себе... и он пошел по пути безначалия, бесправия и самосудов, наиболее понятному для его правосознания». Говоря о многочисленных самосудах, современный автор

⁹³⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 791. Л. 336 об. Впрочем, военное обмундирование, которое белые считали собственностью казны, нередко было единственной хорошей одеждой многих демобилизованных крестьян (см.: ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1520. Л. 4).

⁹³⁷ Сибирская жизнь. Томск, 1919. 17 сент. № 196.

⁹³⁸ История Сибири. Т. 4. Л., 1968. С. 117; Дальневосточное обозрение. Владивосток, 1919. 4 апр. № 68.

⁹³⁹ Преображенский Е. Экономика и политика сибирской контрреволюции // Правда. Еженедельное приложение. 1919. 2 февр. № 2.

⁹⁴⁰ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. Ч. 2, 3. С. 342; Скорикина Н. А. Власть и общество в Иркутской губернии в годы гражданской войны // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 5 (88). С. 279.

констатирует: «У палаческих наклонностей населения не было надежного „сдерживателя“ ни в лице прокурорского надзора, ни в лице омских властей или местного самоуправления»⁹⁴¹.

Что крестьяне, что горожане были уверены: чем более массовым будет участие в убийстве, тем меньшей окажется индивидуальная вина каждого. С 1917 года в Бийском и Томском уездах фиксировались многочисленные случаи закапывания заживо тех, кого подозревали в воровстве; в мае 1919 года в Омске пьяная толпа, науськанная каким-то провокатором в военной форме, начала – за «неправильное» тушение пожара – избивать брандмейстера Гасникова, которого едва живым отбили у толпы его подчиненные⁹⁴². В апреле 1919 года в селе Ивленском Петропавловского уезда Акмолинской области на волостном сходе за отказ выдать на самосуд подозреваемых в конокрадстве был убит помощник начальника участковой милиции и тяжело ранены два милиционера. Газета «Уссурийский край» отмечала, что в Амурской области много самосудов и прав оказывается тот, кто выставит больше спирта. Прокурор Читинского окружного суда докладывал начальству: «Самым ярким проявлением большевизма со стороны населения является то, что оно за разрешением своих споров и тяжб обращается не к законным властям, а к главарю шайки»⁹⁴³.

О характере белой власти и ее целях сибиряки почти ничего не знали. В целом они были склонны верить красной пропаганде больше, чем довольно слабой белой. (Хотя, как сообщали в апреле 1919 года власти Тогурского уезда, прибывающие в Нарымский край раненые солдаты «своими рассказами о зверских поступках большевиков с мирным населением в прифронтовых полосах» вызывали у местных жителей «отвращение к большевикам»⁹⁴⁴.) Характерно, что основная часть зауральского населения, очень быстро разуверившаяся в белых, недоверчиво воспринимала те рассказы о большевистских притеснениях и зверствах, которые распространяли многочисленные беженцы; напротив, фантастические слухи о дешевизне хлеба на советских территориях, крепком порядке и отсутствии спекуляции вызывали доверие⁹⁴⁵. Эвакуировавшиеся в глубь Сибири пермские рабочие летом 1919 года были неприятно поражены «наличием большевиков во всех слоях общества» и говорили, что «Сибири надо хлебнуть горького до слез», так как при правлении большевиков «у крестьян не было бы по 5–10 коров»⁹⁴⁶.

Революционное насилие стало фактором, дополнительно подхлестнувшим противостояние деревни и города. Характерна цитата из письма красноярского жителя, которое было отправлено примерно в середине 1920 года, но отражало взгляд деревни и на более ранние события: «...несдобровать советской власти, уж слишком комиссары закомиссарились, озлобляют своими проступками рабочий и крестьянский люд, а ведь они партизаны душой и телом и часто можно слышать от крестьянина такие слова: „Сначала поморим город голодом, а потом придем с дубинами и выгоним их“»⁹⁴⁷. Ранний большевистский историк честно отмечал: «Эта подозрительность и недоверие к городу, а вместе с тем и к... пролетариату... выбивали нередко из-под коммунистической партии почву для организационного и политического овладения

⁹⁴¹ См.: Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. С. 117.

⁹⁴² Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы. С. 116–117; Наша Заря. Омск, 1919. 1 мая. № 91. С. 4.

⁹⁴³ Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. С. 119, 121, 118, 152.

⁹⁴⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1520. Л. 41 об.

⁹⁴⁵ Мышанский А. А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г.: Межвузовский сб. научных трудов. Новосибирск, 2001. С. 110–133; Сибирская жизнь. Томск, 1919. 26 авг. № 179. С. 2.

⁹⁴⁶ Корнева Е. А. Контрразведка А. В. Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 63–77.

⁹⁴⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 83. Л. 24 (частично и не совсем точно опубликовано в работе: Шекшеев А. П. Деревня против города. С. 108).

[крестьянским] движением»⁹⁴⁸. Вместе с тем очевидно, что традиционное манихейство крестьянского мира перешло в манихейскую, по сути, идеологию большевиков.

Американский историк П. Кёнез, изучивший события на Юге России, писал: «Страна развалилась, и фактически в каждой деревне была своя гражданская война, зачастую не имеющая никакого отношения к идеологии красных и белых»⁹⁴⁹. Очевидец сообщал, что уже весной 1918 года на Украине были «деревни, опоясанные окопами и ведущие друг с другом войну из-за помещичьей земли»⁹⁵⁰. Одни (дезертиры и т. п.) участвовали в повстанчестве, чтобы выжить за счет оружия. Другие защищали себя и родных от реальных и фантомных притеснений со стороны городских властей. Третьи стремились за добычей. Четвертые искали приключений, реализовывая себя в качестве бойцов⁹⁵¹. Исаак Бабель в конармейской новелле «Учение о тачанке» упоминал «строение недавнего украинского села – свирепого, мятежного и корыстолюбивого». Таким же было село сибирское или дальневосточное.

Один из петроградских интеллигентов, историк и литературовед А. Я. Левинсон, посетивший Сибирь в конце 1919 года, писал о партизанах: «Что подняло их с пиками в руках против режима, утвердившего их собственные права? Отчасти бесчинства атаманов, побои, побои, беспорядок и хищничество, чинимые самовольно местной воинской властью. Но лишь отчасти. ...Мятежная вольница тайги восстала против порядка, против порядка как такового»⁹⁵². Основательным выглядит мнение рядового, но проницательного участника Гражданской войны: «Крестьяне относились к белым и красным с одинаковым недоверием, но больше опасались белых. В бурное революционное время практически каждый крестьянин совершил акт насилия, который угнетал его: в ряде случаев это был небольшой проступок, в других же – более серьезное преступление, такое, как грабеж и даже убийство. Крестьянин не любил красных, но верил, что при их власти его не призовут к ответу за старые преступления. С другой стороны, он связывал победу белых с опасностью ответить перед судом за свои проступки»⁹⁵³.

Здесь следует отметить, что отношение крестьян к основным противоборствующим силам оставалось ситуационно противоречивым. Один из современников отмечал, что иные крестьяне, как, например, в Рязанской губернии, «ждали „Толчака“ [Колчака], готовы были понести ответственность за грабеж помещиков, лишь бы отделаться от коммунистов». В. П. Булдаков пишет, что «...чаша весов Гражданской войны склонялась в ту или иную сторону подчас под воздействием невидимой борьбы внутри сознания и психики обычных людей, захваченных и ошеломленных „красной смутой“. А так называемые „инертные“ массы в кризисные моменты истории бывают не только наивно утопичными, но и боязливо прагматичными. Они и сделали конечный выбор: имеет смысл рассчитывать лишь на „понятную“ и непреклонную силу»⁹⁵⁴.

Маргинальные слои деревни особенно легко отбрасывали цивилизованные нормы, с удовольствием возвращаясь в «первобытное состояние». С лета–осени 1919 года партизанщина, подпитываемая недовольством населения, стала массовой и в Алтайской, и в Томской, и в Енисейской губерниях, а еще раньше – в Амурской, Забайкальской и Приморской областях. Центрами развитого повстанчества были также Акмолинская и Семипалатинская области, где еще во второй половине 1918 года произошли крупные Кустанайское и Змеиногорское (Шемонаихинское) восстания. Сведение – в атмосфере безвластия – личных счетов на грабительской

⁹⁴⁸ Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 3. С. 80.

⁹⁴⁹ Кёнез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. М., 2007. С. 5.

⁹⁵⁰ Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 371.

⁹⁵¹ Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России, 1917–1921. М., 2011; Морозова О. М. Антропология Гражданской войны.

⁹⁵² Левинсон А. Поездка из Петербурга в Сибирь // Архив русской революции. М., 1991. Т. 3–4. С. 208.

⁹⁵³ См.: Реден Н. Сквозь ад русской революции: воспоминания гардемарина, 1914–1919. М., 2006.

⁹⁵⁴ Булдаков В. П. Плоды методологической беспомощности. С. 130–131, 134.

подкладке и обуславливало в первую очередь тот размах конфликтности, который привел к основным демографическим потерям.

«Первая» советская власть на востоке страны соединяла анархический размах в сокрушении старого с попытками насадить на местах органы управления, которые, однако, везде парализовались некомпетентностью и ставкой на голое насилие. Белые, выстраивая свою вертикаль государственной власти и успев довести ее только до уездного уровня, боролись как с анархией крестьянской стихии, так и с произволом собственных силовых структур. В итоге «первая» советская власть быстро пала под натиском немногочисленных, но хорошо организованных интервентов, поддержанных антикоммунистическим подпольем. Затем и власть Колчака рухнула под ударами огромной Красной армии, чье наступление успешно подстегивало разрушительные для белого тыла партизанские атаки. Как летом 1918 года, так и в конце 1919-го население восточных окраин не поддержало сначала красных, а потом и белых, негодую как против силового нажима и низкого качества управления, так и падения уровня жизни.

Глава 5

КРИМИНАЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ ВО ГЛАВЕ ПАРТИЗАНСКОЙ СТИХИИ

Партизанские отряды, возникшие почти сразу после свержения советской власти в регионе, формировались из сельских маргиналов (дезертиров, хулиганов, пьяниц), а также разбежавшихся по глухим местам советских работников, красногвардейцев (в основном пришедших и не имевших возможности вернуться домой), коммунистов, левых эсеров и анархистов. Также среди повстанцев было много как абсолютно чуждых местному населению интернационалистов – венгров, латышей, немцев, австрийцев и пр., так и всевозможных авантюристов и уголовников. Часть отрядов носила частично или полностью национальный характер, состоя из переселившихся в Сибирь латышей и эстонцев или мигрировавших на Дальний Восток корейцев и китайцев.

Характерно, что первые руководители советов Сибири и Дальнего Востока чаще всего не числятся среди организаторов партизанского движения. Высказано мнение, что они не обладали тем сплавом уникальных качеств, который был у признанных повстанческих вожаков: «храбрость, твердая воля, умение говорить с людьми на их языке, знание таежных условий, опыт участия в военных действиях» и заметный личный авторитет⁹⁵⁵. Поэтому С. Г. Лазо, В. И. Манторов, А. А. Ширямов и многие другие крупные коммунисты долгое время просто скрывались от властей. Создавали же отряды совсем другие люди, и наполняли их недовольные крестьяне, а основная масса бывших красногвардейцев, похоже, предпочла отсидеться и дожидаться свержения белых. К. К. Байкалов отмечал: «Огромное же большинство [сотрудников советской власти], в том числе и старые подпольщики, после чешского переворота... предпочитали проживать „в подполье“, как известно, большинство из них провалились и без всякой пользы погибли»⁹⁵⁶.

Положительной программы партизаны обычно не имели, а воевали «против». Против властей с их обременительными повинностями и нередким произволом; против зажиточных казаков и горожан; против обеспеченного землей старожильского населения; против присутствия войск интервентов, посмеявшихся вмешаться во внутренний российский конфликт. Когда в Минусинском уезде один из местных кооператоров спросил П. Е. Щетинкина, какие у него лозунги, тот отвечал: «Я иду против милиции, против казаков, против Колчака»⁹⁵⁷.

Основой отрядов были бедные и средние крестьяне. Однако наличие значительного числа зажиточных мужиков среди повстанцев вряд ли правильно объяснять преимущественно партизанскими мобилизациями⁹⁵⁸. Один из роговцев описывал сход в захваченной ими деревне Ларионовке, где сначала собравшиеся одобрили казнь писаря Телешева и еще двух «врагов», а затем с наиболее убедительной агитацией против белых выступил крепкий хозяин З. П. Блохин: «Вы знаете, что я, Захар Блохин, имею два дома, машины всяки, 15 меринов запрягаю, да хлеба два амбара насыпано – и то пошел... потому что Колчаковску власть ненавижу. Хочу свою иметь власть, Советску власть, здесь на месте. <...> Если вы с нами, седлайте лошадей и поедemте, а если нет, то мы воевать будем с вами». После этих слов Блохин вытащил из ножен австрийский штык и закончил свою речь так: «Я вот этим чинжалищем сначала богатеям всем вашим пузы распорю, а потом перейду [к тем], которые победнее, а потому это, что

---

⁹⁵⁵ Бутенин Н. А., Бутенина Н. Д. Партизанское движение в Приморье в годы гражданской войны. С. 29.

⁹⁵⁶ Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири. С. 19.

⁹⁵⁷ Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. С. 54.

⁹⁵⁸ Ларьков Н. С. Из истории идейно-политической борьбы в антиколчаковском партизанском движении // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 137.

вы не [о]сознаете». После схода в партизаны записалось до сотни ларионовских мужиков, в том числе много фронтовиков, а также 50 подростков и стариков⁹⁵⁹

---

⁹⁵⁹ *Голев В. М.* Четвертая партизанская группа // Сибирские огни. Новосибирск, 1929. № 5. С. 118; ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1161. Л. 14, 21–22. Характерно, что немного позднее Блохин оказался среди вооруженных противников коммунистов, примкнув к отряду И. П. Новосёлова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.